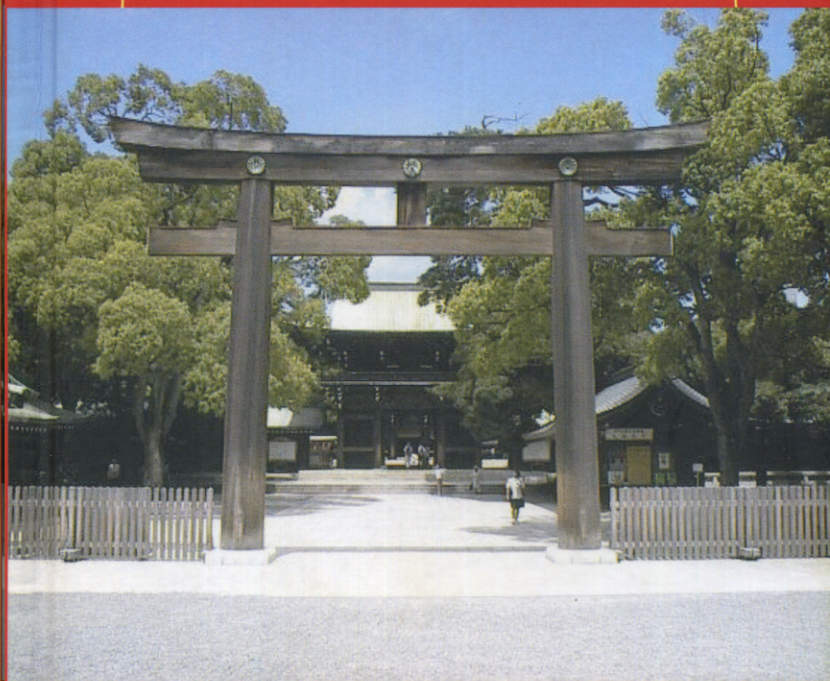

Национальная религия японцев. Синто

**Национальная
религия японцев**

Синто

Филиал Международного научного
общества синто (Япония)
в Российской Федерации

**Национальная
религия японцев**

Синто

КРАФТ+
Москва
2008

УДК 225.2(082)
ББК 86.33я43
Н 35

Научный редактор Э.В. Молодякова
Перевод с англ. А.Л. Гарибова

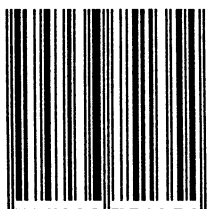
На обложке: Мэйдзи дзингу (Токио)

Н 35 **Национальная религия японцев. Синто/**
Фил. Междунар. науч. о-ва синто (Япония) в
Рос. Федерации; [науч. ред. Э.В. Молодякова; пер.
с англ. А.Л. Гарибова] – М.: Крафт+, 2008. –
224 с.: ил. – ISBN 5-93675-134-9

И. Молодякова, Эльгена Васильевна, ред.
Агентство СІР РГБ

Несмотря на «японский бум» последних лет, в России до сих пор мало знают о традиционной религии Японии – синто. А ведь без этого невозможно понять Страну восходящего солнца. В синто можно найти объяснение ее великого прошлого и увидеть залог успешного будущего. В предлагаемой читателю книге публикуются переводы двух работ признанных японских религиоведов, написанных ими по-английски, специально для иностранного читателя, и впоследствии многократно переиздававшихся. Это работы Оно Сокё «Синто. Путь богов» и Като Гэнти «Что такое синто?». Их дополняет популярный очерк профессора Э.В. Молодяковой о современном положении синто.

ISBN 978-5-93675-134-9

9 785936 751354

© Издательство
«Крафт+», 2008

Содержание

Предисловие.....	6
------------------	---

Като Гэнти

ЧТО ТАКОЕ СИНТО?

Предисловие	12
I. Вступительные замечания	13
II. Основные черты синто	16
1. Детство синто	16
2. Отрочество синто	19
3. Зрелость синто	22
4. Теантропический характер синто и его отличия от религий теократического типа	37
5. Некоторые универсальные свойства.....	43
Приложение	49

Оно Сокё

СИНТО. ПУТЬ БОГОВ

I. Путь богов	53
Введение	53
Мифология	55
Ками	57
Тексты	59
Типы синто	62
Организация	64
II. Святилища	68
Святилища и их атрибуты	68

Комплекс святилища и прилегающая территория	73
Архитектура	83
Священнослужители и персонал святилищ	88
Приходы и прихожане	93
III. Богослужения и праздники	97
Богослужение	97
Четыре элемента синтоистского богослужения	98
Почитание камней в доме	102
Богослужение в святилище	104
Праздники	107
IV. Политические и социальные составляющие	116
Политика правительства	116
Искусство	125
Экономическая жизнь	126
История отношений с другими религиями ..	128
Современные отношения с другими религиями	130
Повседневная жизнь	131
V. Некоторые особенности духовной жизни	133
Передача веры	133
Святилища и природа	137
Мир, человек	141
Спасение, смерть	145
Универсальный характер синто	148
Глоссарий	149

Э.В. Молодякова

СИНТО В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Проблемы синто в послевоенные годы.....	153
Проблема статуса <i>Исэ дзингу</i> и ритуалы императорского двора	169

Синтоистский аспект послевоенных государственных праздников	180
Религиозные и политические аспекты проблемы <i>Ясукуни дзиндзя</i>	184
Современная жизнь святилищ	206

Предисловие

Несмотря на «японский бум» последних лет, в России до сих пор мало знают о традиционной религии Японии – синто. А ведь без этого невозможно понять Страну восходящего солнца. В синто можно найти объяснение ее великого прошлого и увидеть залог успешного будущего. В предлагаемой читателю книге «Национальная религия японцев. Синто» публикуются переводы двух работ признанных японских религиоведов, написанных ими по-английски, специально для иностранного читателя, и впоследствии многократно переиздававшихся. Это работы Оно Сокё «Синто. Путь богов» и Като Гэнти «Что такое синто?». Их дополняет популярный очерк профессора Э.В. Молодяковой о современном положении синто, основанный на ее статье «Синто в послевоенной Японии» (Синто – путь японских богов. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002). Такая структура книги вполне оправданна, поскольку дает сжатое, но ясное представление о свособразной и сложной религии, принадлежащей только японцам. Это популярное концептуальное введение в историю синто для широкого круга читателей, интересующихся не только культурой Японии, но и проблемами религиозной жизни различных народов.

Синто – путь богов – исконная религия японцев, важнейшая и неотъемлемая часть истории и культуры народа. Именно на основе синто на протяжении веков складывались мировосприятие и мироощущение японцев. Несомненно, синто больше, чем религиозная вера. Это комплекс идей, отношений и норм поведения, которые более чем за

два тысячелетия стали основой существования японцев.

Эта религия мало известна по сравнению с другими вероучениями мира, хотя в Японии она существует с незапамятных времен. До сих пор синто в значительной степени является *terra incognita*, несмотря на то, что всегда привлекал внимание иностранцев своими экзотическими обрядами, церемониями, праздниками, мистической атмосферой и своеобразной символикой своих святилищ.

На протяжении столетий многие японцы писали о синто, но это был, как правило, их личный взгляд, личное отношение к религии. Работы иностранных авторов касались в основном каких-то отдельных сторон исконных верований японцев. И вот появилась книга крупнейшего знатока синто Оно Сокё «Синто. Путь богов», которую можно рассматривать как превосходное справочное пособие по истории японской религии. На основе богатого личного опыта автор предоставляет читателю краткое изложение сущности и практики синтоистской веры. При этом, по словам самого Оно Сокё, «невозможно сделать четким и ясным то, что по своей принципиальной сущности является неясным и неуловимым».

Автор книги «Что такое синто?» Като Гэнти рассматривает национальную религию японцев в контексте мировых религий, показывает некоторые универсальные ее свойства и беспрецедентную терпимость. Лучший знаток синто раскрывает иностранному читателю суть этой религии. Написанная в 30-е годы прошлого столетия, эта работа в определенной степени несет на себе отпечаток идеологических и политических реалий предвоенной Японии. В этой связи некоторые ее положения требовали комментариев, отвечающих нынешним понятиям о предмете. Как справедливо заметил сам Като Гэнти, без правильного представления о синто трудно понять духовный мир японцев. И он открыл его для всех, кто хочет понять Японию.

Особо стоит отметить, что оба автора – не только высокопрофессиональные религиоведы, но и люди синтоистской традиции, которые дают аутентичные знания об этом предмете.

Очерк профессора Э.В. Молодяковой «Синто в современной Японии» рассказывает о роли и месте этой религии в послевоенном японском обществе. Целый ряд современных проблем уходит корнями в прошлое, в те времена, когда власти пытались сделать религию инструментом государственной политики. Из очерка читатель узнает о ритуалах императорского двора и главных святилищах, о религиозных и политических проблемах святилища Ясукуни, о современной повседневной жизни как грандиозных общенациональных, так и небольших местных святилищ.

Като Гэнти

Что такое синто?

перевод с англ. А.Л. Гарибова

Предисловие

Синто, безусловно, является одной из важнейших и неотъемлемых составляющих культурной жизни японского народа. Это духовная основа, на которой развивалась и продолжает существовать нация. Без знания о том, что такое синто, никто не сможет понять, что такое японское конфуцианство или японский буддизм, поскольку, проникнув в Японию, эти учения значительно изменились и адаптировались к условиям Страны восходящего солнца под влиянием исконной национальной веры, глубинной, духовной жизненной силы народа. Иностранец, посещающий буддийские храмы и синтоистские святилища, изучающий японскую литературу, искусство и архитектуру, не сможет адекватно понять и оценить полученную информацию, если у него нет правильного представления о синто. В Японии есть поговорка: «Никогда не говори *кэко* (красивый, великолепный), если ты еще не видел *Никко* (прекрасное святилище в Никко)». Со своей стороны я бы добавил: «Не говори, что знаешь Японию, если не имешь представления о синто» — настолько важно, даже необходимо, знание о нем для любого иностранца, который хочет понять духовный мир японцев.

Като Гэнти
Токио, август 1935

I. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Синто, или *ками-но-мити*, путь богов, иногда традиционно именуемый *каннагара-но-мити*, или путь, божественным образом созданный в незапамятные времена и сохраняемый до сегодняшнего дня, – исконная японская религия (в противоположность пришедшему извне буддизму), существующая с глубокой древности до нашего времени. Ее начало – в особенностях религиозного характера японцев, и она прошла длинный путь развития – более двух тысяч лет, подвергаясь воздействию двух заимствованных из-за рубежа учений, буддизма и конфуцианства. Синто действительно является религией, свойственной японскому типу мышления, и ее нельзя искоренить или заменить какой-нибудь конкурирующей иностранной верой.

Наиболее древним документом, где встречается термин синто, или *ками-но-мити*, являются «Нихонги»¹. Там, в частности, говорится, что император Ёмэй (540–587) «верил в закон Будды и ценил путь богов»², а император Котоку (596–654) «почитал закон Будды и пренебрегал путем богов»³.

Как видно из вышесказанного, синто означает *ками-но-мити*, или буквально путь *ками*, путь богов. Так в каком же смысле употребляется слово «*мити*», или «путь», и что подразумевается под «*ками*», или «божеством», в японском понимании?

---

¹ Сокращенное название «Нихон сёки» (Анналы Японии), составлены по императорскому указу в 720 году. В переводе сохраняется принятое автором название «Нихонги». – *Ред.*

² Нихон сёки. СПб., 1997. Т. 2. С. 80. – *Ред.*

³ Там же. С. 141. – *Ред.*

Слово «*мити*», или «*путь*», может означать одновременно религиозное учение и практику, а «*ками*» – божество или божества, иногда духов или души, как в греческом языке *theos* или *daimon*, а в латинском – *dues* или *numina*. Таково религиозное наполнение понятия *ками*. В то же время это слово имеет другое значение, не религиозное, а вполне мирское. Слово «*ками*» буквально и этимологически можно перевести как «*высшее, главное, превосходное*». Поэтому всё – человек, животное, растение, органический или неорганический объект, если он в некоторых отношениях превосходит нас, – может называться *ками*. Таким образом, например, любой правительственный или судебный чиновник, который по своему рангу выше других, является *ками*, то есть он кого-то превосходит. В истории синто два значения слова «*ками*», религиозное и мирское, настолько тесно переплелись, что зачастую их невозможно различить. Это одна из причин того, почему сложилось распространенное мнение, что синто – вовсе и не религия. Ведь *ками* – это не что иное, как личность человека, который по своему рангу выше других людей. Таким образом, согласно этому взгляду, синто выражает не отношения между богом и человеком, что характерно для религии, но скорее связь между людьми, то есть синто является категорией моральной, а не религиозной.

Я считаю, что это совершенно ошибочная точка зрения. В синто человек, обладающий благородным характером, может пользоваться почитанием, но не из-за своей природы, а благодаря высшему, божественному началу, содержащемуся в нем. Примерно так же буддисты Древней Индии искали прибежище в Будде и, по сути, почитали своего «*Великого учителя богов и людей*» как «*истинного Бога среди богов*». Они искали спасение в Будде так же, как древние евреи в Иегове (Яхве). Увидеть божественное в человеческой природе, в отличие от религий теократического типа, – одна из

особенностей религий теантропического⁴ типа, таких как буддизм или синто, на чем я подробнее остановлюсь позднее.

Короче говоря, тот, кто изучает синто, должен принять за аксиому: то, что выше в том или ином смысле, становится объектом поклонения, является ками в религиозном смысле этого слова, а не в его мирском значении.

В настоящее время синто можно разделить на два типа: с одной стороны, сектантский (13 сект), с другой – национальная вера, которую часто называют государственным синто⁵ или синто святилищ (*дзиндзя синто*), поскольку эти постройки символизируют его. Этому синто обучают молодое поколение в школах как национальной этике.

Синто как национальная вера развился из уникальной формы морали, пронизанной святым огнем религии, и именно на этом основывается специфический японский патриотизм, или преданность *Акицу-ками*, Божественному Правителю, та преданность, которая окрашена «религиозной энергией». Синто как национальная вера – основополагающий, направляющий принцип, как нравственный, так и религиозный, на котором прочно базируется вся национальная жизнь.

Синто – это религия, которая развивается в Японии с древнейших времен и сохранила свою энергию в наше время. Синто действительно подвергался серьезным воздействиям со стороны иностранных верований и учений, в частности буддизма

---

⁴ Теантропический – имеющий божественную и человеческую природу. От *греч.* theanthropos – богочеловек (theos – бог и anthropos – человек). – *Ред.*

⁵ В период от реставрации Мэйдзи (1868 год) до поражения Японии во Второй мировой войне государственный синто был не более чем культом поклонения божественным предкам императора, а ритуалам синто был придан характер государственных актов, что способствовало выхолащиванию его религиозной составляющей. – *Ред.*

и конфуцианства, однако заимствованные верования так и не смогли его уничтожить. Напротив, он сохранялся и укреплялся, от поколения к поколению постепенно поднимаясь на все более высокий религиозный уровень.

Религии Древней Греции и Рима давно перестали существовать, верования Древнего Египта, Вавилона и Ассирии канули в Лету. Все они остались в прошлом, превратились в достояние истории и сегодня не выражают веру какого-либо народа. Совсем иначе обстоит дело с синто. Каждая из 13 сект имеет значительное число приверженцев, а синто в целом является одной из важнейших отличительных черт нации. Ежегодно святилище *Исэ* посещают сотни тысяч верующих, чтобы почтить прародительницу, богиню Солнца. Святилища с их живописными красными воротами можно встретить в любом уголке страны, они являются объектом поклонения, и это свидетельствует о том, что синто остается национальной верой японцев.

II. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СИНТО

1. Детство синто

Используя выражение «детство синто», я имею в виду первый или ранний этап его развития, когда он находился, если можно так сказать, в младенческом возрасте. На этом этапе ему были присущи все признаки примитивной религии поклонения природе. Его взгляд на мир и жизнь представлял собой анимизм⁶ или аниматизм⁷ – верования, распространенные среди примитивных народов, рассматривающих все объекты и явления природы как живые существа, подобные людям (хотя на этом этапе люди еще не пришли к пониманию дуализма тела и души). Таким образом, аниматизм можно назвать стихийным, недуалистическим анимизмом, или преанимизмом. В.Дж. Астон⁸ прав, видя аниматизм в поклонении огню у древних японцев и говоря, ссылаясь на манускрипт «Ритуал поклонения богу огня», что древние японцы обожествляли сам огонь, а не дух, воплощенный в реальном огне. Первоначально примитивная философия сводилась к аниматизму, затем наступил период анимизма, как и у многих других народов, находившихся на той же стадии разви-

---

⁶ Система религиозных представлений о наличии у человека, животных, растений, предметов независимого начала – души. – *Ред.*

⁷ Характерное для первобытных религий представление о безличной одушевленности всех предметов и явлений окружающей человека действительности. – *Ред.*

⁸ Астон Вильям Джордж (1841–1911) – востоковед, известный работами по истории и культуре Японии. – *Ред.*

тия. Другими словами, мы полагаем, что в Древней Японии сначала появилось простое поклонение силам природы, которое позднее развилось в более сложное верование. Даже сегодня в Кумано (ранее провинция Кии, а ныне префектура Вакаяма) можно легко обнаружить следы примитивного почитания природы, или аниматизма. Оно когда-то существовало в виде поклонения величественному водопаду Нати как таковому, а не невидимым духам воды или нимфам, живущим в его водах.

В религиозном сознании древних японцев вся природа была живой, как и они сами. Поэтому в некоторых старых синтоистских сказаниях говорится, что деревья, травы, даже скалы могут говорить. Поклонение природе в простой или сложной форме – одна из наиболее примечательных черт синто на его ранней стадии. Людей со всех сторон окружали сверхъестественные, божественные объекты, органические и неорганические. Они называли их «бесчисленным множеством богов». Таким образом, они неизменно существовали в религиозной атмосфере мистики и обрядности.

Среди неорганических объектов почитания мы встречаем небесные, то есть луну и солнце, которые считаются главными божествами. В японской мифологии это – богиня Солнца *Аматэрасу-о-миками* и бог Луны *Цукиёми-но-микото*. Среди атмосферных явлений обожествлялись ураган, ветер, гром и молния. В соответствии с древними полуполюгендарными и полуйсторическими документами *Сусаноо-но-микото*, брат богини Солнца, воплощает собой ураган, как и *Аматэрасу-о-миками* – солнце.

В древних мифах солнце, луна, ураган – три божества, порожденные их божественными родителями: *Идзанаги* – мужским божеством и *Идзанами* – женским. Возможно, в глубокой древности они символизировали небо и землю. Среди земных природных объектов моря, реки, родники, горячие источники либо сами являлись божествами,

либо служили жилищем духов. Так, в Древней Японии зародилось почитание всего, связанного с водой, – гидрoлатрия⁹. В стране имеется много живописных мест, которые, помимо всего прочего, известны своими горячими источниками, и там можно встретить святилища с *тори* – характерными красными воротами. Величественная горная вершина, вулкан, извергающий зловещий огонь, ужасные землетрясения, явные проявления гнева Невидимого – все это в древнем синто рассматривалось как проявления божественного. Скалы и камни, часто фаллической формы, также почитались как божества. Таким образом, в древнем синто сложилось поклонение камням – литолатрия.

В Древней Японии с благоговением относились к змеям, тиграм, крокодилам, акулам, волкам, медведям, зайцам, воронам и другим объектам живой природы. То есть имела место зоолатрия. Так же относились и к деревьям, травам, сельскохозяйственным растениям (дендрoлатрия). Персиковые деревья обожествлялись как обладающие мистическими свойствами, что использовалось в экзорцизме – изгнании злых духов и демонов. Таким образом, поклонение силам природы было низведено до уровня фетишизма. В примитивном синто объектами фетишизма являлись различные предметы – драгоценности, зеркала, мечи, *хирэ*¹⁰, домашняя утварь, даже пугала были фетишами-божествами. Антрополатрия, или поклонение человеку, всегда составляла одну из характерных черт синто. Ему присуще почитание императора, национальных героев и некоторых высокопоставленных государственных деятелей, которые признавались божествами при жизни или после смерти главным об-

---

⁹ Латрия – поклонение кому-либо или чему-либо как богу, обожествление объекта поклонения. – *Ред.*

¹⁰ Изделия из ткани, которым приписывалась магическая сила, способная, например, вызывать волны или изгонять ядовитых насекомых и змей. – *Ред.*

разом из-за необычной или сверхчеловеческой, сверхъестественной доблести. Некролатрия, или почитание мертвых вообще, а также поклонение предкам в частности, является одним из аспектов антрополатрии, который возник в примитивном синто. В целом, вера в духов, которую можно назвать анимизмом, вполне сродни поклонению мертвым и почитанию предков.

Анимизм был простой философией древних японцев, хотя, как уже упоминалось выше, мы можем обнаружить некоторые признаки аниматизма, более примитивной формы анимизма, то есть преанимизма, в почитании бога огня *Кагуцути* в древнем синто. Об это упоминается у В.Дж. Астона в его книге «Синто. Путь богов»¹¹. Следы тотемизма, вероятно, также можно найти в примитивном синто – в поклонении воронам, крокодилам или акулам, хотя на этот счет у Астона другое мнение. *Амэ-но-минака-нуси-но-ками*, божество Центра Неба, вероятно, является проявлением в Древней Японии так называемого примитивного монотеизма, хотя некоторые японские ученые утверждают, что оно было привнесено из Китая.

2. Отрочество синто

Пройдя этап наиболее примитивного почитания сил природы, на котором синто можно было охарактеризовать как полидемонизм, веру в существование непонятных, бестелесных духов, он достиг стадии политеизма в точном значении этого слова. Тут в японском пантеоне появляется не *daimon*, а *theos* (если использовать греческие термины). Возникает также разграничение между мужскими и женскими божествами. Отец и мать, муж и жена, брат и сестра, а также хозяин и слуга – короче говоря, в кругу божеств появляются все, кто есть в человеческом обществе. Возникает божественная

---

¹¹ Aston W.G. Shinto. The Way of the Gods. L., 1905.

иерархия, естественным образом расширяется синтоистский пантеон.

Мифы в «Кодзики»¹² и «Нихонги» описывают эру богов, отлично иллюстрируя эту сторону синто. Как и в греческой мифологии Гомера, в этих мифах виден четкий политеизм с присущей ему божественной иерархией. *Аматэрасу-о-миками*, богиня Солнца, ее буйный брат *Сусаноо-но-микото*, обожествленный ураган, бог Луны *Цукиёми-но-микото* – все произошли от божественных родителей *Идзанаги* и *Идзанами*, которые повелевали соответственно Равниной Высокого Неба, пространством Оксана и царством тьмы. В «Кодзики» и «Нихонги» конфликт между солнцем и ураганом представлен в виде захватывающего мифа. В итоге солнце побеждает, а *Сусаноо-но-микото* изгоняется по решению совета «восьми миллионов божеств», то есть «бесчисленного множества божеств», который состоялся в высохшем русле реки Амэ-но ясэ. Аналогично этому в греческой мифологии совет богов часто собирался на вершине горы Олимп. Его возглавлял Зевс, отец и царь богов и людей, на нем присутствовали его божественная супруга Гера, сын Аполлон, дочь Афина и многие другие подданные.

Впоследствии буйный *Сусаноо-но-микото* грубо и оскорбительно повел себя с сестрой *Аматэрасу-о-миками*, которая обиделась и скрылась в небесном гроте. В результате на небе и на земле наступила крошечная тьма. Тогда «восемь миллионов божеств», обеспокоенные таким поворотом дел, собрались держать совет на берегу реки Амэ-но ясэ и в конце концов с помощью хитрости выманили богиню Солнца из небесного грота. Таким образом в мир вернулся свет, а *Сусаноо-но-микото* был изгнан из небесной страны на землю. Он спустился в прсыинцию Идзумо и взял в жены дочь

---

¹² «Записи о деяниях древности» – первое в истории Японии сочинение государственно-исторического характера, 712 год. – *Ред.*

одного местного божества. Согласно распространенному мифу, она родила знаменитого *Омонуси-но-ками*, великого божественного правителя этой местности, которому теперь посвящено святилище *Кицуки* (префектура Симанэ). Далее, согласно мифологии «Кодзики» и «Нихонги», состоялся следующий акт этой божественной пьесы. Появился *Ниниги-но-микото*, чей праправнук, император Дзимму, стал первым смертным правителем Японии и считается основателем государства. *Ниниги-но-микото*, правнук прародительницы, богини Солнца, был послан по ее повелению на землю, спустился с Равнины Высокого Неба на чудесную вершину Такатихо в Химука в Цукуси, и бог-правитель Идзумо *Омонуси-но-ками* согласился уступить свои владения божественному правнуку и законному властителю *Ниниги-но-микото*. Так возникла Японская империя.

Таким образом, считается, что императорская династия ведет непрерывную линию от своей прародительницы, богини Солнца, вплоть до здравствующего микадо. Он, как и божественные предшественники, занимает трон по высшему праву, воплощая принцип единства политического управления и отправления религиозных обрядов. Это называется «*сайсэй-итти*», то есть единство веры и государства, или единство жреческих и королевских функций. Профессор Э.В. Хопкинс из Гарвардского университета четко и верно охарактеризовал микадо как воплощение «единства государства и божества»¹³. Таким образом, мы видим, что центральной идеей национальной веры является поклонение императору и патриотическая верность ему – полная, искренняя преданность и религиозное почитание Дзинно, или Божественного Правителя. Именно в этом заключается самая суть синто¹⁴.

---

¹³ Hopkins E.W. *Origin and Evolution of Religion*. New Haven, 1923. P. 252.

¹⁴ См. сноску 2, а также очерк «Синто в послевоенной Японии». – *Ред.*

Когда божественный правнук покидал небеса и спускался в Срединную Страну Тростниковых Долин, под которой подразумевается Япония, богиня Солнца *Аматэрасу-о-миками* выразила ему пожелания будущего процветания и осуществления священной миссии страны следующими словами: «Чудесная Страна Тростниковых Равнин – это земля, которую унаследуют наши потомки, поэтому иди и правь сю. И пусть наша божественная династия правителей будет непрерывно процветать на земле под покровительством Небес».

Это напутствие богини Солнца напомнит западному читателю обещание Иеговы (Яхве), данное им своему избранному народу перед тем, как он послал его в землю Ханаанскую¹⁵. Можно провести параллель между религиозной историей евреев и японцев, в которой имеется определенное сходство. Но нетрудно увидеть принципиальное различие между теократической религией древних евреев и теантропической по существу религией японцев.

3. Зрелость синто

Как показывает история религий, вместе с прогрессом в цивилизации той или иной нации развивается и ее религия – в интеллектуальном и этическом плане. Из поклонения силам природы возникает культурная, или этико-интеллектуальная, религия. Именно так обстоит дело с синто. Из его первоначальной формы – поклонения природе – развилась культурная форма, то есть из природного синто вырос культурный, или этико-интеллектуальный, синто. Детский возраст сменился зрелостью.

Интеллектуальный рост

Эта тенденция просматривается даже в отдаленные века, о которых рассказывают «Нихонги». Как свидетельствует история Японии, еще в правление

---

¹⁵ Бытие, 12. – *Ред.*

императора Нинтоку (первая половина V века) жили достаточно интеллектуально развитые люди, которые могли различать богов истинных и ложных. Так, в «Нихонги» говорится о некоем человеке по имени Коромо-но ко, который отказался быть принесенным в жертву ложному богу воды, или водяному демону, хотя по императорскому приказу другой человек, Копакуби, согласился стать жертвой. А умный Коромо-но ко погрузил в водный поток две тыквы и воскликнул: «О бог реки, если ты хочешь принять меня, сделай так, чтобы эти две тыквы утонули и не поднялись на поверхность; тогда я буду знать, что ты – истинный бог, и соглашусь добровольно войти в воду. Но если ты не сможешь утопить эти тыквы, я, конечно, пойму, что ты – ложный бог; но тогда зачем мне напрасно отдавать свою жизнь?»¹⁶. Ум Коромо-но ко помог ему рассудить, что бог реки был ложным, поскольку настоящий бог смог бы утопить тыквы и тем самым потребовать жертвоприношения. Так Коромо-но ко спас свою жизнь.

Резко критикуя вышеуказанный сюжет, Ямага Соко (1622–1685), просветитель и основатель бу-

---

¹⁶ Като Гэнти использовал перевод Астона фрагмента из «Нихон сёки» на английский язык. Перевод этого же фрагмента на русский язык. «Коромо-но ко, держа в руках две бутылки из тыквы, посмотрел на воду в том месте, где ее никак не удавалось перегородить. Вот бросил их в воду и взмолился: “Речной бог навел порчу и хочет, чтобы я был ему поднесен. Поэтому я сюда и пришел. Если он и впрямь хочет именно меня, то пусть эти две бутылки погрузятся в воду и не всплывут. Тогда я буду знать, что это и в самом деле бог (повелел), и тогда сам брошусь в реку. Если же бутылки не потонут, то будет это значить, что то божество – ложное. Зачем мне тогда погибать попусту?” Тут же налетел вихрь, увлек тыквенные бутылки и стал их топить. Бутылки же плясали на волнах, не погружаясь в воду. И быстро, поплескивая водой, уплыли вдаль». – Нихон сёки. Т. 2. С. 304–305. – *Ред.*

сидо (пути война), откровенно заявил: «По моему скромному мнению, человеческие жертвоприношения демону – это обычай китайских варваров. Это не может доставить удовольствие истинному богу, поскольку он не желает неподобающих даров. Остается лишь глубоко сожалеть, что император Нинтоку разрешил принести богу реки человеческую жертву, как это привиделось ему во сне. Будучи мудрым и добродетельным правителем, он, тем не менее, не смог рассудить этот вопрос подобно здравомыслящему Коромо-но ко, который сумел отличить истинного бога от ложного»¹⁷.

Праздник животных, который все еще отмечается в святилище *Кономия*, расположенном в нескольких километрах от города Нагоя, напоминает нам о древнем обряде человеческих жертвоприношений и экзорцизме. Сегодня, разумеется, в качестве жертв выступают не люди, а символизирующие их рисовые лепешки.

В другой легенде говорится о том, что Мара-искуситель, опасаясь превращения буддизма в самую влиятельную религию в Японии, что нанесло бы ущерб ему, заключил договор с богиней Солнца Внутреннего святилища *Исэ*. Она обещала препятствовать распространению этой религии, а Мара – защищать ее потомков-императоров. Договор, судя по всему, добросовестно соблюдался богиней Солнца вплоть до изгнания буддизма из *Исэ*. Буддийский священник Кокан Сирэн в XIV веке так критиковал эту легенду: «Если богиня Солнца святилища *Исэ*, приняв сторону Мары-искусителя, выступила против истинной религии Будды, то ее следует назвать ложным или злым, а не истинным или праведным божеством»¹⁸. Здесь мы видим, что

---

¹⁷ «Тютё дзидзицу». Памятник посвящен описанию императорского правления и толкованию событий при дворе. – *Ред.*

¹⁸ Гэнко сякусё. Жизнеописание монахов до годов Гэнко (1321–1324).

божество оценивается логическими или этическими категориями истинного (хорошего) или ложного (плохого).

Фудзивара-но Цунэаки в XIV веке так изложил эту этико-религиозную истину: «Божество святылища горы Касуга учит всех и каждого истинному пути правды как первому закону Небес, который я сохраняю в своем сердце и который будет вести меня, пока я не перестану дышать»¹⁹.

По преданию, дух горы, местный демон – ложный бог – был изгнан из своего владения и заменен истинным буддийским божеством. Обитавший в лесу криптомерий, он постоянно причинял неприятности путникам и был изгнан с помощью волшебной силы сутры, прочитанной монахом Нитиан. Письмо с извинениями, которое якобы было послано монаху демоном из его убежища на вершине дерева, теперь можно увидеть в храме Буцугэндзи (сейчас Мёсёдзи) в Ито на полуострове Идзу. Однако никто не может расшифровать иероглифы, которыми оно написано.

Аналогичным образом различные мифы древнего синто о ками получили новые интерпретации и объяснения, иногда явно надуманные, которые давали им синтоистские толкователи в эпоху культурной религии. Подобным образом произведения Гомера в Древней Греции были по-новому истолкованы в IV–V веках до н.э. греческими писателями Софоклом, Еврипидом и Эмпедоклом. Итидзё Канзёси (1402–1481), Таникава Котосуга (1709–1776), Татибана Морибэ (1781–1849) и многие другие изрядно потрудились над этим в Японии. Таким образом, постепенно синто на стадии культурной, или этико-интеллектуальной, религии обнаруживает генотеистические²⁰ (даже монотеистиче-

---

¹⁹ Синсюи Вакасю. Новое собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии. – *Ред.*

²⁰ Форма политеизма, признающая многих богов и выделяющая среди них главного. – *Ред.*

ские²¹) или пантеистские²² признаки, возникшие из полидемонистического и политеистического²³ синто предыдущей ступени развития.

В памятнике «Когосюи»²⁴, написанном Имубэ-но Хиронари в начале IX века, мы видим тенденцию развития синто от политеизма к генотеизму в поклонении богине Солнца *Аматэрасу-о-миками*. Мы читаем в нем: «Поскольку *Аматэрасу-о-миками* является самой главной богиней-прародительницей, никакое другое синтоистское божество не может претендовать на равенство с ней, подобно тому как сын не может претендовать на равенство с отцом, или вассал – с повелителем»²⁵. Действительно, в синто «много богов, много повелителей», но богиня Солнца *Аматэрасу-о-миками* стоит над ними. Приведенная цитата из «Когосюи» свидетельствует о проявлении в синто генотеизма.

Пантеизм синто отражен в следующем стихотворении, написанном Урабэ-но Канэкуни в XV веке:

Даже в одном-единственном листочке
Или в нежной травинке

---

²¹ Религия, признающая единого бога, единобожие; противоположность – политеизм. – *Ред.*

²² Религиозно-философское учение, отождествляющее бога с природой и рассматривающее природу как воплощение божества. – *Ред.*

²³ Религия, признающая многих богов, многобожие; противоположность – монотеизм. – *Ред.*

²⁴ Когосюи. (Дополнения к древним сказаниям, IX век.) – *Ред.*

²⁵ Перевод фрагмента с английского языка: Hironari Inbe. Kogoshui. Gleanings from ancient stories. Translated with an introduction and notes by Genchi Kato and Nikoshiro Hoshino. Tokyo, 1926. P. 46. Перевод того же фрагмента на русский язык: «И соответственно *Аматэрасу-о-миками* – это предок, это праматерь, по почитаемости ей нет равных. Поэтому все остальные боги – это дети. Это подданные, кто же из них осмелится подняться до нее». – Синто – путь японских богов. СПб., 2002. Т. 2. С. 97–98. – *Ред.*

Внушающее благоговение божество
Себя проявляет.

Тот же аспект пантеизма в синто раскрывается буддийским монахом Тада-Косэн (XIX век), который был сторонником объединения синто с буддизмом. Он писал:

Весенние цветы и осенние листья!
Все они воплощают собой
Тот яркий божественный свет,
Который изливает на землю
Небесная сияющая богиня!

Та же религиозная истина обнаруживается во фрагменте неизвестного Евангелия; слова приписываются Иисусу: «Поднимите камень, и там вы найдете Меня; разрубите дерево, и Я там»²⁶. Прекрасный гимн природного пантеизма звучит в «Пророчестве бога Авака»:

Посмотрите на лазурное небо,
На этот величественный свод наверху,
На землю, где легкий ветерок
Шелестит листвой деревьев
И звучит сладостная музыка природы –
Во всем слава бога сияет.

С точки зрения пантеизма все сущее во вселенной является божественным проявлением. Божественность наполняет собой и пронизывает весь мир. Все, с чем мы встречаемся в жизни, освещено божественным светом. Нет ни одного уголка на небе или на земле, который не был бы наполнен божественным сиянием.

Поэтому Сэнгэ Такадзуми, настоятель Великого святилища *Идзумо*, писал в XIX веке:

Любое место на земле – святилище;
Будь то простор океана
Или высочайшая горная вершина,

---

²⁶ Pratt J.B. The pilgrimage of Buddhism and a Buddhist pilgrimage. New York, 1928. P. 669. – *Ред.*

Которую ласкает солнце, –
Во всем пребывает божественная сила.

Это религиозное стихотворение в пантеистском стиле напоминает известное высказывание Арата²⁷:

Все улицы наполнены Зевсом,
Все площади,
Все гавани.
Потому что мы – его создания.

Само собой разумеется, что ни один каменный или деревянный храм, созданный человеком, не может вместить в себя такую божественность. Поэтому Сима Сигэю (1793–1870), служитель Великого святилища *Идзумо*, передает нам эту вечную истину в следующих пантеистских выражениях:

Не думайте, что лишь в этом земном храме
Правит божество;
Вся земля, все божественные небеса
Свидетельствуют о его присутствии.

Сущность такого бога является чисто духовной – вот окончательный вывод синто как культурной, или этико-интеллектуальной, религии. Подобную божественность мы должны почитать «в духе и в правде». Исходя из этой истины, секта *Конко* построила святилище таким образом, чтобы дать возможность верующим поклоняться святыне со всех сторон.

Подобно ветхозаветному Исае и почти по той же причине (поскольку божество превосходит все материальные вещи), историк периода Токугава (1603–1867) Исэ Тэйдзё (1715–1784) запрещал поклоняться божеству, воплощенному в статуях и образах. Он так наставлял верующих в своей книге «Гунсин мондо»²⁸: «Никогда не создавайте об-

---

²⁷ Арат из Сикиона (271–213 до н.э.) – астроном и мифолог, руководитель древнегреческого Ахейского союза. При нем союз достиг независимости от Македонии. – *Ред.*

раз, воплощающий божество. Поклоняться божеству – значит установить прямые отношения, искренние и честные, между нашим сердцем и живым божеством. Если же мы пытаемся установить отношения между человеком и божеством с помощью образа, то он будет стоять на пути и помешает нам в осуществлении нашей цели – установить прямую связь с ним. Поэтому образ, созданный руками смертного, бесполезен в синтоистском богослужении»²⁹.

Сираи Соин (XVII век) также говорит: «Божество абсолютно. Оно превосходит все, что можно выразить человеческими словами, которые по природе своей относительны. Божество непостижимо, и, тем не менее, оно пронизывает все вокруг. Оно повсюду. Люди обычно не понимают этой истины и день за днем посещают сотни святилищ, чтобы молиться, и месяц за месяцем делают ценные подношения, однако они, возможно, так и не получают никакой награды и будут по-прежнему испытывать в жизни неудачи»³⁰.

Это не что иное, как идея иконоборчества, с которой хорошо знаком любой, кто изучает религиозную историю Израиля, и довольно неожиданное ее появление в истории синто может вызвать удивление.

Наконец, Идзава Нагахидэ, синтоистский мыслитель XVIII века, высказывается в монотеистическом духе: «Восемь миллионов божеств являются не чем иным, как различными проявлениями одного и того же божества – *Кунитокотати-ноками*, или Вечного Божественного Существа Земли, Великого Единства всех вещей во вселенной,

---

²⁸ «Гунсин мондо» – памятник, рассказывающий о душе погибшего воина, покинувшего дом. – *Ред.*

²⁹ Kato Genchi. A study of Shinto: the religion of the Japanese. Tokyo, 1926. P. 185. – *Ред.*

³⁰ Дзиндзя кэймо. Описание важнейших святилищ по всей стране. 1667 год. – *Ред.*

Изначального Существа небес и земли, существующего непрерывно с начала и до конца вселенной»³¹.

Таким образом, синто на этико-интеллектуальной стадии представляется калейдоскопом генотеистической, пантеистской и монотеистической фаз. При этом он никогда не мог скрыть свой политеистический характер, даже в каждой фазе процесса своего развития. В этом смысле политеизм составляет суть синто, который является самой политеистической из всех религий.

Этический рост

Мы уже кратко упоминали об этическом росте синто наряду с его интеллектуальным ростом. Теперь рассмотрим подробнее, как это происходило на протяжении истории.

Как известно, чистота является одним из основных принципов синто. Однако на стадии природной религии идея чистоты предстает полностью физической или материальной, *ipso facto* (самой по себе), ритуальной, а не умственной, духовной или этической. В раннем синто под чистотой подразумевалась телесная чистоплотность, отсутствие физического загрязнения, а не чистота сердца в нравственном или духовном смысле этого слова. Поэтому *Идзанаги*, вернувшись из своего путешествия в ад, или темный подземный мир, называемый *Ёми-но-Куни* (Страна Желтых Вод), где он осквернился прикосновением к мерзости проклятой Земли Мертвых, должен был очистить свое тело в реке на равнине Авакихара в Химука; другими словами, он совершил физическое, или внешнее, очищение в светлых водах реки. Это всего лишь

---

³¹ «Синто Амэ-но цубоко-но Ки» – памятник, составленный в 1729 году из документов по исследованию синто и практики боевых искусств, опирающихся на синто школы Суйка, основателем которой был Ямадзаки Ансай (1618–1682). Суйка – одно из его имен. – *Ред.*

физическая чистота, но вовсе не умственная, духовная или нравственная. Таким образом, в обряде великого очищения так называемые небесные и земные прегрешения являются в основном физическими, а не духовными или этическими. В древние времена, в правление императора Ритю (середина V века), на острове Авадзи случилось осквернение кровью, что вызвало неудовольствие *Идзанаги*.

В соответствии с древним синто смерть также является осквернением. Поэтому на острове Миядзима (одном из трех самых прекрасных мест, посвященных богине *Итикисима-химэ*), мы сталкиваемся со следующим поразительным фактом: там нет ни одной могилы. То же, согласно знатоку древнегреческой религии Н.М. Нилсону³², наблюдалось на острове Делос, посвященном Аполлону. Могилы считались загрязнением, и священный остров был бы таким образом осквернен. Это свойство раннего синто, а на этико-интеллектуальной стадии главный акцент делается не на физической, или телесной, чистоте, а на внутренней, или чистоте сердца. Чистоту и загрязнение следовало выражать в этическом и духовном значении этих терминов, и составители «Пятикнижия синто»³³ говорили так: «Поступать хорошо – значит быть чистым; совершать зло – значит быть нечистым. Боже-ства не любят злые дела, потому что они нечистые».

Синтоистский мыслитель Томобэ-но Ясутака в XVII веке говорил: «Что такое омовение? Это не просто очищение тела чистой водой. Это – следо-

---

³² Нилсон Мартин Персон (1874–1967) – специалист по религии Древней Греции. Уделял особое внимание обрядам и обычаям сельского уклада жизни, описал народные верования Греции, которые легли в основу более развитой мифологии олимпийских богов Гомера и Гесиода. – *Ред.*

³³ Синто гобусё. Пятикнижие синто. Составлено в XII веке синтоистскими священниками Внешнего святилища *Исэ*. – *Ред.*

вание правильному и нравственному пути. Загрязнение означает нравственное зло или порок. Даже смыв грязь, человек не сможет доставить удовольствие божеству, если он не сдерживает дурные устремления»³⁴.

Итидзё Канэёси подчеркивает важность внутренней чистоты, хотя признает и внешнюю. Он говорит так: «В синто существуют два понятия чистоты: внешняя, или телесная, и внутренняя, или чистота сердца. Если человек действительно искренен в душе, он сможет преуспеть в приобщении к божественному. Лишь внутренняя чистота, или искренность, означает чистоту сердца, или честность сердца»³⁵.

Сэнгэ Такатоми, настоятель Великого святилища *Идзумо* (умер в 1918 году), учит той же истине: «Искренность – единственная добродетель, которая соединяет божество и человека в единое целое». Он также говорит: «Искренний поступок, совершенный человеком с благородной душой, отражает самую суть невидимого».

Указ императора Ниммё (810–850) разъясняет этическое значение синто следующим образом: «Божество, хотя и невидимое, всегда готово ответить на молитву честного сердца, и божественная милость наверняка будет дарована добродетельному человеку»³⁶.

Таким образом, мы видим, что искренность (или честность), подобно этическому принципу всеоб-

---

³⁴ «Синто сёдэн кудзю» – памятник середины периода Эдо, в котором священнослужитель школы Суйка (см. споску 31) рассказывает о синто. – *Ред.*

³⁵ «Нихон сёки сапсё» – комментарии к разделу об эре богов в «Нихон сёки». – *Ред.*

³⁶ «Сёку нихон коки» – одна из «Шести национальных историй» («Риккокуси»), охватывающая период с 833 по 850 год, составлена в 869 году. Национальные истории – официальные исторические хроники, составленные по приказу императорского двора. – *Ред.*

щей любви в христианстве, или безусловной благожелательности в буддизме, стала основным этическим принципом синто на этико-интеллектуальном этапе его развития. На третьем и высшем этапе возникло осознание этой фундаментальной благородной нравственной истины. Поэтому в «Синто-Гобусё» сказано: «Божеству угодны добродетель и искренность, а не многочисленные материальные подношения».

Похожая идея содержится в «Книге притч Соломоновых»: «Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва»³⁷.

Еврейский пророк Осия в VIII веке до н.э. говорил о том же: «Ибо Я милости хочу, а не жертвы»³⁸.

Принц Канзакира (914–987) учит: «Боги и духи справедливы и спокойны, лишь когда они получают религиозное поклонение людей. Идите и молитесь им со всей искренностью сердца, и вы наверняка их ублажите»³⁹.

Ямага-Соко говорит: «Первый и самый надежный способ установить связь с божеством – это искренность. Если вы искренне молитесь ему, наверняка почувствуете его присутствие»⁴⁰.

А император Мэйдзи писал:

К невидимому богу,
Который видит все тайное,
В молчании
Устремляется снизу, с земли,
Сердце искреннего человека⁴¹.

---

³⁷ Притчи Соломоновы, 21:3. – *Ред.*

³⁸ Книга пророка Осии, 6:6. – *Ред.*

³⁹ «Хонтё мондзуй» – антология сочинений на китайском языке авторов начала IX–XI веков, составленная Фудзивара Акихира (989?–1066). Точная дата составления не установлена; чаще других указывают 1058–1065 годы и 1060 год. – *Ред.*

⁴⁰ См. сноску 13. – *Ред.*

⁴¹ Автор позволил себе использовать перевод японского стихотворения на английский язык, сделанный

Итидзё Канэёси в комментарии к «Нихонги»⁴² говорит: «Какому божеству молится *Аматэрасу-о-миками* в уединении на Равнине Высокого Неба? Она молится своей собственной божественной сущности, стремясь поддерживать божественную добродетель в себе самой с помощью внутренней чистоты и, таким образом, становясь единым целым с божеством».

Пророческое изречение божества *Вакасахико* звучит следующим образом: «Что такое честное сердце, направляющее человеческую жизнь? Это ни больше ни меньше, чем само божество».

Согласно Урабэ-но Канэна, пророчество бога *Хатимана*⁴³ гласит: «Я не что иное, как само благоволение. Более того, искренность – это мое божественное тело»⁴⁴.

Для иллюстрации этого аспекта этического синто приведем две истории.

Как уже упоминалось, кровь вызвала недовольство *Идзанаги*. Однако в более позднее время она уже не являлась загрязнением. Существует история о Идзуми-сикибу (которая была придворной поэтессой и современницей знаменитой Мурасаки-сикибу, автора «Повести о принце Гэндзи» [XI век]). Она, совершая паломничество в святилище *Кумано*, в нерешительности остановилась перед входом в него, боясь осквернить священное место, поскольку считалась нечистой из-за месячных. Ее сомнения были рассеяны пророческим изречением божества, которое разрешило ей войти:

профессором Ф.А. Ломбардом. См.: Lombard F.A. Imperial Poems of the Meiji Era. Imperial Japanese poems of the Meiji era. Translated from the Japanese. 1915.

⁴² См. сноску. 29. – *Ред.*

⁴³ Воинственный бог, в котором воплотился император Одзин (ок. V века). – *Ред.*

⁴⁴ «Дзинги сёдзю» – труд потомственного священнослужителя из семьи Урабэ. – *Ред.*

свидетельствуют легенды о некоторых праздниках. Одна из них рассказывает о религиозном обычае в связи с ежегодным праздником в святилище *Усака* около города Тояма, другая – о празднике в святилище *Цукума* на берегу озера Бива, недалеко от станции Маибара. Каждый год в день праздника в святилище *Усака* священник должен был, согласно установленной традиции, в присутствии божества ударить палкой любую распутную женщину – обычно ту, что изменяла мужу. Это считалось божественным наказанием, наложенным на нее. И во имя божества такой порок как безнравственность мог быть искоренен.

Аналогичным образом на празднике в святилище *Цукума* в Саката (провинция Оми, префектура Сига) ежегодно на восьмой день пятого месяца провинившейся женщине надлежало надеть на голову столько кастрюль, сколько у нее было любовников за прошедший год. Очевидно, что смысл этого праздника заключается в стремлении воспрепятствовать женской неверности.

Этико-интеллектуальное проявление синто достигает своей кульминации в высказываниях о внутренней чистоте сердца Сака Сибуцу (?–1415), сделанных им в записях о паломничестве в святилище *Исэ* для поклонения богине Солнца: «Для нас вполне обычно не приносить никаких подношений богине Солнца, а также не носить при себе четки, подобно буддистам. Попросту говоря, у нас нет ничего специального для привлечения внимания божества. В этом истинное значение внутренней чистоты. Омыть себя в морской воде, очиститься от телесной грязи – это внешняя чистота. Когда мы чисты в мыслях и телом, наша душа объединяется с божеством, и таким образом божественное проявляется в человеке; не остается неосуществленных желаний, поэтому нет повода для новых просьб к богине. В этом истинный, эзотерический смысл поклонения *Аматэрасу* в святилище *Исэ*. Будучи просвещенным священнослужителем свя-

тилища, я преисполнился чувства благочестивой радости, и по лицу моему заструились слезы благодарности»⁴⁷.

4. Теантропический характер синто и его отличия от религий теократического типа

Как показывает сравнительное изучение религий, существуют два основных направления в мировой религиозной мысли, два принципиально различных способа восприятия божественного. Первый сформировался в контексте западного мировосприятия – ближневосточный тип; второй – дальневосточный. Первый можно определить как теократический, или творческий, тип религии, второй – как теантропический, или генеалогический, тип. Иудаизм, ислам и христианство, рожденные практическим разумом семитских народов, принадлежат к теократическому типу. Буддизм и вообще индийские верования, религии Древней Греции и Древнего Рима, которые являются продуктами умозрительного образа мышления арийской, или индоевропейской, расы, а также религиозное сознание японцев и китайцев относятся к теантропической категории. В теократической религии божество стоит высоко над человеком и природой. Ей присущ принцип: «Бог превыше всего». Напротив, теантропическая религия видит божественное в человеке и во вселенной, и она провозглашает принцип: «Бог в каждом из нас».

Согласно религиозному сознанию теантропического типа, само собой разумеется, что человек восходит к богу, а бог нисходит к человеку. Филосо-

---

⁴⁷ Дайдзингу Санкэйки. Записи о паломничестве в святилище Исэ в период Камакура (1185–1333). Некоторые ученые придерживаются мнения, что автором этого дневника является не Сака Сибуцу (XIV век), а его отец Дзюбуцу. Эта точка зрения представляется весьма вероятной. – *Ред.*

фия теократической религии – это монотеизм, или монолатрия, в то время как пантеизм – это естественный результат теантропической религии, происшедшей из поклонения природе на ее первобытном этапе. В теократической религии имеет место создание человека и природы единым верховным богом; в теантропической религии – не создание, но эманация мира от божества. Согласно теантропическому религиозному сознанию, небеса и земля, человек и природа или, если брать шире, органические и неорганические объекты вселенной порождены богом или божествами подобно тому, как люди рождаются их родителями. Поклонение природе, предкам, мертвым, героям, императору – все это религиозные проявления теантропического типа. Поклонение героям у древних греков, поклонение императорам у древних римлян, обожествление Гаутамы Будды – все эти примеры сойдутся в истории теантропических религий.

Теперь я хочу рассмотреть синто с учетом различий между двумя типами религий – теократическим и теантропическим. На обоих этапах своего развития, природного и этико-интеллектуального, синто всегда были присущи теантропические черты. В нем на стадии природной религии мы видим обожествление некоторых персонажей, например императоров, императриц, принцев, героев, предков и т.д. Императора Дзимму называли *Амэ-но-Осигами*, или «Небесный воин», в соответствии с «Нихонги». В документах старинных времен каждого императора описывали как живое божество или воплощение бога. Минамото-но Ёсиэ (1039–1106), храбрый воин и искусный лучник, почитается как бог, потому что ему не было равных в стрельбе из лука. Он выделялся среди других людей, считался сверхчеловеком, то есть боже-

---

⁴⁸ «Фусорякки» – история Японии, написанная между 1094 и 1174 годами буддийским монахом Коэн с горы Хиэйдзаи. – *Ред.*

ством во плоти, в соответствии с историческим документом «Фусорякки»⁴⁸. Императрица Дзингу, согласно «Кодзики», также была божеством. Поэтому Мотоори Норинага (1730–1801), знаменитый комментатор этого памятника, писал: «Истинных семейных богов видим мы в своих родителях. Уважайте и почитайте их всем сердцем!»

В буддийском тексте «Сутры из сорока двух глав»⁴⁹ мы также встречаем учение антрополатрии в отношении родителей: «Повиноваться родителям с сыновней почтительностью – это лучше, чем поклоняться всем божествам неба и земли».

Однако развитие синто на этом не останавливается. Теантропический синто вырос в религию более высокого порядка, то есть религию этико-интеллектуальной стадии. В 718 году, когда умер высокопоставленный государственный деятель Мити-но-Ками-но-Обина, который был добр к народу, его сразу же обожествили в соответствии с религиозным сознанием теантропического типа и в память о нем возвели святилище. Подобным образом святилища были построены Кусуноки Масасигэ (1294–1336), воплощению преданности императору, в Минатагава в Кобэ; генералу Ноги Марэсуке (1849–1912), еще одному образцу верности правителю, в Акасака в Токио. Поклонение императору обрело этико-религиозный смысл. Поэтому в XIV веке приверженец двора Китабатакэ Тикафуса (1293–1354) видел суть теантропической природы развитого синто в почитании императора именно в этом смысле, когда говорил: «Поскольку добродетельный человек достойного поведения и чистый душой сам по себе является божеством, мы воспринимаем видимое божество (*Акицу-ками*), так часто упоминаемое в

---

⁴⁹ Проповеди Будды Шакьямуни, собранные индийскими монахами для распространения буддизма в Азии. – *Ред.*

императорских указах, в этом этико-религиозном значении»⁵⁰.

В том же духе высказывался в XIV веке буддийский монах Дзихэн⁵¹: «Милость Небес одинаково оживляет все растения, и Мать-Земля справедливо и великодушно предлагает всем живущим на ней существам равные возможности непрерывного роста. Добродетельного правителя можно сравнить с небесами и землей за его справедливость и беспристрастность, поэтому мы называем его не сыном человека, но сыном Небес, или близким к Небесам, за его праведное правление»⁵².

Второй сёгун династии Токугава Хидэтада (1579–1632) говорил, что он не может согласиться с предложением буддийского настоятеля Тэнкая поклоняться себе (сёгуну) после смерти и построить в свою честь святилище, поскольку не считает, что поступал праведным образом, подобно божеству, и в отличие от отца не заслуживает святилища. Иностранцы, которые посещали Никко, наверняка видели прекрасное святилище, посвященное Иэясу, первому сёгуну Токугава, который был обожествлен под именем Сияющий с востока (*Тосё дайгонгэн*).

Те, кто отдал жизнь на поле боя за своего повелителя и страну, обожествлены в святилище *Ясукуни* в Токио или в святилище *Кэнко* на Тайване

---

⁵⁰ Нидзю исся-но ки. История двадцати одного святилища, которые получали императорские подношения. – *Ред.*

⁵¹ Чтобы правильно понять японский образ мышления, иностранец должен учитывать тот факт, что японский буддист, будучи японцем по рождению, является синтоистом, то есть приверженцем национальной религии синто. И никаких внутренних противоречий в связи с этим у него не возникает.

⁵² Кудзихонги. Гэнги. Памятник 1332 года, в котором буддийский монах школы Тэндай Дзихэн толкует «кудзихонги» под влиянием синтоистского священнослужителя Ватараи Цунэси. – *Ред.*

(Формоза)⁵³. Такое благородное самопожертвование предполагает нечто божественное в соответствии с религиозным сознанием теантропического типа, в отличие от сознания теократического типа. Таким образом, теантропическое религиозное сознание японцев на стадии этико-интеллектуальной религии воспринимает императора как живое божество и называет его Божественным Правителем (Дзинно). Синто на своей культурной, или этико-интеллектуальной, стадии находит свое высшее воплощение в вере в Божественного Правителя. Именно в этом заключены весь смысл и вся практика синто в прошлом и в настоящем, на всех этапах, природном и культурном, в полном соответствии с мышлением японцев нынешнего века, так же как это было и в прошлом.

В этом отношении синто – я имею в виду национальную веру – в отличие от сектантского синто является японской «религией преданности», как определил ее Лафкадио Хёрн⁵⁴. Это, по сути, японский патриотизм, соединенный с религиозными чувствами. Другими словами, это специфическое возвышенное патриотическое чувство, часто выражающееся в религиозном поклонении и почитании императора, или микадо, – воплощения божества в традиции теантропической религии. Я бы назвал такое поклонение императору микадоизмом, верой в Божественного Правителя, которая в сочетании с религиозным усердием является проявлением «яматодамасии», или «души Японии».

Это специфическое религиозное чувство, или вера в Дзинно, проявилось в почитании памяти

---

⁵³ В соответствии с идеологией государственного синто в период колониальных захватов на некоторых территориях, в том числе и на этом острове, строились синтоистские святилища. – *Ред.*

⁵⁴ Хёрн Лафкадио (1850–1904) – писатель, один из первых иностранцев, поселившихся в Японии, принял японское имя Коидзуми Ягумо. Его книги о Японии переиздаются до сих пор. – *Ред.*

императора Мэйдзи. После его смерти в районе Ёёги в Токио было сооружено большое святилище⁵⁵. Сегодня Ёёги – на самом деле второе *Исэ*. О том же благочестивом чувстве всеобъемлющей благодарности своему божественному повелителю свидетельствует существование *дзингу*, посвященных тому же императору еще при его жизни. Например, одно из них расположено в деревне Оно провинции Синано; другое – в порту Исиномаки, около Мацусимы; третье – в районе Кусацу в городе Хиросиме и т.д. Таким образом, синто, строго говоря, с самого начала и до настоящего времени, на всех этапах своего развития, несомненно, существовал как национальная религия японцев.

Сака Сибуцу в уже упоминавшемся произведении⁵⁶ с энтузиазмом выражает это нравственное и религиозное чувство приверженности японцев богине Солнца и ее наследникам-императорам. Он пишет: «В Японии правящий император является законным потомком божественной династии, а прародительнице императорской династии поклоняются как верховному божеству в святилище *Исэ*; таким образом, богиня-прародительница своей божественной милостью дарует спокойствие и процветание всей империи».

Здесь я могу подытожить этот краткий обзор синто следующим образом.

Сущность синто проявляется в выражении уникального духа служения народа, который включает в себя как мораль, так и религию и находит свое высшее воплощение в *микадоизме*, или особой форме патриотизма и верности Божественному Правителю, единому политическому и религиоз-

---

⁵⁵ *Мэйдзи дзингу* занимает обширную территорию в центре Токио, его сооружение длилось пять лет и стоило больших средств. Завершение строительства в ноябре 1920 года было отмечено пышной церемонией. – *Ред.*

⁵⁶ Дайдзингу-Санкэйки. См. сноску 47. – *Ред.*

ному главе страны, власть которого основывается как на конституции, так и на теократическо-патриархальных принципах⁵⁷.

5. Некоторые универсальные свойства синто и его терпимость

Я попытался показать синто как исконную национальную религию на всех этапах его развития с Дзинно, или Божественным Правителем страны, как главным объектом поклонения. Синто развивался вместе со всей японской цивилизацией. Таким образом, он глубоко внедрился в структуру мышления людей, и их религиозная вера и национальное сознание переплелись настолько тесно, что теперь их невозможно разделить. Сознание японцев, их патриотизм и благоговейное отношение к Дзинно достигли уровня пылкого религиозного поклонения. Лафкадио Хёрн называет это «религией верности», однако он признает, что такое банальное английское слово, как «верность» (*loyalty*), не может отразить все значения оригинального японского слова. Он предпочел бы назвать это «мистическим восторгом» или «чувством высшей преданности» Дзинно.

Синто, определяемый как вера в Дзинно, не является религией, намеренно утвержденной государством, как в случае с государственными вероисповеданиями в западных странах, но религией, идущей из сердца и основанной на всей жизни каждого японца, мужчин и женщин, старых и молодых, образованных и неграмотных. Вот почему японец никогда не перестанет быть синтоистом, то есть твердым приверженцем национальной веры, пути богов, как коллективной или народной религии.

---

⁵⁷ Такое понимание синто связано с тем, что в предвоенный период государственный синто был главной идеологией, которая опиралась на древний принцип единства религиозного ритуала и управления государством (сайсэй итти). — *Ред.*

При этом он может принимать буддизм или конфуцианство, даже христианство в качестве личной веры. На основании всего этого можно сказать, что отречение японца от национальной веры означало бы измену императору, неверность Божественному Правителю. Профессор Ройс из Гарвардского университета весьма удачно характеризует национальную веру, неизменно живую и постоянно поддерживающую чувство верности японцев Божественному Правителю, как характерный этап развития этой религии: «Как бы далеко вы ни зашли в своей преданности, вы никогда не будете рассматривать ее как простую мораль. Преданность – источник не только морали, но и религиозного прозрения. Дух истинной преданности по сути своей является совершенным синтезом моральных и религиозных интересов, и он указывает путь к спасению».

Как было показано выше, синто с древнейших времен – исконная религия японцев. Таким образом, ему присущи национализм и исключительность, как иудаизму. Но в то же время он ни в коей мере не лишен благородного духа религиозной универсальности. Религиозная терпимость, с моей точки зрения, является одной из примечательных черт теантропической религии. Аналогичным образом буддизм также отличается большой терпимостью. Но иудаизм, ислам и христианство весьма нетерпимы, потому что они относятся к тсократическому типу религий. Поскольку синто является теантропической религией и *ipso facto* (в силу этого) отличается терпимостью, стало возможным его сближение с буддизмом, и это произошло довольно легко, сразу после проникновения последнего в Японию. Самые первые результаты такой примирительной тенденции, гармонизацию и синкретизм обсих религий можно обнаружить во времена принца-регента Сётоку (574–621). Впоследствии благодаря усилиям буддийских монахов Дэнгё (767–822), Кобо (744–835), Дзикаку (794–

864), Тисё (814–890) и многих других религиозных деятелей двух вероучений в Японии, примерно в начале XIII века, возник *рёбу синто*⁵⁸ – синкретическое синтоистско-буддийское учение.

Чтобы проиллюстрировать этот поразительно терпимый религиозный дух японцев, я хочу привести следующий пример. Знакомый многим иностранцам знаменитый Дайбуцу – колоссальная бронзовая статуя будды Бирусана (санскритский Вайрочана) – в Наре воплощает в то же время и *Аматэрасу-о-миками*, прародительницу, богиню Солнца. Поэтому всемирно известную статую можно с полным основанием считать памятником, возведенным императором Сёму (годы правления: 742–749, годы жизни: 701–756) в 752 году как символ благородного духа религиозной терпимости, одного из основных общих свойств синто и буддизма.

Как рассказывает памятник «Восточное зеркало»⁵⁹, в 1195 году статуя Бирусана в Оба (деревня Матано, префектура Канагава) была сделана из дерева, которое ранее служило центральной опорой святилища *Исэ*. Этот факт показывает, что для религиозного сознания японцев синто и буддизм в то время находились в полной гармонии и единстве. Люди принимали как должное, что буддийские и синтоистские боги – по сути одно и то же, лишь в различных проявлениях. Таким образом, к XIII веку между обеими религиями, национальной и иностранной, установились прекрасные отношения, и не было никаких конфликтов. Такое проявление духа терпимости свойственно теант-

---

⁵⁸ Рёбу синто – концепция отождествления синтоистских божеств и будд в интерпретации буддизма школы Сингон. Эта же концепция параллельно разрабатывалась в буддийской школе Тэндай и в ее интерпретации называется «санно синто» («путь богов – повелителей гор»). – *Ред.*

⁵⁹ «Адзума кагами» («Восточное зеркало») – историческая повесть XIV века. – *Ред.*

ропическим религиям. В связи с этим Исо-но-Камино-Якацугу (729–781) еще в VIII веке говорил: «Эзотерическое учение буддизма и принципы синто – по сути одно и то же. На первый взгляд это кажется странным и несовместимым. Однако при разумном и тактичном подходе между ними нет непримиримых противоречий»⁶⁰.

Так же высказывается уже упоминавшийся Китабатакэ Тикафуса: «При внимательном рассмотрении не существует антагонистических противоречий между иностранной верой и нашей исконной»⁶¹.

Так же считает Итидзё Канэёси: «Буддизм никогда не расходился с изначальным учением нашей страны, и поэтому существует значительное совпадение учений, содержащихся в иностранных текстах и в наших собственных»⁶².

Наконец, нужно добавить несколько слов об универсальном аспекте синто. Сектантский синто раскрывает эту сторону гораздо шире, чем национальная вера, потому что первый гораздо меньше связан с национальными традициями. В результате некоторые секты почитают kami, которые, по сути, не имеют никакого отношения к истории страны. Например, почитаемое сектой *Конко* kami не упоминается в «Кодзики» или в «Нихонги» – авторитетных исторических хрониках Японии. Таким образом, оно имеет не национальный, а универсальный характер, поскольку слабо связано с национальными традициями. Божество этой сек-

---

⁶⁰ «Сёку Нихонги» («Продолжение Аппалов Японии») – одна из шести национальных историй, охватывающая период с 697 по 791 год, составлена в 797 году. – *Ред.*

⁶¹ «Токэ хидэн» – незаконченный труд Китабатакэ Тикафуса (1293–1354). – *Ред.*

⁶² «Сёдан тие» – труд, составленный придворным Итидзё Канэёси в 1480 году для сёгуна Асикага Ёсихиса, в котором излагаются представления об управлении государством на основе синто, конфуцианства и буддизма. – *Ред.*

ты называется *Тэнти-Канэ-но-Ками*, что означает «божество, включающее небеса и землю», то есть абсолютное божество, ничем не ограниченное, вмещающее небо и землю. Такое божество, как и христианский Бог, превышает границы любой нации или страны, поэтому вполне естественно, что секта, в учении которой главное место занимает универсальный бог, сама имеет универсальный характер. То же можно сказать и о некоторых других сектах, например о секте *Куродзуми*.

Как проповедует основатель секты Куродзуми Мунэтада (1779–1849), богиня Солнца – это не что иное, как проявление этико-космического принципа искренности, которому когда-то учила китайская классика. Этот принцип был занесен в страну задолго до Куродзуми, хотя, по утверждению секты, он провозгласил его независимо от китайских философских систем, распространенных в то время в Японии. Это, например, философия Ван Янмина (1472–1528), двумя наиболее выдающимися адептами которой в этой стране были мыслители Накаэ Тодзю (1608–1648) и Кумадзава Бандзан (1619–1691). Поскольку Куродзуми рассматривает синтоистское божество в этическом смысле, очевидно, что его секта так или иначе проповедует моральную универсальность синто. Аналогичным образом сутью учения древних еврейских пророков была религиозная мораль, которая естественно вела к универсальности древней иудейской религии.

Куродзуми Мунэтада заявляет:

Да будет благословенна искренность,
высшая из добродетелей!
Лишь в ней одной мир может найти избавление
От сомнений и страха, пока люди всей земли
Не объединятся в едином братстве.

Почти та же религиозная универсальность проявляется в секте Мисоги, основанной Иноуэ Масаканэ (1790–1849).

Пророческое высказывание божества из Суминоэ (нынешнее Сумиёси) проникнуто тем же духом:

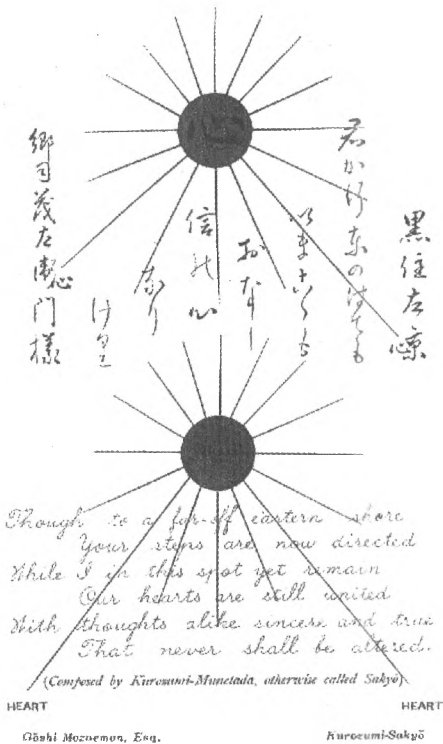
Божество святилища Суминоэ
Обещает помощь другу и врагу,
Если они с почтением в сердце
Приходят в это святое место за наставлениями.

Все эти высказывания напоминают известное стихотворение, написанное императором Мэй-дзи, цитатой из которого будет уместно завершить этот очерк:

Если в этом веке, как я думаю,
Мир связан узами братства,
То почему свирепствуют ветра
И неистово бушуют волны?

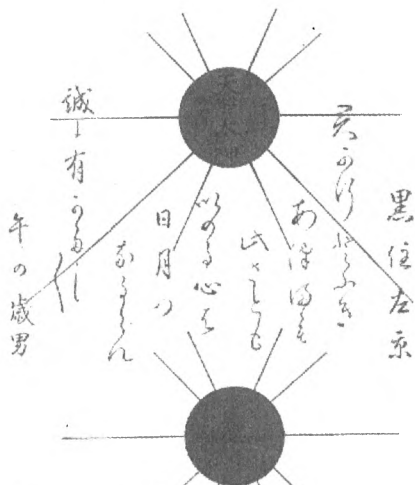
Приложение

Основатель секты Куродзуми Мунэтада с помощью графики и поэзии выражает свои религиозно-этические принципы следующим образом:

Хотя сейчас твои шаги направлены
 На далекий восточный берег,
 В то время как я остаюсь на этом месте,
 Наши сердца по-прежнему объединены мыслями,
 Одинаково искренними и честными,
 И это останется неизменным.

(Составлено Куродзуми Мунэтада, которого также называют Сакё.)

To distant Azuma you go,
 That far-off eastern land,
 And in this humble hamlet here
 I sadly stay behind;
 Still to the bright Sun-goddess we
 Our souls alike commend.

(Composed by Kurozumi-Munetada)

One who, born in the horse-year,
 With gratitude abounds.

Kurozumi-Sakyō

В дальнюю Адзума ты отправляешься,
 В эту далекую восточную землю.
 А я с печалью остаюсь
 В этой бедной деревушке.
 Но по-прежнему к светлой богине Солнца
 Наши души одинаково обращены.

(Составлено Куродзуми Мунэтада.)

Оно Сокё

Синто. Путь богов

перевод с англ. А.Л. Гарибова

І. ПУТЬ БОГОВ

Введение

С незапамятных времен японцы верили в ками (божества) и почитали их как воплощение исконной веры, возникшей в глубокой древности. Конечно, в этой традиции заметны и иностранные влияния, и веру в ками невозможно до конца понять, не учитывая их.

«Синто» дословно означает «путь ками». Этого термина, передающего веру в ками, не существовало в древности, и тем не менее, он относительно старый. Впервые этот термин встречается в «Нихон сёки»¹, где используется для разграничения традиционной народной веры и буддизма, конфуцианства и даосизма, пришедших в Японию с континента. Однако нет свидетельств того, что термин «синто» в том значении, в каком он упоминается в «Нихон сёки», широко использовался тогда в народе или среди ученых.

Синто состоит из двух иероглифов: 神 – *син.* что соответствует исконно японскому «ками», и 道 – *до* или *то*, что соответствует слову «мити», означающему путь. Изначально китайское слово *сентао*, используемое в конфуцианстве, которое пишется теми же иероглифами, что и синто, обозначало как мистические законы природы, так и путь, ведущий к могиле. В системе понятий даосизма оно употреблялось для определения специфических магических сил. В разных китайских буддийских текстах термин «синто» (*сентао*) использует-

---

¹ Нихон сёки. Анналы Японии. СПб., 1997. Т. 1, 2. – *Ред.*

пользуется для обозначения учения Гаутамы, а также может относиться к концепции мистической души. Японский буддизм наиболее часто под этим термином подразумевал ками или царство ками. В этом случае имелись в виду призрачные существа более низкого, чем будды (*хотокэ*), порядка. Обычно именно в таком смысле употреблялось слово «синто» в японской литературе после «Нихон сёки». Однако примерно в XIII веке для обозначения различия с уже широко распространившимися в Японии буддизмом и конфуцианством вера в ками получила общее название – синто, которое используется и в настоящее время.

В отличие от буддизма, христианства и ислама у синто нет ни основателя, подобного Гаутаме Провосветленному, Иисусу Мессии или Мухаммеду Пророку, нет и священных текстов, таких как буддийские сутры, Библия или Коран. Синто подразумевает веру в ками, выполнение предписанных действий, духовную жизнь, которая постигается через поклонение ками и общение с ними. Для тех, кто почитает ками, синто является общим словом для обозначения всех аспектов веры. Это всеобъемлющий термин, охватывающий различные верования, которые заключены в идее ками. Поэтому его использование синтоистами отличается от употребления терминов «буддизм» – для обозначения учения Будды или «христианство» – для учения Христа.

В общем, синто – нечто большее, чем религиозная вера. Это комплекс идей, взглядов и действий, которые более чем за два тысячелетия стали неотъемлемой частью пути японского народа. Таким образом, синто является как личной верой в ками, так и образом жизни общества в соответствии с духом ками, которые сложились на протяжении веков под влиянием различных этнических и культурных влияний – как местных, так и заимствованных. В итоге они слились воедино, и страна объединилась под властью императорской династии.

Мифология

Эра богов, мифологический век, устанавливает определенные нормы синто для повседневной жизни и богослужения. В мифологии имена и порядок возникновения kami в разных записях отличаются друг от друга. В соответствии с «Кодзики»², божество Центра Неба (*Амэ-но Минака-нуси*) появилось первым, а затем последовали божества творения (*Таками-мусуби* и *Ками-мусуби*). Однако о мифологии как таковой можно говорить только с появлением двух созидających божеств – *Идзанаги* и *Идзанами*. Спустившись с Равнины Высокого Неба, они породили Восемь Великих Островов, то есть Японию, а также все сущее, включая множество kami. Трое из них являются наиглавнейшими: богиня Солнца *Аматэрасу-о-миками* владычествует на Равнине Высокого Неба, ее брат *Сусаноо-но-микото* ведает земными делами, бог Луны *Цукиёми-но-микото* распоряжается царством тьмы.

Согласно «Кодзики», *Сусаноо* вел себя так плохо и натворил столько безобразий, что богиня Солнца рассердилась и спряталась в небесную пещеру, из-за чего повсеместно наступила тьма. Обеспокоенные этим небесные боги устроили представление с танцами и таким образом выманили ее из пещеры. Так в мир вернулся свет. *Сусаноо* за свои проступки был изгнан с небес в нижний мир, где примерным поведением вернул благосклонность богов. Его потомок *Омононуси-но-ками* – благодетельное божество *Идзумо* – правил Восемью Великими Островами и помогал людям. Бог Луны почти не упоминается в мифологии.

Впоследствии внук богини Солнца *Ниниги-но-микото* по ее повелению спустился с небес, чтобы править Японией. Как символы власти он получил три божественные регалии: зеркало, меч и

---

² Кодзики. Записи о деяниях древности. СПб., 1994. Т. 1, 2. – *Ред.*

яшмовые подвески. В путешествии на землю его сопровождало божество, которое участвовало в представлении около небесной пещеры. Необходимо было договориться с божеством Идзумо, которое согласилось отдать ему видимый мир, оставив себе невидимый. Ками Идзумо пообещало защищать небесного внука. Праправнук *Ниниги-номикото*, император Дзимму, стал первым смертным правителем Японии.

Таков в общих чертах главный миф, который в древности объяснял японцам их происхождение и основы социальной структуры. Это описание эволюции представлений японцев о происхождении жизни – рождении ками и всех вещей из хаоса, разграничении всех явлений, возникновении и развитии порядка и гармонии. В некотором смысле миф являлся как бы элементарным законом страны. Однако в различных древних записях изложение этих событий существенно отличается. Имеется несколько версий, иногда они противоречат друг другу. Таким образом, сохранялись традиции различных кланов, и в определенной степени это было обоснованным.

Сегодня синто признает свои верования продолжением религиозных представлений мифологического века. В обрядовых формах и атрибутах эта вера в значительной степени сохраняет многое с древних времен. Однако в то время как Великое святилище *Исэ* стремится сохранить нетронутыми стиль зданий и древние обряды и по сей день воспроизводит³ наиболее красивый древний архитектурный ансамбль, современный синто многое «перерос» в своей мифологии, но целый ряд старых истин сохраняется для грядущих поколений и совершенствуется.

---

³ Имеется в виду традиционная церемония *сэнгу* – переноса на новое место построек внутреннего святилища (*найку*) каждые двадцать лет. Последняя церемония проводилась в 1993 году. – *Ред.*

Ками

Ками⁴ являются объектом поклонения в синто. Что означает слово «ками»? В первую очередь этим термином уважительно именуются благородные, священные духи, что подразумевает почитание их власти и достоинств. Все существа и предметы имеют таких духов, и в некотором смысле все они могут называться ками или рассматриваться как потенциальные ками. Однако поскольку термин несет в себе смысл почитания, его, как правило, не применяют к обычным людям или предметам.

Среди объектов или явлений, которые с древних времен обозначались как ками, имеются такие категории, как рост и плодородие; природные явления – ветер, гром; природные объекты – солнце, горы, реки, деревья, скалы; некоторые животные; духи предков. К последней категории относятся духи предков императора, знатных семей и в целом всех людей. Как ками рассматриваются духи-охранители земли, духи-покровители профессий и мастерства; духи национальных героев, людей, прославленных своими деяниями или добродетелями, а также тех, кто внес вклад в развитие цивилизации, культуры и в процветание общества; тех, кто

---

⁴ Слово «ками» – исконный японский термин – пишется китайским иероглифом. В сочетании с другими иероглифами он произносится как *син* или *дзин*. Таким образом, мы имеем слова «синто», то есть «*путь ками*», и «*дзиндзя*», то есть «*жилище ками*». Обычно принято переводить иероглиф как «бог» или «божество» в единственном или множественном числе, и в некоторых случаях это правильно. Тем не менее в таком написании, за некоторыми исключениями, этот термин будет оставаться в непереуведенном виде или иногда передаваться как «божественный» или «священный». Когда необходимо выразить множественное число, будут использоваться такие термины, как *ками-гами* и *я-о-ёродзу-но-ками*, дословно – «восемь миллионов *ками*» и «бесчисленное множество *ками*».

умер за государство или общину; духи невинных жертв. То есть как ками могут рассматриваться не только духи выдающихся людей, но и духи слабых и достойных жалости.

Во многих случаях ками практически нельзя отличить от божеств или духов анимизма. Однако в современном синто все они воспринимаются как духи, обладающие благородством и властью. Концепция ками сегодня включает идею справедливости, порядка и божественного расположения (благоволения). Ее основными принципами являются взаимодействие друг с другом и радость от гармонии и сотрудничества в мире.

В синто нет абсолютного божества – создателя и правителя всего сущего. Созидательная функция осуществляется путем гармоничного взаимодействия ками при выполнении каждым из них своих индивидуальных миссий. Даже прародительница императорской династии богиня Солнца, которая освещает мир солнечным светом и обычно рассматривается как высшее божество в синто, советуется с другими ками, обращается к ним за помощью и порой идет им на уступки.

Вообще существует значительное различие между концепцией ками в наше время и в древности. По сути, оставаясь в рамках основной традиции, оно было значительно сглажено. Тем не менее обе концепции и сегодня продолжают сосуществовать.

Многие аспекты концепции ками нельзя до конца понять, и по этому поводу есть некоторые разногласия даже среди современных ученых. У самих японцев нет ясного представления о ками. Они интуитивно воспринимают их в глубине сознания и общаются с ними напрямую, не формируя при этом умозрительного или теологического представления о них. Поэтому невозможно определить четкие и ясные границы того, что по своей принципиальной сущности является неясным и неуловимым. Лишь недавно идеологи синто начали предпринимать попытки создания единой религиозной тео-

рии ками. Таким образом, хотя этому предмету в настоящее время уделяется повышенное внимание, по-прежнему даже у синтоистов возникает множество вопросов.

Ками-охранители. Каждое ками имеет свои отличительные черты, возможности и миссию. В некотором смысле каждому из них поклоняются как создателю или защитнику какого-либо конкретного объекта или явления. Например, одно ведаст распределением воды, другое – производством лекарств, третье – процессом лечения. Кроме того, существуют родовые ками, которые являются защитниками определенной группы людей, а также ками – покровители определенной территории или клана, то есть социальной группы, основанной на родстве. Поэтому правомочно задать вопрос, что или кого именно защищает ками, однако не всегда можно дать на него ясный ответ.

Значительное место среди ками занимают покровители кланов (*удзи*). Их обычно называют *удзигами*, и им всегда поклоняются в святилищах, которых много по всей стране. Однако в связи с ростом мобильности населения и постепенным разрывом клановых связей понятие *удзигами* распространилось и на ками определенной местности, и на саму местность. Таким образом, если в прошлом главным фактором отношений была прямая родственная связь, то сегодня большее значение приобрели отношения внутри отдельного общества. Тем не менее осознание японцами прямых родственных связей все еще остается очень сильным, многие регулярно навещают свои родные места, чтобы принять участие в праздниках, посвященных их ками-покровителям.

Тексты

В синто нет священных текстов, как во многих других религиях. Этот факт красноречиво характеризует саму природу этой веры. Тем не менее

сохранились некоторые древние записи, которые считаются авторитетными и составляют историческую и духовную основу синто.

Ранние записи были сделаны по приказу императора и включают в себя мифологию и историю народа. «Кодзики» – самый древний из сохранившихся исторических документов. Он датируется 712 годом и содержит описание событий с 628 года. Этот памятник написан китайскими иероглифами, но по стилю – древнеяпонский. Он дает представление о более ранней устной традиции передачи информации из поколения в поколение. Поэтому этот документ представляет особую ценность. «Нихонги», или «Нихон сёки», появились восемью годами позже. В них описываются события с 697 года. Памятник написан на китайском языке, и, соответственно, форма передачи информации изменилась. «Нихонги» более подробны, чем «Кодзики». Поскольку некоторые мифы и события в них излагаются в нескольких вариантах, то памятник особенно ценен при изучении вопросов, недостаточно освещенных в «Кодзики».

Эти два документа очень высоко почитаются синтоистами. В них содержатся единственно сохранившиеся древние записи об императорской династии и нескольких других кланах, которые оказали влияние на формирование нации. Их главной задачей было описать происхождение императорской власти, родословную кланов и другие важные аспекты, которые составляли основу общества и его традиции. В них содержится обширная информация о древних обрядах и практике синто, а также об обязанностях и правах нескольких кланов в сфере государственного культа. Документы отражают притязания различных кланов на место в структуре общества. Без четкой регламентации разрушение клановой системы было бы практически неизбежным.

«Кудзики» («Хроники древних событий»), «Когосюи» («Дополнения к древним сказаниям») и

«Энги Сики» («Уложения годов Энги») – тоже важные первичные источники информации. Считается, что «Кудзики» были написаны около 620 года, то есть за сто лет до «Нихонги». Однако сохранившаяся версия почти наверняка является подделкой. Тем не менее документ действительно очень древний и представляет определенную ценность, хотя и содержит многое из того, что есть в «Кодзики» и «Нихонги». «Когосюи» были написаны в 807 году и кое-что добавляют к имеющимся сведениям о древнем синто. «Энги Сики» были созданы в 927 году и являются основным источником информации о раннем синто, богослужениях, церемониях и обрядах, а также об управлении религиозными делами.

Следует подчеркнуть, что ни один из этих памятников не считается священным текстом в том смысле, как это понимается в христианстве и исламе. Это в первую очередь исторические хроники, в которых наряду со сведениями политического и династического характера отражены древние формы веры в ками.

В синто не сформировалось никакого догмата, во-первых, потому, что святилище и ритуалы служили промежуточным звеном между верой в ками и людьми; во-вторых, потому, что признание людьми святилища как символа их общей веры устраняло необходимость наставлять людей с помощью догм и предписаний. В ходе исторического развития японского общества мало кто мог избежать выполнения общественных обязанностей по участию в синтоистских богослужениях.

Необходимо уточнить, что в прошлом были времена, когда из-за конфронтации с заимствованными верованиями и угрозы разрушения традиций выработка догмата казалась важной. Однако в реальности ситуация ни разу не становилась угрожающей, поэтому не предпринималось никаких серьезных усилий для создания догматической базы. Сегодня социальные изменения и брожение

в умах бросают синто новый вызов, и, казалось бы, необходимо предпринять какие-то шаги по сохранению, развитию и углублению веры. Пока нет никаких ясных указаний на то, как это можно было бы осуществить.

ТИПЫ СИНТО

Существует несколько типов синто. Наименее четким и регламентированным является народный синто.

Народный синто. Поклонение kami глубоко укоренилось в повседневной жизни людей. Многие понятия и традиции, берущие начало в древних временах, прошли через века и сохранились в виде нерегламентированных народных обычаев. Наряду со многими иностранными заимствованиями это называется народным синто или народной верой.

Домашний синто относится к религиозным обрядам, которые совершаются перед домашним алтарем. Он кратко описывается в главе III в разделе «Почитание kami в доме».

Сектантский синто состоит из разнородных групп. После реставрации Мэйдзи⁵ правительство в связи с национализацией святилищ и акцентом на богослужение в них как на государственный культ поставило *дзиндзя* под контроль специального правительственного учреждения. Впоследствии большинство основных сектантских групп стали независимыми религиозными организациями и получили официальное наименование сектантский синто. В предвоенный период насчитывалось 13 сект.

Синто императорского двора – это религиозные церемонии, проводимые в трех святилищах на территории дворца, которые предназначены исключительно для императорской семьи и связываются с определенными событиями. В центральном святилище (*Касико докоро*) поклоняются мифологи-

---

⁵ События 1868 года. – *Ред.*

ческой прародительнице императорской династии. Традиция восходит ко временам *Ниниги-но-микото*, внука богини Солнца, которому было вручено священное зеркало (*ята-но-кагами*). В течение веков оно хранилось во дворце, затем была сделана копия, которую поместили в *Касико докоро*. Сам сакральный символ был передан во Внутреннее святилище *Исэ (Найку)*. Зеркало символизирует дух богини Солнца и является одной из трех императорских регалий, которые передаются из поколения в поколение. С западной стороны центрального сооружения находится святилище Духов Предков (*Корэидэн*), в котором, как явствует из названия, пребывают божественные духи всех императоров. С восточной стороны располагается святилище Ками (*Синдэн*), названное в честь всех божеств неба и земли.

В древние времена обязанности по исполнению ритуалов при дворе возлагались на семьи Накатоми и Имубэ, которые передавали свои полномочия по наследству. Сегодня этой преемственности больше не существует, однако церемонии, которые проводятся в дворцовых святилищах, почти не отличаются от обрядов, предписанных Законом об императорских церемониях от 1908 года. Они выполняются специально назначенными для этого придворными императорского двора. Однако при наиболее важных обрядах в соответствии с древней традицией богослужение проводит император. В апреле 1959 года к святилищам было привлечено широкое внимание общества в связи с тем, что в одном из них состоялась церемония бракосочетания наследного принца. Одной из функций этого типа синто является направление императорских посланников с пожертвованиями в разные святилища и усыпальницы, которые имеют отношение к императорскому культу.

Синто святилищ. Это самый старый и наиболее распространенный вид веры в ками. Святилища (*дзиндзя*) существовали еще в доисторические

времена. Шли века, и по мере того как различные кланы становились все многочисленнее и занимали новые территории, росло и число святилищ. К началу XX века их насчитывалось около 200 тысяч. После Второй мировой войны религия была отделена от государства, и святилища стали общественными учреждениями. Сегодня в Японии насчитывается приблизительно 80 тысяч святилищ.

Великое святилище Исэ является уникальным и заслуживает отдельного упоминания. Его главное божество – богиня Солнца – было изначально ками рода Ямато, от которого пошла императорская династия, правящая Японией в течение всей ее истории. С приходом клана Ямато к власти над всей страной это святилище стало главным для всей нации. Богослужение в нем – это больше, чем проявление веры в ками, которому оно посвящено. Это высшее проявление уважения к императору и ко всему лучшему в истории, культуре и национальном самосознании японцев.

Государственный синто. Синто императорского двора и синто святилищ вместе с некоторыми конкретными представлениями о происхождении и истории Японии и нации прежде составляли то, что в целом называлось государственным синто. Он прекратил свое существование после отделения религии от государства.

Организация

С глубокой древности и до реставрации Мэйдзи все святилища (за исключением нескольких, имевших непосредственное отношение к императорской династии) были в первую очередь общественными учреждениями. Затем на период примерно в 70 лет они приобрели государственный статус, и их деятельность контролировалась правительством. В соответствии с директивой Штаба оккупационных войск «Об отмене государственного покровительства, увековечения, управления и распространения

государственного синто» от 15 декабря 1945 года они были изъяты из-под юрисдикции государства и стали частными учреждениями.

Директива была жесткой, и в результате святилища оказались в абсолютно новой и чрезвычайно трудной ситуации. Исторически одни из них участвовали в отпращивании культа императорской семьи, другие находились в руках знати, но независимо от этого все *дзиндзя*, за несколькими исключениями, были тесно связаны с народом. Несмотря на то, что они получали пожертвования в виде земли и денег от центрального правительства, знати, феодалов и влиятельных семей, никто не посягал на положение и авторитет священнослужителей и на права прихожан в выполнении обрядов и проведении праздников.

В мэйдзийский период ситуация изменилась. Святилища стали государственными учреждениями, а священнослужители – чиновниками. Однако управление и контроль были очень жесткими лишь в отношении 224 святилищ (*канкоку хэйса*), которые подчинялись центральному правительству. Тем не менее и все другие были обязаны исполнять решения соответствующих правительственных учреждений и зависели от них во всех важных вопросах, включая кадровые, собственности, обрядов и праздников. Такое положение, как уже говорилось, сохранялось в течение примерно 70 лет.

До принятия вышеупомянутой директивы о синто в стране существовали три национальные организации, которые имели отношение к синто святилищ. Это Национальная ассоциация священнослужителей святилищ (*Дзингикай*), Институт изучения японской классики (*Котэн кокюсин*) и Ассоциация приверженцев Великого святилища (*Дзингу хосайкай*). Однако эти объединения создавались в порядке частной инициативы и не имели непосредственного отношения к управлению святилищами и их деятельности. Святилища никак

не были связаны между собой, даже те, что находились поблизости друг от друга или имели один и тот же объект поклонения.

После того как в соответствии с директивой 1945 года были ликвидированы государственное управление и контроль над святилищами, никто не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше. Соответствующий пункт Директивы категорически запрещал «финансирование, поддержку, увековечение и распространение синто» правительственными учреждениями или государственными служащими. Однако документ не содержал никаких указаний о дальнейшей реорганизации святилищ, и оккупационные власти не высказали по этому поводу никаких предложений. Таким образом, каждое святилище на какое-то время оказалось лишенным как прежних, глубоко укоренившихся связей и отношений, так и признанного руководства. Священники, естественно, потеряли официальный статус и стали частными лицами.

К 3 февраля 1946 года все вышеупомянутые национальные синтоистские организации были распущены, и их руководители учредили новую единую организацию – Ассоциацию синтоистских святилищ (*Дзиндзя хонтё*), которая призвала святилища по всей стране вступить в нее. Большинство святилищ последовало этому обращению. Лишь около тысячи остались независимыми, а около 250 объединились в небольшие ассоциации, главным образом по географическому принципу, например в Ассоциацию святилищ южного Хоккайдо (*Хоккайдо дзиндзя кёкай*), Ассоциацию святилищ Киото (*Дзиндзя хонкё*) или Ассоциацию святилищ Кисо Митакэ (*Кисо Митакэ хонкё*) в префектуре Нагано. Из оставшихся независимыми лишь 16 – большие, влиятельные святилища, которые ранее находились под контролем центрального правительства. Таким образом, очевидно, что по сравнению с другими религиозными организа-

циями в Японии святилища более преуспели в сохранении единства в послевоенный период.

Ассоциация синтоистских святилищ управляется Советом, в состав которого входят представители 47 префектурных ассоциаций (*Дзиндзя-тё*). Совет выбирает исполнительного секретаря и принимает все важные политические решения. В руководящем органе имеется шесть отделов, которые выполняют соответствующие функции: секретариат, финансовый, общего руководства, обучения, расследования и взаимопомощи. Штаб-квартира Ассоциации расположена в Токио. Такацукаса Нобусукэ, верховный настоятель *Мэйдзи дзингу*, был первым президентом Ассоциации. Его преемником стал настоятель Великого святилища *Исэ Сасаки Юкитада*, а верховная жрица этого святилища *Китасиракава Фусако* была почетным президентом организации. В настоящее время президентом является настоятель *Мисима тайся* в г. Мисима префектуры Сидзуока – *Ятабэ Масами*. К июню 1958 года 79 457 святилищ вошли в состав Ассоциации (в настоящее время их число практически не изменилось).

На местном уровне святилищем управляют священник и комитет представителей прихожан. Обычно они являются религиозными юридическими лицами и владеют землей, зданиями, собирают средства на нужды святилища, в основном это пожертвования и подарки частных лиц.

Ассоциация имеет тесные связи с университетом *Кокугакуин* (его довоенный предшественник – уже упоминавшийся *Котэн кокюсин*), единственным синтоистским высшим учебным заведением в Японии⁶. *Дзиндзя хонтё* поддерживает отношения с Религиозной лигой Японии (*Нихон сյөкё рэммэй*). Независимый еженедельник «*Дзиндзя симпо*» считается неофициальным печатным органом синто святилищ.

---

⁶ Позже был создан университет Когаккаин в Исэ. – *Ред.*

II. СВЯТИЛИЩА

Святылища и их атрибуты

Существование святилищ (*дзиндзя*) является непосредственным проявлением веры людей в ками, а обряды и праздники, проводимые ими, – высшим выражением этой веры. Первоначально обряды, связанные с поклонением ками, совершались в наиболее примечательных местах. Например, там, где впервые проявлялось присутствие ками, независимо от удобства этого места для богослужения. По мере того как росло население и развивалась цивилизация, появлялись более удобные и доступные для совершения церемоний сооружения. В некоторых случаях устраивались лишь молитвенные залы, как это можно видеть сегодня в *Омива дзиндзя* в Ямато (совр. префектура Нара), где сама гора Мива считается жилищем ками. Однако, как правило, в святилищах строились внутренние камеры, где, как считалось, постоянно присутствует ками.

Жилища ками. Основная задача святилища – служить жилищем для одного или более ками, быть местом поклонения им в соответствии с верой и практикой синто. Святылища не возводятся с целью пропаганды веры или обучения доктринам, хотя и тому и другому придается большое значение.

Священные символы. Присутствие ками в святилище символизирует священный предмет, который называется «тело бога» (*синтай*) или «заместитель великого духа» (*митамасиро*). Этот предмет хранится во внутренней камере святилища, которая недоступна для простых смертных и неприкосновенна. Поскольку само здание и прилегающая к нему территория со вспомогательными по-

стройками тоже в какой-то степени несут на себе святость ками, они считаются объектами, достойными глубокого уважения, если не поклонения. Именно присутствие символа делает здание святилища священным, если удалить его, то место утрачивает религиозное значение.

План святилища. За некоторыми исключениями, вроде вышесупомянутого *Омива дзиндзя* и *Идзумо тайся*, святилище в самом простом варианте, независимо от размера, состоит из внутренней камеры, святая святых, предназначенной для хранения священного символа, и места перед ним для подношений, которое может быть как внутри, так и вне здания. В зависимости от размеров сооружения внутреннее помещение может быть более просторным и усовершенствованным. Однако основные принципы устройства внутренней камеры и места для подношений перед ней остаются неизменными.

Двустворчатая дверь во внутреннюю камеру, которая всегда закрыта и заперта, за исключением тех случаев, когда совершаются особые обряды, защищает неприкосновенность священного символа. Даже когда дверь открыта, вход занавешен специальным бамбуковым или матерчатым занавесом, что не позволяет священникам и молящимся заглянуть вовнутрь. Перед внутренней камерой стоят столы для подношений. Иногда с каждой стороны вывешены флаги и установлены изображения людей или животных. Фигурки сидящих людей с луками и стрелами, одетых в старинные придворные наряды, корейских собак (*кома ину*) и другие обычно встречаются в больших святилищах. Как правило, на центральном месте на столе для жертвований или за ним установлены одно или несколько деревянных древков, с верхнего конца которых свисают свернутые определенным образом полоски обычной белой бумаги. С одной стороны стола находится укрепленный на подставке

Общий вид святилища

жезл для очищения, с верхушки которого тоже свисают полоски белой бумаги и ленты. Нередко в центре, между столом для пожертвований и дверями во внутреннюю камеру, укреплено зеркало. Оно имеет символическое значение, но не является объектом поклонения. Как правило, на стенах святилища нет картин, но бывают исключения. В то же время над входом в него или на внутренней поперечной балке часто вывешивают помещенные в рамку изречения, выполненные каким-нибудь видным ученым, каллиграфом или просто известным человеком. Перед святилищем выставлен ящик для пожертвований. Над ним, как правило, висит колокол с привязанной к нему веревкой.

В *дзиндзя*, посвященном более чем одному kami, может быть соответствующее число внутренних камер, в каждой из которых находится священный символ. В этом случае одно kami обычно является главным, а остальные – нижестоящими.

Зеркало – один из наиболее распространенных символов в синто. В святилище оно может являться священным предметом поклонения, и в этом

случае хранится во внутренней камере, и его никогда не видят ни священники, ни верующие. Или оно может быть использовано в оформлении помещения. В этом случае оно всегда располагается непосредственно перед дверями во внутреннюю камеру.

Зеркало отражает вещи, как они есть. Оно символизирует чистый разум ками и в то же время рассматривается как символическое воплощение верности им. В мифологии зеркало является таинственной вещью. В древнем обществе оно было не столько предметом повседневного обихода, сколько объектом, имеющим религиозное и церемониальное значение. Зеркало повесили перед пещерой, где скрывалась богиня Солнца, чтобы привлечь ее дух. Она наставляла *Ниниги-но-микото*, чтобы он уважал и почитал зеркало как «се дух».

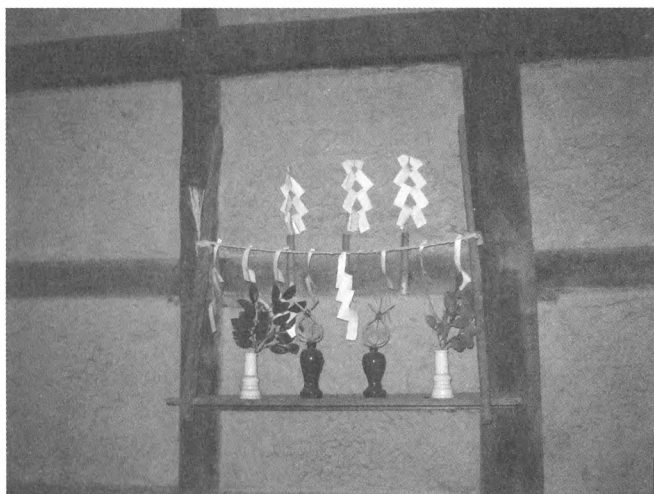
Существуют различные толкования значения зеркала. Китабатакэ Тикафуса⁷ в книге «Дзинносётоку» (1339) говорит: «...Зеркало ничего не скрывает. Оно сияет бескорыстно. Все хорошее и плохое, правильное и ложное правдиво отражается в нем. Зеркало – источник честности, поскольку оно способно отражать форму предметов. Оно свидетельствует о чистоте и беспристрастности божественной воли». Зеркало является священным символом Великого святилища *Исэ* и многих других. Оно помещено перед внутренней камерой *Ясукуни дзиндзя* в Токио и представляет особую ценность, поскольку это дар императора Мэйдзи.

Символические пожертвования. *Гохэй* – древко, с верхушки которого по обе стороны свисают зигзагообразно свернутые полоски бумаги. Оно

---

⁷ Китабатакэ Тикафуса (1293–1354) – мыслитель, политик, военачальник. В книге «Дзинносётоку», написанной им для малолетнего государя Гомураками, утверждается идея преемственности наследования власти божественных императоров, в чем он видел уникальность Японии в сравнении с другими странами. – *Ред.*

Гохэй

устанавливается перед дверью во внутреннюю камеру. *Гохэй* символизирует пожертвование и одновременно указывает на присутствие ками в святилище. Обычно устанавливается один *гохэй*, но в некоторых святилищах их бывает несколько – по числу ками, которым они посвящены. Как правило, на его верхушку прикрепляются полоски белой бумаги, но бывает, что употребляются золотой, серебряный, красный или темно-синий цвета, а иногда вместо бумаги используется ткань. Считается, что это древко с бумажными лентами, укрепленными в верхнем расщепленном конце, – отголосок тех времен, когда святилищам делались подношения тканью.

Жезл для очищения – *хараигуси* – небольшой шест, с верхушки которого свисают длинные бумажные полоски и пряди льняных нитей. Он укрепляется на подставке. Во время обряда очищения священник, повернувшись лицом к молящемуся или к предмету, который очищается, особым образом взмахивает *хараигуси* сначала влево, затем вправо, потом назад через левое плечо и воз-

вращает его в исходное положение. Иногда вместо него используется маленькая ветка священного дерева *сакаки*.

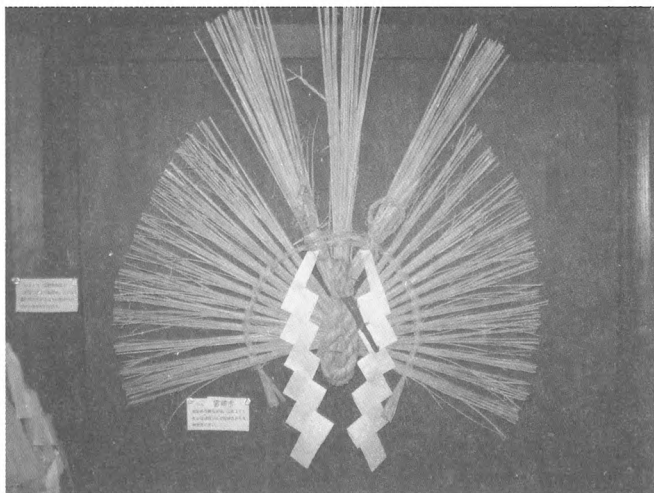
Флаги символизируют присутствие ками и одновременно являются подношениями им. На некоторых из них изображены солнце, луна, облака или животные. Предполагается, что они свидетельствуют о том, что ками являются божественными созданиями, обеспечивающими защиту мира и справедливости. В целом же флаги в большей степени служат для украшения и создают в святилище дополнительную атмосферу торжественности.

Меч, алебарда, щит. Меч и драгоценности, завернутые в парчу и свисающие с древков знамен, а также алебарда и щит символизируют как силу для защиты ками от зла, так и силу самих ками для защиты мира и справедливости. Некоторые рассматривают зеркало, драгоценности и меч как добродетели мудрости, щедрости и отваги.

Священная веревка – веревка из соломы (*симэнава*), с которой свисают зигзагообразно свернутые короткие полоски бумаги, может быть натянута между столбами *тории*, внутри и вне главного здания святилища. *Симэнава* обозначает священное место, где обитают ками или находятся предметы, пожертвованные им. Она широко используется в обычных помещениях во время празднования Нового года и по другим особым случаям. Есть различные типы соломенных веревок; некоторые из них уникальны, как, например, очень тяжелая сужающаяся к одному концу в *Идзумо тайся*. Однако форма *симэнава* не имеет особого религиозного значения.

Комплекс святилища и прилегающая территория

Комплекс может состоять из одного или нескольких святилищ с многочисленными вспомогательными постройками, расположенными либо внутри

Украшения из рисовой соломы

Симэнава

единой огороженной территории, либо и на прилегающих к нему участках. Небольшие *дзиндзя*, состоящие из одного здания, наиболее распространены. В типичный комплекс входят часовня, расположенная перед главным святилищем, павильон для омовения и несколько вспомогательных построек. Иногда между главным святилищем и часовней расположены зал для пожертвований и молитвенный зал, но все это размещается под одной кры-

шей или под соединяющимися крышами. Важным является священное место для приготовления пищи – подношения ками. Среди наиболее распространенных вспомогательных построек – нижестоящие святилища, контора, место для приготовления жертвоприношений, зал для священных танцев. Другие сооружения, которые обычно можно встретить при больших святилищах, включают зал для проведения церемоний, жилище для священников, конюшню для священных лошадей, хранилище для священного паланкина, сокровищницу, помещение для представлений театра Ноо. На территории комплекса могут располагаться арена для *сумо*, стойка для вывешивания памятных дощечек, каменные или металлические фонари.

Статуи встречаются довольно редко. К территории некоторых святилищ прилегают кладбища. На них обычно похоронены погибшие на войне военнослужащие, которых почитают в этом святилище, а также священники и члены их семей. Но, как правило, рядом с *дзиндзя* не устраивают кладбищ.

Комплексы сильно различаются по планировке и числу зданий. Некоторые занимают небольшие участки земли, другие – значительную территорию, как, например, *Кирусима дзиндзя*, располагающийся на нескольких тысячах акров. Если ландшафт не ограничивает территорию естественным образом, то комплекс обычно имеет прямоугольную форму.

Месторасположение святилищ определяется не только наличием свободного участка земли. Как правило, они так или иначе соотносятся с окружающим ландшафтом. *Дзиндзя* могут быть связаны с деревом, рощей, скалой, пещерой, горой, рекой или участком морского побережья, а также с каким-либо древним родом, предки которого, возможно, первыми поселились в этом месте. Нередко святилища деревенских общин настолько скрыты в густой роще или в лесу, что лишь местные жители знают об их существовании.

Очень часто в густонаселенных районах страны святилища в силу сложившихся обстоятельств лишились первоначальной красоты окружающей природы, и им приходится довольствоваться участком земли, где совсем нет деревьев. В связи с ростом населения уединенный уголок превращается в бурлящий жизнью коммерческий или промышленный центр. Конечно, в некоторых случаях месторасположение святилища определяется исключительно доступностью участка земли, на котором оно стоит, и никак не связано с данным местом и его окрестностями.

Однако в любом случае после того как камни «поселилось» в святилище, оно и прилегающая территория обретают святость. Если природа не позаботилась о красивом пейзаже, то люди сами создают обстановку, которая должна вселить в души верующих мистическое чувство единения с невидимым миром богов и природой. Красота ландшафта способствует отрешению верующего от мирской суеты и обращению взора к высшему, божественному миру, который поможет изменить жизнь и установить более тесные отношения с камнями.

Стены. Стена или забор часто ограждают территорию святилища, чтобы защитить его от осквернения. В больших комплексах может быть и второй забор, отделяющий небольшую внутреннюю территорию, и, наконец, третий, окружающий внутреннее святилище и молитвенный зал.

Тории. За редким исключением вход в святилище (кроме маленьких придорожных) обозначен одними или несколькими воротами – *тории*, которые символически отделяют суетный, повседневный мир от мира камней, мирское от духовного. Не будем останавливаться на вопросе их происхождения (возможно, они пришли с азиатского материка) и на том, почему это слово пишется иероглифами 鳥 (*тори*) – «птица» и 居 (*иру*) – «быть», оно неясно и не имеет прямого отношения к их нынешнему предназначению.

В Древней Японии *тории* обычно использовались как простые ворота, с течением времени их стали устанавливать лишь перед святилищами, императорскими усыпальницами и некоторыми захоронениями. Иногда *тории* можно встретить у какого-то дерева или рядом со скалой или колодцем.

В 1884 году использование *тории* было официально регламентировано законом. Их разрешалось ставить лишь перед государственными святилищами и некоторыми другими, принадлежащими сектам *Сюсэй* и *Тайсэй*. Сегодня, хотя подобные ограничения уже не действуют, *тории* по-прежнему можно увидеть лишь у святилищ, у входа в императорские усыпальницы и у некоторых захоронений. Если они находятся у входа или на территории буддийского храма, за исключением кладбища, то почти наверняка где-то рядом расположен какой-то *дзиндзя*, часто на вершине небольшой горы.

Некоторые *дзиндзя* поощряют верующих дарить им *тории* в качестве пожертвований по обету. В этом случае их ставят одни за другими так, что они образуют сводчатый проход, галерею, ведущую к главному или нижестоящему святилищу. *Инари дзиндзя*, особенно *Фусими Инари*, расположенный в южной части Киото, славится такими живописными галереями.

В редких случаях *тории* могут находиться на оживленной дороге. Пример этому – *тории* перед *Хэйан дзингу* в Киото. Там, где к святилищу ведет длинный проход, например, в *Цуругаока Хатиман дзиндзя* в Камакура, стоят несколько *тории*. Они напоминают людям о присутствии ками. Такие проходы считаются частью комплекса святилища.

Первоначально *тории* были очень простой конструкции и состояли из двух необработанных деревянных столбов и двух поперечных балок соответствующих пропорций. Позднее столбы стали обстругивать. Потом под влиянием континентальной культуры начали красить, а их конструкция

Тории

усложнилась. В некоторых случаях их стали весьма причудливо украшать, как, например, великолепные, лакированные красные *тории*, которые стоят в воде перед святилищем *Ицукусима* на о. Миядзима.

В наше время *тории* делают из камня и металла, а с недавних пор – из бетона. Существуют более двадцати различных типов *тории*. Большинство из них названы по имени святилищ, с которыми они ассоциируются. Например, есть *тории Исэ*, *тории Хатиман* по названию святилища *Ивасимидзу Хатиман*, *тории Мива* по названию *Омива дзиндзя*.

В дополнение к *тории* многие крупные святилища имеют ворота, иногда весьма внушительные, которые закрываются на ночь. Существуют два типа таких ворот. Первые сделаны из неокрашенного дерева с соломенным, черепичным или медным навесом, как в *Ясукуни дзиндзя* или *Мэйдзи дзингу* в Токио. Это стиль так называемого чистого син-

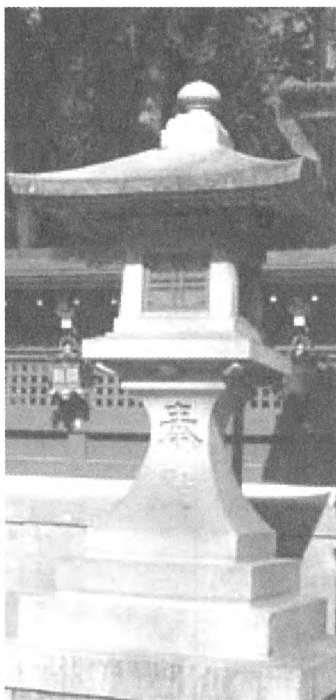
то. Вторые имеют массивную, замысловатую конструкцию с нишами по обшим сторонам. Эти ниши затянуты проволоочной сеткой, чтобы предохранить от повреждения скульптуры, установленные в них. Этот стиль появился в период доминирования буддизма в религиозной жизни Японии. Величественные ворота *Ёмэймон* перед *Тосёгу* в Никко – прекрасный пример этого стиля. Ворота перед *Ясака дзиндзя* и святилищами *Камо* в Киото, перед *Хакодзаки дзиндзя* в Фукуоке также являются великолепными образцами. Встречаются ворота весьма необычные. Например, спроектированные голландскими инженерами *Сюитэнмон* перед *Акама дзиндзя* в префектуре Ямагути или перед *Ояма дзиндзя* в городе Канадзава.

Дорога к святилищу. Дорога или тропинка, ведущая к *дзиндзя*, называется *сандо* и ведет от первых *тории* к часовне или святилищу. Однако в просторечии так может обозначаться любая дорога, ведущая к нему. Часто так говорят, когда на обычной дороге установлены одни или несколько *тории*. Но даже без них это название все равно иногда применяется к дороге, ведущей к святилищу. Так, широкая магистраль, проложенная к *Мэйдзи дзингу*, называется «главным подходом» (*омотэ сандо*), а две другие соответственно – западным и восточным подходами.

На территории комплекса дорога обычно грунтовая или выложена камнями. Часто вся площадь покрыта песком или аккуратно уложенным гравием. Этим достигается гармония с окружающей природой и создается благоприятная духовная атмосфера. Традиционно дорога между первыми *тории* и часовней или святилищем делает поворот. Однако в реальных условиях не всегда удастся следовать традиции, и потому дорожки прямые.

Охранители ворот и прилегающей территории. Прилегающая к святилищу территория символически защищена несколькими способами от злых духов и различных бедствий. Иногда перед

Фонарь

входом или с каждой стороны от него расположены миниатюрные святилища, охраняющие вход. В нишах больших ворот помещены изображения двух устрашающих существ, отдаленно напоминающих людей, но имеющих нечеловеческие пропорции. Эти цари дэва (*нио-сама*) имеют индийское происхождение, и обычно их место – у ворот буддийских монастырей. На самом деле они добрые – их свирепый вид предназначен для отпугивания злых духов. В нишах также могут находиться фигуры сидящих лицом или спиной к святилищу людей, одетых в старинные придворные костюмы, с мечом в ножнах за поясом и стрелами в колчане за спиной, в руках у них луки. Они представляют двух мифологических kami и также являются стражами.

Висящий фонарь

Изображения животных представляют собой третий тип символических защитников. Они располагаются парами, мужская и женская особи, и обычно устанавливаются по обеим сторонам первых *тории* или вдоль прохода к *дзиндзя*. Они также могут находиться по обеим сторонам от входа в святилище или даже внутри него. Наиболее распространенный тип животных-охранителей – собаки и львы.

В *Инари дзиндзя* стоят фигурки лисиц, в *Касуга дзиндзя* – оленей. Здесь эти животные считаются скорее служителями или посланниками ками, чем защитниками священной территории. Такими же посланниками являются волки в *Мицуминэ дзиндзя* и обезьяна в *Хиэ дзиндзя*. Лошади же предназначены для езды ками верхом.

Фонари, памятные дощечки и статуи. По обе стороны прохода – как внутри, так и вне комплек-

Тэмидзуя

са – часто можно увидеть каменные или бронзовые фонари. Это обычно индивидуальные или коллективные дары прихожан. Традиция дарить фонари, которые выполняют утилитарную функцию освещения пути к святилищу, возможно, берет начало от обычая разводить костры для прославления и почитания ками. Иногда встречаются статуи местных героев или персонажей, так или иначе связанных с историей данной общины. Чаще можно увидеть памятные дощечки в честь важных событий местного или национального значения. Нередко у прохода стоит каменная колонна, «камень ста повторений» (*хякудо исси*), которая отмечает место, откуда верующие постоянно ходят к святилищу или часовне, надеясь на исполнение своих молитв. Число посещений иногда отмечается узелками, которые завязываются на специальной веревке.

Павильон для омовений. На подходе к святилищу располагается павильон для омовения (*тэмидзуя*), то есть церемониального очищения – ополаскивания водой рта и кончиков пальцев. Такое символическое очищение обязательно перед молитвой и совершается во всех *дзиндзя*. *Тэмидзуя* –

обычно простое, открытое сооружение с каменным бассейном, наполненным чистой водой. Здесь же лежат один или несколько деревянных ковшиков с длинной ручкой. Этим обрядом отгоняются зло и скверна, и верующие становятся чистыми. Первоначально очищение осуществлялось в роднике или ручье, как, например, во Внутреннем святилище *Исэ*, или на берегу моря, что по-прежнему считается идеальным вариантом.

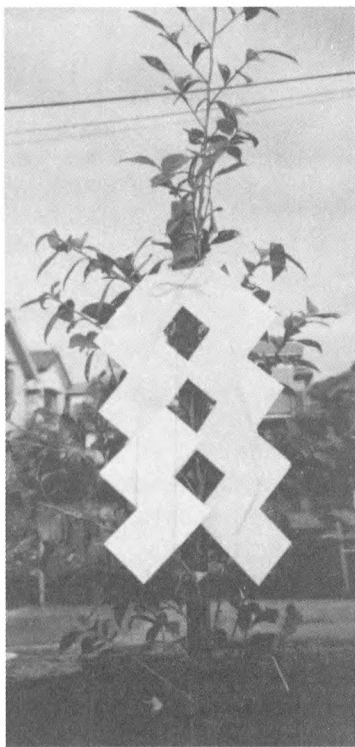
Список прихожан, сделавших пожертвования. Иногда у входа в комплекс или вдоль прохода к нему стоят грубо сколоченные, неказистые деревянные рамы, на которые подвешены деревянные дощечки с написанными на них суммами пожертвований и именами дарителей – всех, кто внес вклад в какой-либо проект святилища, например в ремонт или в реконструкцию.

Священные деревья. Нередко на территории комплекса растет дерево, которое окружено оградой и с которого свисает *симэнава*. Такое большое и старое дерево почитается как священное. Часто на территории святилища растет одно или несколько деревьев *сакаки*.

Ларьки. Либо при конторе святилища, либо в отдельном помещении располагаются ларьки. В них разложены амулеты, открытки и другие предметы, имеющие отношение к отправлению обрядов синто дома. Считается, что все эти вещи не продаются, а вручаются в обмен на небольшое пожертвование.

Архитектура

Архитектура святилищ отличается значительным разнообразием стилей, что в большинстве случаев отражает время их возникновения и в некоторой степени место постройки, иногда исторические периоды их существования. Многие святилища испытали континентальное влияние, но существуют два относительно чистых японских стиля, очень древних и типичных для синто. Одним из них яв-

*Химороги: священное дерево (или ветки) –
местопребывание ками*

ляется *Симмэй дзукури* – буквально стиль «божественного сияния», который наилучшим образом представлен в святилище *Исэ*. Другой – стиль *Тайся дзукури*, типичный образец которого – святилище в *Идзумо*.

Традиционно *дзиндзя* строились из кипариса и покрывались корой этого дерева. В настоящее время, чтобы избежать пожаров, в городах часто используется бетон, а крыши покрываются черепицей или медью. В редких случаях святилища строятся из камня. Раскраска и орнамент являются признаками континентального влияния.

Украшения на крышах. Среди характерных черт архитектуры святилищ выделяются украшения на

Тиги

крышах – *тиги* и *кацуоги*⁸. Они производят наибольшее впечатление на иностранцев, а для верующих создают особую мистическую атмосферу. Обычно используются три, пять или семь *кацуоги*; однако во Внутреннем святилище *Исэ* их 10, а во Внешнем – 9. Первоначально эти особенности конструкции предназначались для поддержания крыши; впоследствии *тиги* и *кацуоги* стали нести чисто декоративные функции. Они считаются символами святилищ синто, но многие уже не имеют их.

---

⁸ *Тиги* – две длинные перекрещивающиеся над фронтоном и торцом крыши балки, а *кацуоги* – короткие круглые балки, укрепляющие конек крыши. «Тяжелые *кацуоги*, идущие с интервалом одна за другой поперек конька, держали всю верхнюю часть конструкции сооружения. С течением времени *кацуоги* все более очевидно приобретали чисто декоративное значение – сверкая цветным покрытием дерева, они вздымались над крышей ажурно читающимся на фоне неба силуэтом, соединением перекрещивающихся деталей». – Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1. С. 433–434. – *Ред.*

Манэки-нэко

Тиги упоминаются в ритуальных молитвах и других церемониальных документах.

Помимо вышеупомянутых стилей *Симмэй* и *Тайся*, существуют стили, названные по именам хорошо известных святилищ (*Оотори*, *Сумиёси*, *Касуга*, *Хатиман*, *Хиёси*, *Гион*, *Кобицу* и *Сэгэн*). Есть несколько описательных названий, таких как *Гонгэн* (воплощение) и *Нагарэ* (плавный). Как правило, святилища, имеющие одно название, например *Касуга дзиндзя*, следуют архитектурному стилю основного сооружения. Примеры различных стилей архитектуры можно найти во многих районах страны.

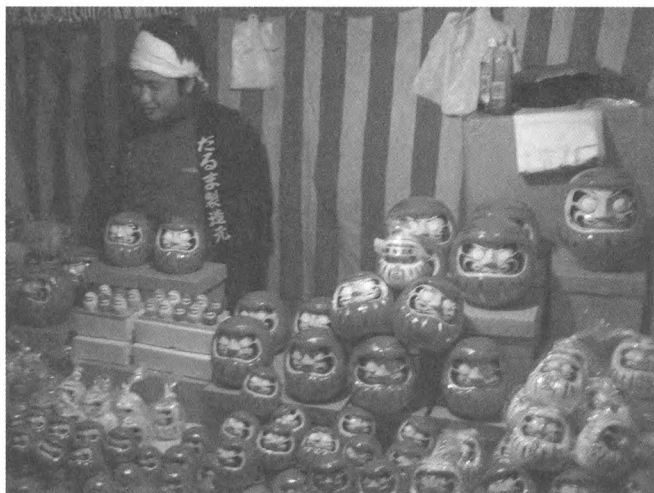
Лишь немногие святилища имеют уникальную конструкцию. Это, несомненно, два святилища в *Исэ*. Однако совершенно ни с чем не сравнимыми являются двухэтажные святилища *Фудзи Сэнгэн* в

Кумадэ

Фудзиномия (префектура Сидзуока) и *Кобуцу дзиндзя* в префектуре Окинава, которое славится своими огромными размерами (19 м на 15 м). За исключением стилей *Симмэй*, *Тайся*, *Оотори* и *Сумиёси*, иностранное влияние весьма заметно в архитектуре многих сооружений. Большинство из них окрашено в красный цвет. Стиль *Касуга* уникален резными *тиги*. Стиль *Нагарэ*, лучшим примером которого является *Мэйдзи дзингу*, можно узнать по плавным линиям крыши, которая спускается вниз перед лестницей. Строения в стиле *Иримоя* имеют остроконечную крышу, полого спускающуюся вниз. *Касивара дзиндзя*, посвященный первому императору Дзимму, является прекрасным примером такого стиля.

Дарума

В целом, различные стили архитектуры отражают развитие от века к веку буддийских храмов, замков и японских жилищ, особенно высших классов общества. Дома постепенно увеличивались, под одной крышей строилось несколько комнат, или же несколько построек соединялись воедино. Соответствующим образом менялось внешнее оформление. Например, стиль *Иримоя* первоначально использовался для строительства домов знати, а потом и святилищ. То же можно сказать и о гораздо более разнообразном стиле *Гион*. Стиль *Гонгэн*, который великолепно представлен в *Тосёгу* в Никко, и стиль *Яцумунэ* (восемь крыш), воплощенный в храме *Китано* в Киото, явно несут в себе признаки влияния буддийской храмовой архитектуры.

Священнослужители и персонал святилищ

Главная задача священнослужителей – проведение обрядов. В древности священников не было, а обряды исполняли все члены общины. Но были шаманы, часто женщины, которые, как считалось,

обладали особой мистической силой. Это позволяло им через соблюдение ритуального очищения добиваться престижного положения и уважения общины, служить посредниками в общении с ками. Эти шаманы исполняли многие обряды для своей общины. Позднее главы кланов взяли на себя обязанность отправления наиболее важных служб от лица своих подданных. Другие ритуалы проводились их подчиненными или специально назначенными людьми. Со временем эти функции стали прерогативой определенных знатных семей, так возникли династии священнослужителей.

Примерно в середине первого тысячелетия, в соответствии с западной хронологией, при дворе существовало четыре ранга священнослужителей. Исполнители обрядов, в основном представители семьи Накатоми, заведовали всеми церемониями и читали официальные молитвы. Хранители из семьи Имубэ проводили обряды очищения, чтобы не допустить осквернения и поддерживать постоянную связь с ками. Толкователи из семьи Урабэ отвечали за выяснение воли ками. Были еще танцоры и музыканты (*сарумэ*). За исключением немногих особо важных священных ритуалов, которые исполнялись лично императором, на священниках всех рангов лежало проведение обрядов как при дворе, так и в святилищах, тесно связанных с императорской династией.

В VIII веке руководство государственными синтоистскими церемониями и управление местными священниками было возложено на Совет по делам небесных и земных божеств (*Дзингикан*), который считался даже более важным государственным органом, чем правительство. За исключением главы этого ведомства, все его чиновники были в основном из рода Накатоми, как и императорские посланники, которых направляли в особо отмеченные святилища. Главой департамента в течение четырех веков (XI–XIV) был представитель семьи

Сиракава, ведущей происхождение от императора Кагана (985–986). В случае необходимости это официальное лицо заменяло императора при выполнении определенных ритуалов при дворе. Профессия толкователей воли ками в течение многих веков контролировалась семьей Ёсида.

В начале периода Мэйдзи (1868–1912) передача должностей священников по наследству была отменена. Они стали государственными чиновниками, и их назначением ведало соответствующее правительственное учреждение. До Второй мировой войны лишь лица с высоким общественным положением могли занимать должность настоятеля в наиболее важных святилищах. Сегодня священники являются частными лицами и не имеют официального статуса, кроме как признания со стороны Ассоциации синтоистских святилищ или тех, в которых они служат. Они назначаются президентом Ассоциации, который принимает решение на основании рекомендаций представителей прихожан. Священники могут вступать в брак и жить со своими семьями либо на квартирах при *дзиндзя*, либо в частных домах.

Священники должны знать правила проведения всех необходимых церемоний и праздников, включая подготовку и ход соответствующих богослужений. Обучение осуществляется другими священниками или на занятиях, организуемых Ассоциацией синтоистских святилищ и ее филиалами, или на курсах и семинарах университета *Кокугакуин*. После таких занятий без дополнительных экзаменов Ассоциация присваивает претенденту один из четырех рангов.

Каждое святилище возглавляет настоятель (*гудзи*), в крупных имеются помощник настоятеля (*гон гудзи*) и несколько нижестоящих священников (*нэги* и *гон нэги*). В *Исэ дзингу* есть также верховная жрица (*сайсю*). Традиционно сю становилась принцесса императорской семьи. Этот порядок был отменен в 1868 году, но восстановлен в 1946-м.

Священнослужители

Священники в свободное от исполнения церемониальных обязанностей в святилище время одеваются в обычное платье. На улице редко можно встретить синтоистского священника в его обрядовом облачении. Те, кто служит в больших святилищах или в нескольких маленьких, – иногда даже в 20 или 30 – посвящают этому все свое время. Большинство же священнослужителей работают учителями, чиновниками, в частных организациях и лишь часть своего времени отдают службе в *дзиндзя*. В таких случаях помощник священника или член его семьи обычно находится на территории святилища, занимаясь повседневными делами и принимая верующих. Большое число маленьких *дзиндзя* не имеет постоянного священника, их туда приглашают только на праздники или по другим особым случаям. В некоторых святилищах может быть значительное число священнослужителей, например в *Ясукуни дзиндзя* – 25 человек. Согласно данным Министерства образования (на 2005 год), 21 500 священников служили в чуть менее 80 000 святилищ.

Необычным явлением в послевосные годы стали женщины-священнослужители. Начало этому было положено, когда жены священников заменяли в святилищах ушедших в армию мужей. В случае их смерти они продолжали служить в *дзиндзя*. Впоследствии Ассоциация синтоистских святилищ дала разрешение назначать женщин священнослужителями.

Юные девушки в белых кимоно и ярко-красных юбках – *мико* – вовсе не являются, как думают некоторые, священными девственницами. Это дочери священников или местные жительницы, которые исполняют церемониальные танцы для ками. Они также иногда выполняют некоторые незначительные обязанности в *дзиндзя*. После вступления в брак их место занимают другие.

Музыканты и другие служители могут иметь или не иметь священнический сан. Большинство священников выполняют и ритуальные, и административные функции. Сбор средств и содержание недвижимости – зачастую весьма нелегкая задача. В больших *дзиндзя*, как правило, имеется штат наемных сотрудников.

Церемониальная одежда

Одевание священнослужителей следует образцу придворной моды эпохи Хэйан (794–1185). Оно не имеет символического значения и не предназначено для выделения их из массы мирян, которые тоже могут так облачаться при выполнении ритуальных функций в святилище. В соответствии с древней традицией цвет и стиль одежды указывают на ранг того, кто ее носит.

Кимоно. Наиболее простое одеяние состоит из кимоно особого покроя, юбки, накидки с широкими рукавами, свисающими до колен, шляпы и обуви. Кимоно обычно белое, что символизирует чистоту. Юбка может быть как белой, так и иного цвета, указывающего на ранг того, кто ее носит. То же относится и к верхнему платью. В некоторых слу-

чаях все священники, независимо от ранга, одеваются лишь в белые одежды. Неофициальная верхняя одежда по-японски называется *каригину* – «охотничья одежда». Этот стиль восходит к охотничьему костюму эпохи Хэйан.

Головные уборы. Существуют два типа головных уборов. Более простой – *эбоси* – соответствует менее парадному платью священника. Более сложный – *каммури* – предназначен для полного церемониального парадного облачения.

Обувь. Внутри святилища при выполнении всех церемоний ходят исключительно в японских белых носках (*таби*). Священник в церемониальном одеянии, находясь вне святилища, обувает специальные черные лакированные деревянные башмаки (*асагуцу*). Обычные сандалии с белыми завязками носят священники низшего ранга; это неформальная обувь всех священнослужителей вне святилища.

Жезл. При исполнении ритуалов священник держит вертикально на уровне живота за узкий конец тонкую деревянную дощечку (*саку*) или засовывает ее за пояс. Этот атрибут символизирует его должность и, как считается, придаст дополнительную значительность.

Костюм мико. Как и облачение священников, костюм мико, включая кипарисовый весер, напоминает придворное одеяние эпохи Хэйан. Это белое кимоно и ярко-красная юбка. При исполнении танцев *кагура* волосы, натуральные или накладные, зачесывают назад и перевязывают красной лентой. На ноги надевают белые носки. На улице они носят обычные сандалии с белыми завязками.

Приходы и прихожане

Святилища имеют тесную связь с местными жителями. С течением времени многое из мифологии и исторических преданий теряло свое значение, но сохранялись обряды и церемонии в святилищах. В давние времена, когда вожди объеди-

няли вокруг себя кланы и исполняли ритуалы, все члены такого кровного объединения имели право или были обязаны участвовать в них и выполнять те или иные обязанности в святилище. Таким образом, каждый имел статус члена клана. Содержание местного святилища и участие в обрядах и праздниках с древних времен рассматривались не как тягостная повинность, а как высокая честь. Некоторые влиятельные местные жители обычно настаивали, как это иногда бывает и сейчас, на своих привилегиях в исполнении определенных функций в обрядах и праздниках.

Исторически кровные связи являются неотъемлемой частью жизни святилища. Там, где эти связи крепки, остается сильной и сплоченность прихожан вокруг святилища. Если же кровные узы в общине ослаблены, богослужение в *дзиндзя* все равно имеет большое объединяющее значение для местных жителей. Даже в том случае, когда люди покидают родные места, при любой возможности или же при необходимости они возвращаются домой и исполняют свои обязанности. Этого от них ожидает местная община.

По мере того как люди уезжали все дальше от родных мест, и возможность их возвращения домой все более затруднялась, по всей стране возникали филиалы святилищ местных или родовых kami. Таким образом, человек мог поддерживать духовную связь с ними, находясь вне дома. Но даже сегодня многие специально приезжают в родные места для участия в ежегодных праздниках в святилищах.

Границы приходов святилищ часто бывают довольно неопределенными, иногда накладываются друг на друга. Часто они основаны на древнем делении территории, давно упраздненном. В результате устранения различий между родовыми kami и kami определенной местности многие сегодня связаны с несколькими *дзиндзя* либо как всерующие вообще (*сукэйся*), либо как местные прихожане (*удзико*).

Факел на празднике огня

Так, например, святилища в *Исэ*, *Мэйдзи дзингу* и *Ясукуни дзиндзя* в Токио, *Хэйан дзингу* в Киото и *Дадзайфу дзиндзя* в Фукуоке не имеют какой-либо территории, которая рассматривалась бы как их приход. В некотором смысле вся Япония является их приходом, а все японцы – их потенциальными прихожанами. Аналогично и местные святилища, посвященные павшим воинам или местным знаменитостям, не имеют системы приходов. Тем не менее все местные жители считаются прихожанами, хотя между ними и *дзиндзя* нет каких-то особых, внутренних связей. В таких случаях отношения являются делом личного выбора.

В святилищах *удзигами* все местные жители считаются их прихожанами и исполняют определенные обязанности по их поддержанию, включая иногда отправление определенных религиозных функций. И это – не результат религиозной пропаганды со стороны *дзиндзя*, а означает лишь то, что все прихожане – японцы. Для иностранца это звучит несколько формально, но именно это составляет духовную базу синто. Взаимоотношения между ками-охранителями и прихожанами – это такие же духовные связи, какие существуют между роди-

Участие прихожан в праздничных церемониях

телями и детьми. Таким образом, главная идея заключается в том, что поддерживается неразрывная внутренняя связь между всеми японцами и ками.

Синто перестал быть государственной религией в 1945 году, однако это серьезно не повлияло на отношения между святилищами и местными жителями. Напротив, люди продолжали считать себя их прихожанами. Они делали небольшие денежные подношения к различным ежегодным праздникам и по возможности оказывали различную помощь *дзиндзя*.

С отделением синто от государства своего политического статуса лишились и местные общины, но они по-прежнему действуют во многих районах страны как частные организации и не только решают свои частные проблемы, но часто контролируют жизнь местных святилищ.

III. БОГОСЛУЖЕНИЯ И ПРАЗДНИКИ

Богослужение

В соответствии с учением синто вся жизнь человека протекает в общении с ками и согласии с ними, что обеспечивает верующему постоянную защиту. Повседневная жизнь рассматривается как «служение ками», то есть *мацури*. Обычно этот термин применяется для обозначения больших праздников, церемоний и процессий, однако он имеет более глубокое значение, а именно служение и почитание.

Обряды и церемонии синто связаны как с обычной, повседневной жизнью человека, так и со знаменательными для общины или всей страны событиями. Церемонии могут проводиться как в домах, так и в общественных местах, но главным образом в святилищах.

Обряды и церемонии призваны отвести неприятности или исправить любую ситуацию, сохранить и усилить связь с ками для того, чтобы обеспечить счастье и мир. Они включают молитву о божественной защите, восхваление заслуг и утешение духа ками, информирование его о повседневных событиях, обещание посвятить ему всю жизнь и подразумевают единение с ками. Таким образом, суть церемоний заключается в том, чтобы выразить веру в ками, сделать им подношения, очистить разум и тело, наполниться искренностью, избавиться от злых помыслов и корыстных желаний, раздоров, конфликтов и ненависти, стремиться к примирению и сотрудничеству, к достойному поведению в жизни.

Церемонии очень сильно различаются по сложности — от простых, индивидуальных молитвен-

ных обрядов перед домашним алтарем или ритуалов, проводимых утром или вечером священниками в местном святилище, до ежегодных праздников с массовыми процессиями с участием тысяч людей и разнообразными культовыми атрибутами. Чем больше и влиятельнее святилище, тем сложнее и пышнее церемония.

Четыре элемента синтоистского богослужения

За исключением простой молитвы, которую творят при посещении святилища, все ритуалы состоят из четырех элементов: очищения (*хараи*), подношения (*синсэн*), молитвы (*норито*) и символической трапезы (*наораи*). Все они могут исполняться как в простой, так и в сложной форме в зависимости от ситуации. Особенность синто заключается в том, что служение ками, идущее из глубины сердца, сопровождается соблюдением определенного религиозного ритуала.

Очищение. Цель очищения – устранить все грязное, нечестивое и злое, что мешает жить в соответствии с духом ками и снижает действенность молитвы. Обычно оно совершается каждым молящимся самостоятельно, будь то священник или мирянин. Оно состоит из символического омовения водой рта и кончиков пальцев (*тэмидзу*). Символическое очищение совершается священником, который читает специальную молитву, а затем особым образом обмахивает опахалом одного или нескольких прихожан или какой-то предмет (иногда при этом слегка окропляют соленой водой или осыпают солью). Очищение купанием называется *мисоги*. Церемония очищения нации или всего мира называется *охараи* – буквально «великое очищение».

При очищении святилища перед праздником само здание и все его принадлежности чистятся, а прилегающая территория подметается. В качестве

символов очищения подвешиваются палочки бамбука, ветки *сакаки* или *симэнава* с прикрепленными к ней бумажными полосками и льняными нитями. Обряд очищения священника перед праздником включает период воздержания.

Подношение. Минимальным обрядовым требованием является периодическое подношение подарков ками. В идеальном варианте его следует делать ежедневно, а то и дважды в день. Считается, что пренебрежение этим простым обрядом, особенно если речь идет о духах предков, может обидеть их, и это плохо отразится на тех, кто ленится исполнять эту обязанность.

Существует много маленьких придорожных святилищ или же расположенных в отдаленной малодоступной местности, которые кажутся заброшенными. На самом деле практически нет *дзиндзя*, о которых хотя бы несколько раз в год не заботился бы священник или какой-нибудь прихожанин.

В наиболее почитаемых святилищах подношения могут быть весьма изысканными, и их подготовке уделяется большое внимание, особенно во время проведения ежегодных праздников. В каждом большом или маленьком *дзиндзя* порядок подготовки даров, как правило, подробно прописан в их документах. Обычно подношения готовятся в специально предназначенном помещении, и над ними совершается обряд очищения. Потом их особым образом раскладывают на отдельных блюдах или подносах и вносят в святилище, где укладывают на высокие подставки, обычно из неокрашенного дерева. В некоторых случаях используются красные или черные лакированные подставки, являющиеся частью внутреннего убранства святилища.

Обычай подношения восходит к древней традиции. Как правило, это рис, соль, вода, возможно, ветки *сакаки*, в придорожных святилищах — цветы. Повседневные подношения очень разнообразны и зависят от того, что может себе позволить прихожанин.

Обычно встречаются четыре вида подношений: деньги, пища и напитки, различные вещи и символические предметы.

Денежные жертвоприношения делаются в различных видах: монета, опущенная в ящик для жертвоприношений перед святилищем или часовней; небольшая сумма денег, завернутая в бумагу, как подношение для особой службы; деньги на реконструкцию святилища или ремонт утвари, на другие конкретные дела.

Напитки – обычно вода или *сакэ*, хотя встречаются и другие алкогольные напитки. Вода, как правило, берется из местного священного колодца. Пища, разложенная на подносе, может быть сырой или приготовленной. В основном это рис, рыба, морские водоросли, овощи, зерно, фрукты и сладости. Во время праздников подношение риса делается обычно в виде колобков. В подношениях ками, которыми стали исторические личности, учитываются их земные пристрастия.

Подношениями могут быть самые различные вещи. С древнейших времен это были: бумага, одежда из шелка или хлопка, деньги, драгоценности, оружие и даже сельскохозяйственный инвентарь. Дары от императора или от Ассоциации синтоистских святилищ – это неизменно одежда, шелковая или хлопчатобумажная; иногда деньги. Если ками является покровителем какой-то профессии, подношением может выступать соответствующий предмет, символизирующий ее.

В древних рукописях упоминаются белые лошади, куры, свиньи, которых жертвовали святилищам. В некоторых из них подношения животными делаются до сих пор. В *Исэ*, например, в специальной конюшне содержатся два белых коня, ранее принадлежавших императору. По территории комплекса бродят куры, теперь не обязательно белые. В редких случаях вместо живой лошади можно увидеть ее изображение в натуральную величину. Оно поставлено в стойле и мордой повернуто к

проходу, по которому идут посетители. В *Фусими Инари дзиндзя* в Киото такая лошадь имеет великолепное седло, уздечку и другие предметы упряжи.

Символическими подношениями могут быть ветки, к которым прикреплены бумажные полоски или льняные нити. *Гохэй*, укрепленный по центру перед внутренней камерой, – типичный пример символического пожертвования. Танцы, театрализованные представления, борьба *сумо*, стрельба из лука тоже в некотором смысле считаются подношениями ками.

Молитвы. Церемониальные молитвы священники читают, точнее, декламируют, на классическом японском языке, который был общедоступен в свое время. Но сегодня многие не понимают его без специальной подготовки. В древности исторические и другие важные документы часто составлялись в форме прекрасных ритмических стихов, чтобы облегчить их передачу последующим поколениям.

Молитвы составлялись в такой манере, чтобы воплощенное в них мистическое чувство обращения к ками, унаследованное с древнейших времен, передать без искажений будущим поколениям. Это было особенно важно для сохранения смысла и духа древних церемоний, поскольку считалось, что такая форма передачи могла обезопасить эту сферу от внедрения китайских слов, коротких и для японского слуха резких и немелодичных, которые проникали с материка и изменяли японский язык.

До эпохи Мэйдзи священники каждого святилища сочиняли молитвы по своему усмотрению. В апреле 1875 года в связи с провозглашением синто государственной религией правительство возложило эту миссию на себя, подготовило список молитв на основе «Уложений годов Энги» и потребовало использовать их в официальных обрядах и праздниках во всех *дзиндзя*. Список молитв пересматривался в марте 1914-го и в 1927 году. Сегодня молитвы, разработанные Ассоциацией синтоистских

святилищ, широко используются в *дзиндзя*, которые входят в эту организацию. В то же время священники могут по желанию сами сочинять молитвы.

Как правило, молитва начинается с прославления ками. В ней упоминаются происхождение и иногда история конкретного обряда, праздника или события, связанного с ним. Выражается благодарность ками, рассказывается о происходящих событиях, иногда содержится конкретная просьба, если это считается уместным. Перечисляются подношения, сообщаются статус и имя священника, проводящего богослужение. Затем звучат заключительные слова, в которых выражается уважение и благоговение.

Молитва, которую читают на похоронах, обращена к духу покойного как «послание соболезнования». Она произносится очень эмоционально и обычно наполнена воспоминаниями о покойном и выражением глубокой любви к нему.

Священная трапеза. Каждая церемония (за исключением самого простого акта поклонения ками перед святилищем) – будь то в *дзиндзя* или дома, для одного человека или группы людей, свадьба или большой праздник – завершается священной трапезой (*наораи*), что означает «вкушать вместе с ками». Для простых верующих она заключается в чарке *сакэ*, которую им подносит священник или девушка-прислужница. Во время больших праздников священники, влиятельные прихожане и специально приглашенные гости собираются на квартире у настоятеля или в другом месте и, после того как они торжественно пригубили *сакэ*, наслаждаются вкусными блюдами, запивая их опять же *сакэ*.

Почитание ками в доме

Поклонение ками требует подготовки. Человек не может переключить свое сознание с мирского на духовное с такой же легкостью, с какой он переходит с одной стороны улицы на другую. Подготовка начинается дома. Проснувшись рано утром,

умывшись, сполоснув рот, очистив тело и разум, следует почтить kami и духов предков. Эти действия наполняют смыслом предстоящий день и позволяют обратиться к повседневным делам, чувствуя себя очищенным. Kami всегда защищают тех, кто верует. Таким образом, предки человека незримо придают ему силы, помогая вести добродетельную жизнь.

В садах при некоторых домах устроены небольшие святилища. В большинстве японских домов есть синтоистский алтарь (*камидана*), представляющий собой полку, на которой установлен миниатюрный макет *дзиндзя*. Размер и качество алтаря зависят от финансовых возможностей и от глубины веры главы семьи. Перед ним часто установлено маленькое зеркало, по обшим сторонам которого могут находиться небольшие фонарики и ветки *сакаки*. Над полкой по всей длине укреплена *симэнава* с маленькими бумажными подвесками. Иногда все это задрапировано занавесом.

Центральное место на алтаре обычно занимает бумажный амулет из Великого святилища *Исэ*. С правой стороны стоит еще один амулет, предназначенный для kami-охранителя, а с левой – один или несколько для других, которых особо почитают. Если макет слишком маленький, амулеты располагаются один за другим, но первым всегда из *Исэ дзингу*.

Для духов предков иногда делается отдельная полка, расположенная ниже. На нее ставятся маленькая коробочка с поминальными табличками и зеркало. В доме постоянно следят за тем, чтобы алтарь был всегда чистым и не осквернялся.

Домашние подношения (которые всегда должны быть свежими) обычно состоят из риса (сырого или отваренного), воды и соли. По особым случаям могут жертвоваться рисовые лепешки, морская рыба, водоросли, овощи, фрукты, пирожные, плоды сада или огорода. В дни поминовения предков принято подносить что-нибудь из того, что они

любили. По случаю получения диплома, удостоверения о служебном повышении, ежемесячной зарплаты и т.д. эти предметы можно положить на алтарь в знак благодарности ками. Ритуал домашнего почитания весьма прост и не всегда строго регламентирован. Вымыв руки, сполоснув рот и положив на *камидана* свежие дары, молящийся становится или садится на циновку лицом к алтарю и делает один легкий, а потом два глубоких поклона. После чего произносится любая молитва по выбору вслух либо про себя. Два глубоких поклона, два хлопка в ладоши на уровне груди, легкий поклон – и обряд завершен. Поднесенная в качестве дара пища убирается и затем подается на стол. Перед тем как приступить к еде, синтоист закрывает глаза, слегка наклоняет голову и тихо либо громко хлопает в ладоши в знак благодарности ками.

Разумеется, здесь описан идеальный вариант. В большинстве семей кто-то один, обычно из старших ее членов, протирает алтарь, меняет подношения и несколько мгновений проводит в молчании, сомкнув ладони, молясь ками. Другие члены семьи могут оказывать знаки почитания ками, а могут этого и не делать, охваченные суетой повседневной жизни.

Богослужение в святилище

Перед посещением местного святилища прихожанину следует тщательно помыться, надеть чистое белье, помолиться перед домашним алтарем. По пути поклоном надлежит выразить уважение другим встречающимся святилищам.

Уже проходя через *тории*, человек испытывает чувство очищения, следуя далее по дорожке, он слышит скрип камешков под ногами, по обским сторонам дорожки видит фонари, мемориальные дощечки, павильоны для священных танцев, зал для подношений. Ни больной, ни окровавленный, ни рыдающий не должны молиться в святилище. Се-

годня этот запрет не всегда соблюдается. Во время праздников иногда устанавливают два шеста с флагами или длинными пятицветными вымпелами, развевающимися на ветру. Все вокруг чисто, аккуратно, в полном порядке, потому что все служители уже давно на ногах, подмести и почистили.

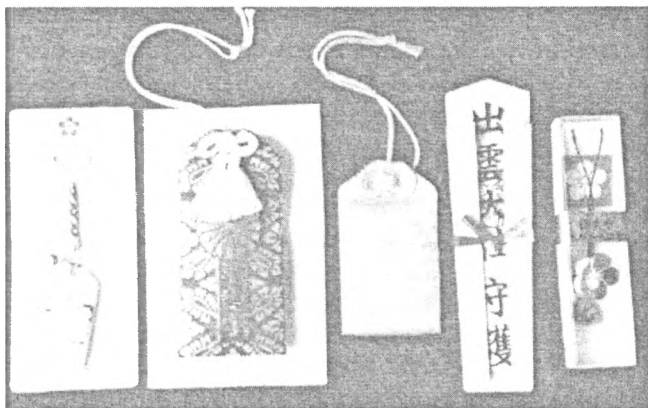
В павильонс для омовения следует снять головной убор и верхнюю одежду, символически ополоснуть водой рот и руки. В некоторых особых случаях в этой процедуре участвует священник. У него деревянное ведро с водой, ковш и бумажные салфетки для вытирания рук. Перед входом в молитвенный зал следует позвонить в колокол, который обычно висит над ящиком для пожертвований. Его чистый звук «отгоняет» злых духов и успокаивает душу⁹.

В ящик для пожертвований опускают монетки (в сельской местности это могут быть несколько зерен риса, завернутых в бумагу). После легкого поклона дсляют два глубоких вдоха или произносятся про себя короткую молитву, опять дважды низко кланяются, дважды хлопают в ладоши на уровне груди, еще раз делают глубокий поклон и слегка кланяются перед тем как уйти.

В некоторых особо важных случаях, если в святилище есть такая возможность, можно оставить в конторе свои пожелания, пожертвовать немного денег или сделать какой-то материальный подарок. В этом случас дарителя и его спутников проводят внутрь святилища или в часовню. Там они рассаживаются на циновках позади священника лицом к внутренней камере и становятся участниками более сложного обряда, который состоит из чтения молитвы, указания даты и повода его проведения, перечисления имен участников богослужения и подношения ветки *сакаки* как символи-

---

⁹ Некоторые авторитеты интерпретируют звон колокола как «очищение духа», другие же — как «привлечение внимания ками этого святилища».

Амулеты

ческого пожертвования. Перед началом церемонии деньги или материальный подарок кладутся на стол для подношений.

Простые обряды совершаются по множеству поводов, например открытия нового предприятия, поступления в школу или университет, других важных событий, или же в знак благодарности за какую-нибудь удачу. Свадебные церемонии также обычно проводятся в святилищах.

Перед тем как покинуть *дзиндзя*, большинство посетителей из тех, кто не живет по соседству, обычно останавливаются у ларька, где, как уже говорилось, продаются открытки, амулеты и различные аксессуары для домашнего алтаря. За небольшую плату из специального ящика можно вытащить номер и получить в соответствии с ним листок с предсказанием, которое поведает об ожидающих впереди удачах или зловключениях. Прочитав предсказание, бумажку обычно сворачивают и прикручивают к ветке какого-нибудь дерева или к сетке по обе стороны ворот. При этом просят о его исполнении, если оно благоприятное, или о защите – если оно сулит неприятности.

Приобретенный здесь же амулет святилища, символизирующий ками, помещают, как это уже было

описано, на домашний алтарь. Обычно амулет – это листочек бумаги хорошего качества, на котором начертано имя божества. Это может быть также маленький кусочек стружки от дерева, из которого было построено прежнее здание святилища. Все, что имеет отношение к святилищу, – здания, убранство, обряды, прилегающая территория – используется для почитания ками.

Праздники

Многие праздники, отмечаемые в святилищах, сильно различаются в зависимости от традиций и местных условий. Наиболее важное событие в любом *дзиндзя* – проводимый ежегодно или два раза в год праздник *рэйсай*. Обычно один раз он отмечается весной (при подготовке к сельскохозяйственным работам), второй – осенью (после уборки урожая и в благодарность за него). Есть также праздник, посвященный почитанию одного или нескольких ками данного святилища и раскрывающий какой-нибудь важный аспект верования данного святилища. Кроме того, отмечается ряд других праздников, связанных с национальными традициями или сезонными обычаями.

Подготовка святилища. Накануне праздника служители полностью поглощены подготовкой к нему. Постройки и вся территория комплекса заранее тщательно убираются, а в день торжества наводится окончательный лоск. Веточки *сакаки* крепятся к столбам *тори*. Новые *симэнава* вешаются на их верхнюю перекладину или чуть ниже, а также на другие ворота, над дверными проемами, под карнизом главного здания и вокруг места для очищения. Длинные пятицветные вымпелы, символизирующие «облака, сулящие добро», подносы с растениями и цветами используются как украшения.

Внутри святилища устанавливаются два парчовых флага, на вершине каждого крепятся ветки *сакаки* с полосками белой бумаги. Флаги обычно

помещаются по обе стороны стола для подношений. К правому флагу прикрепляют футляры из шелка или золотой парчи, в одном из которых находится металлическое зеркало, а в другом – яшмовые подвески (*магатама*). К левому флагу подвешан короткий меч, также в футляре из золотой парчи. Эти три предмета – зеркало, меч и яшмовые подвески – помещают в святилище не потому, что они являются символами императорской власти, а потому, что в соответствии с древней синтоистской традицией они считаются священными.

Воздержание перед праздником. С вечера накануне праздника те, кому предстоит совершать богослужение, должны подготовить себя духовно, удалившись в покои священников либо просто уединившись. Это называется *сайкай* – буквально «воздержание». Они моются (*кэссай*), надевают чистую одежду, употребляют лишь определенную пищу, ведут спокойную и размеренную жизнь, воздерживаясь от неподобающих поступков. Если они нарушают эти правила или за это время что-то случается, например смерть, травма, пожар, они отстраняются от участия в празднике, а в некоторых случаях и само торжество откладывается.

Ритуал. В назначенный час священники и музыканты, представители прихожан, участвующих в церемонии, идут на место очищения, а затем располагаются перед внутренним святилищем. После обряда очищения всех верующих настоятель низко кланяется (все в это время лежат, расprostершись, на полу), подходит и приоткрывает двери внутренней камеры под звуки музыки и протяжные возгласы присутствующих, которые должны очистить путь ками.

Далее следует подношение пищи, что является центральной частью ритуала. Она кладется на маленькие деревянные подносы, которые священники передают один другому, а помощник настоятеля ставит их на специальное место «перед ками».

Все это время звучит старинная музыка. Затем настоятель читает молитву.

Помимо подношений от *дзиндзя*, могут также преподноситься пожертвования от Ассоциации синтоистских святилищ и, если речь идет о крупном святилище, связанном с императорской династией, дары от императорского двора. Их доставляет специальный посланник. Они кладутся настоятелем на алтарь отдельно, в особо изысканной манере. После вручения всех даров посланник читает молитву. Иногда исполняются священные танцы (*кагура*).

Настоятель, а затем верующие, начиная с самых влиятельных, выходят вперед и кладут на центральный поднос символическое подношение – ветку *сакаки*, дважды кланяются, дважды хлопают в ладоши, снова кланяются, выражая почтение, и возвращаются на свое место. Если число присутствующих велико, зачастую один из них совершает этот ритуал от лица остальных. Когда эта часть обряда закончена, все участвующие в нем встают, дважды кланяются, дважды хлопают в ладоши и еще раз кланяются все вместе.

Священники уносят подношения, верующие вновь простираются на полу, настоятель закрывает двери внутренней камеры под аккомпанемент протяжных возгласов. Все выходят из помещения. Церемония завершается участием всех в символической трапезе в виде глотка *сакэ*. Священники и служители удаляются для продолжения трапезы (*наораи*). Поднесенная в дар пища может быть разделена между прихожанами, но, как правило, она достается священникам и их семьям. Если оказывается много рисовых лепешек (*моти*), их убирают и через несколько дней раздают прихожанам.

Священные танцы. Помимо ритуалов, отправляемых священниками, в большинстве крупных *дзиндзя* во время ежегодных праздников исполняются священные танцы (*кагура*) под традиционную музыку. В некоторых святилищах по просьбе

Кагурадэн – площадка для представлений кагура

прихожан за небольшое денежное вознаграждение они могут исполняться ежедневно. *Кагура* – типично японские танцы, где акцент делается не на движение по площадке, а на позы и жесты танцоров. Считается, что началом *кагура* послужил танец, которым выманили богиню Солнца из пещеры, куда она удалилась, разгневавшись на своего брата. Доставляя удовольствие ками, *кагура* радуют и развлекают верующих.

В *кагура*, которые в средние века развились в танцевальные представления, изображаются события древней синтоистской мифологии. Существует 35 традиционных драматических представлений такого типа. Несколько оригинальных танцев были созданы в последнее время, и они также исполняются в святилищах. *Бугаку*, древний придворный танец, пришел с азиатского континента и также стал разновидностью *кагура*.

Музыка. Музыкальное сопровождение во время торжественной части церемонии и танцев следует традиции древней придворной музыки (*гага-*

Танец цапель

ку). Музыкантами могут быть как священники, так и миряне.

Процессии. Для большинства прихожан процессия – это самая волнующая и в то же время наиболее содержательная часть праздника. Смысл процессии (в понимании японцев, это – «величественное шествие божества») заключается в ощущении, что ками находится среди них. Для этого осуществляется символическое перемещение ками из внутренней камеры в разукрашенный, позолоченный священный паланкин (*микоси*), который становится его временным жилищем. На самом деле священный символ обычно никуда не переносится. Вместо него после соответствующего ритуала в *микоси* помещается какой-нибудь символический предмет, заменяющий святыню, например священное зеркало (*синкё*) или *гохэй*. Помимо основного паланкина, обычно имеются еще несколько изготовленных прихожанами, в том числе маленькие *микоси* для детей. В них в качестве символа ками обычно помещаются листки бумаги с его именем. Кроме паланкинов в процессии обычно участвуют

Музыканты, исполняющие гагаку

разукрашенные колесницы, на которых выступают музыканты и танцоры.

В центре процессии находится *микоси*. Его обычно несут на плечах крепкие молодые люди из числа прихожан. Они двигаются зигзагообразно, раскачиваясь из стороны в сторону и выкрикивая: «Вассэй! Вассэй!». Однако этот обычай сравнительно молод. В соответствии с древней традицией паланкин следует нести торжественно и величественно, и в некоторых святилищах так и поступают до сих пор.

Микоси несут до какого-то определенного места (*отабисё*), где делают остановку, иногда даже на ночь, а потом возвращают его в святилище. На месте остановки может находиться постоянная постройка, в других случаях возводится временное укрытие либо используется фасадная часть дома одного из прихожан. Иногда для отдыха выбирают место, которое считается наиболее священным для ками. Святилище — лишь временное жилище божества, где оно пребывает в промежутках между праздниками. На месте отдыха всегда проводится короткая церемония, включающая молитву и подношение даров.

Микоси

Процессия может означать:

1) выход из святилища для встречи божества, которое пришло из отдаленного мира (*синкай*), поэтому в некоторых случаях она начинается в спокойном, неторопливом ритме, в тишине, чтобы не привлекать внимания, а возвращение бывает веселым или же происходит в темноте при потушенных огнях;

2) посещение определенного места на территории прихода, которое имеет важное духовное или историческое значение для ками;

3) возможность ками побыть в гуще прихожан и благословить их дома;

4) напоминание о некой исторической процессии императорского посланника или феодального властителя, направлявшейся в святилище.

В большинстве случаев процессия имеет какой-то исторический подтекст, касающийся появления ками, основания святилища или выдающегося исторического события в жизни местной общины. В некотором роде процессия представляет собой религиозно-историческую инсценировку. Например, процессия в Никко устраивается раз в полгода (17 мая и 17 октября) в память о посещении императорскими посланниками могилы первого сёгуна Токугава Иэясуу. Праздник Гион (*Ясака дзиндзя*) в Киото (17 июля) посвящен молитве императора о прекращении чумы в IX веке. На празднике «парад веков» (*дзидай мацури*) воспроизводятся обычаи и костюмы периода между первым и последним императорами, жившими в Киото, которым посвящен *Хэйан дзингу*¹⁰.

Хотя некоторые святилища, например *Мэйдзи дзингу*, не имеют *микоси*, а значит, не устраивают процессий, почти все старые святилища совершают этот ритуал. Однако поскольку смысл каждой процессии зачастую уникален и существует большое разнообразие костюмов, повозок и других атрибутов, мы не имеем возможности рассказать о них подробно.

Развлечения. Во время праздников в святилище и на территории прихода устраивается множество различных развлечений, так что синтоистские праздники сочетают в себе торжественность и веселье и иногда напоминают карнавал. Веселые мероприятия предназначены для развлечения людей, однако главная цель большинства из них (и по своему происхождению и смыслу) – доставить удовольствие ками, почитаемому в святилище. Поэтому они называются *каннигиваи*, то есть «божественное развлечение». Среди развлечений, которые устраиваются в *дзиндзя*, – представления

---

¹⁰ На празднике представлен и период, когда столицей был город Нара (710–794). – *Ред.*

Бугаку

кагура, музыка, танцы *бугаку*, состязания лучников, как пеших, так и конных (*ябусамэ*), и *сумо*.

Другие виды развлечений, еще более шумные и веселые, которые изначально также являлись приношениями ками, теперь радуют прихожан. Многие святилища известны своими особыми развлечениями, привлекающими на праздники массу людей. Музыка, исполняемая на барабанах, флейтах и колоколах, подбадривает толпу. В деревенских, то есть народных, *кагура* участвуют как профессиональные танцоры, так и местные любители. И несмотря на серьезность тематики – в основе лежат эпизоды из синтоистской мифологии – праздничные развлечения полны юмора и клоунады.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Политика правительства

Реставрация Мэйдзи имела две параллельные и взаимодополняющие цели – политическую и религиозную. Первая преследовала восстановление власти императора, который в течение многих веков не имел никакого влияния на дела в стране. Вторая – возрождение синто как духовной основы власти и общества. По сути, эти цели были идентичны. Поэтому вполне естественно, что синто стал официальным культом нового правительства.

Первыми шагами для достижения религиозной цели были: указ об отделении буддизма от синто, создание Департамента по делам синто, который был скопирован с учрежденного в VII веке *Дзингикана*, и заявление о том, что синто станет религиозной основой нового правительства. В 1871 году святилища были разделены на ранги в зависимости от их связей с императорской династией и поставлены под административный контроль соответствующих национальных, региональных или местных органов власти.

При этом ликвидировалась система передачи по наследству сана священника, и теперь они оказались в подчинении соответствующих правительственных органов, которые занимались вопросами назначения на должности, финансирования, дисциплины и увольнения. Однако за исключением государственных святилищ наследственная система значения и популярности в обществе не утратила. В 1872 году правительство перевело всю собственность святилищ в разряд государственной. В

1875 году им были предписаны к исполнению новые единые ритуалы и церемонии, основанные на «Уложениях годов Энги». 25 апреля 1869 года император Мэйдзи возглавил процессию в церемониальном зале дворца, где лично провел богослужение перед всеми ками синтоистского пантеона, произнес Клятву из пяти статей¹¹ и разъяснил ее значение присутствовавшим сановникам. Этой церемонией новое правительство продемонстрировало восстановление принципа единства ритуала и управления государством (*сайсэй итти*), что с незапамятных времен рассматривалось как одна из духовных основ общества. Таким образом, святилища стали государственными учреждениями, а синто – государственным культом¹².

Впоследствии, когда *Дзингикан* не сумел добиться успеха в установлении единообразия синто, а также в подавлении буддизма, было создано Министерство религиозного образования (1872), которое стремилось наладить взаимодействие между синтоистскими и буддийскими священниками, причем вторые занимали более низкое положение по отношению к первым. Однако это тоже не увенчалось успехом, и в 1874 году было разрешено создание независимых синтоистских сект, а буддистам позволили свободно распространять свою веру. В 1877 году управление религиозными делами перешло к Департаменту святилищ и храмов при вновь созданном Министерстве внутренних дел, а в 1882 году было проведено четкое разграничение между священниками святилищ и другими религиозными деятелями. В 1900-м этот Департамент был разделен на Департамент святилищ и Депар-

---

¹¹ Клятва императора Мэйдзи, принесенная им 14 марта 1868 года, в которой провозглашались новые принципы управления государством. – *Ред.*

¹² Речь идет о выделении из синто только культа поклонения императору и превращении его в государственный синто при сохранении народного синто.

тамент религий, а через 13 лет Департамент религий передан в подчинение Министерству образования. Таким образом, руководство синтоистскими святилищами отделялось от общерелигиозных проблем, и, казалось, была найдена относительно приемлемая схема управления государственным синто и синто вообще.

В 30-е годы XX века многие синтоисты требовали восстановить упраздненный в период Мэйдзи Департамент по делам синто как правительственное учреждение, которое стояло бы выше кабинета министров. Однако им удалось лишь добиться создания Совета по делам синто (*Дзингин*) в рамках Министерства внутренних дел.

Поражение, капитуляция и оккупация Японии в результате Второй мировой войны привели к коренным изменениям в статусе синто. Согласно упоминавшейся директиве Штаба оккупационных войск по синто святилища перестали быть государственными учреждениями, и всякий контроль, поддержка, финансирование и пропаганда синто со стороны правительственных органов строго запрещались. В конституции были зафиксированы принципы религиозной свободы и отделения религии от государства. Сегодня святилища не имеют никакого отношения к государству, являются частными учреждениями, финансируются и управляются исключительно прихожанами.

Государство. Синтоистская вера воздействует не только на сознание отдельного человека, общину или общество в целом, устанавливая прямые отношения с ками, но оказывает влияние и на политику. В древние времена, еще до объединения страны, кланы рассматривали синтоистские ритуалы как важный фактор политической жизни, а по мере достижения единства такое отношение к ним становилось преобладающим. Тесная связь между синто и политической властью на протяжении веков очевидна. Веками уже упоминавшиеся придворные ритуалы соблюдались исключительно импе-

раторской семьей, воплощавшей государственную, политическую власть. Богослужение же в святилищах в первую очередь проводилось для простых граждан, и государство делало подношения *дзиндзя* ради мира и благополучия страны.

Согласно мифологии, когда предок императорской династии *Ниниги-но-микото* спустился с небес и договорился с божеством Идзумо о том, что оно отдаст ему власть на этой земле, он пообещал взамен построить священный дворец, то есть святилище, и вечно служить ему. Таково происхождение *Идзумо тайся*, расположенного на западном побережье Японии в префектуре Симанэ, около города Мацуэ.

Более того, с древнейших времен при императорах, которые считали богиню Солнца своей прародительницей, состояли специальные придворные для исполнения ритуалов почитания ками (эти должности передавались по наследству). Некоторые из этих обрядов имели отношение исключительно к предкам императорской семьи, другие носили политический оттенок. Однако различие между ними не всегда прослеживается достаточно четко. Одни, как, например, великое очищение, касаются всей страны, другие, как свадьба наследного принца, имеют отношение в первую очередь к императорской семье.

В древнем обществе император и высокопоставленные придворные являлись прежде всего исполнителями ритуалов, которые тщательно следили за соблюдением определенных обрядов, чтобы обеспечить счастье людей и мир в стране. Основной задачей власти было руководство обществом в согласованном исполнении обрядов почитания ками. Богослужение, то есть отправление обрядов поклонения им, было основным элементом самого правления. Слово *мацуригото* – буквально «дела богослужения» – включало то, что сегодня можно определить как, с одной стороны, религиозные обряды, с другой – государственное управление. Одна-

ко раньше это рассматривалось как единая, неразрывная функция на национальном и местном уровнях. Праздники и обряды, посвященные ками-охранителям, управление кланами и местными общинами были единым делом. Эта тождественность обрядов, посвященных ками, и государственного управления передается понятием *сайсэй итти*, что означает единство (*итти*) богослужения (*сай*) и правления (*сэй*), то есть «вера и государство едины». На протяжении всей истории дворцовые ритуалы регламентировались законом. В законодательном кодексе, принятом в эпоху Тайхо¹³ (620–720), было 20 статей, касающихся синто, которые главным образом относились к дворцовым ритуалам.

В «Уложениях годов Энги»¹⁴ предписаны церемонии моления (*норито*), которые проводились в святилищах, связанных с императорской семьей, дается список ками (3132), почитаемых государством. После установления сёгуната¹⁵ власть перестала уделять внимание соблюдению канонов синто, однако в эпоху Мэйдзи большинство из них были возрождены.

«Кодзики», «Нихон сёки» и другие вышеупомянутые священные книги синто были источником передачи династических прав императорской семьи и кланов. Ту же функцию выполняли и святилища, служившие основой для сохранения единства местной общины, опиравшейся на двойной фундамент родовых связей и общей территории проживания. Они стали национальными институтами, которые должны были проводить богослу-

---

¹³ Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. I–XV законы. М., 1985; Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. XVI–XXX законы. М., 1985; Японский кодекс «тайхоо ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. М., 1990. – *Ред.*

¹⁴ Engi-Shiki. Procedures of the Engi era. Books I–V. Tokyo, 1970. Engi-Shiki. Books VI–X. Tokyo, 1972. – *Ред.*

¹⁵ Система военного правления. – *Ред.*

жения во имя государства. В то же время все люди благодарили kami и молились не только за мир в стране, ее благосостояние и процветание, но и за то, чтобы власти предрержащие с искренней верой исполняли свои обязанности в духе справедливости и служения общим интересам. Этот перенос акцента с конкретной местности на всю нацию отражал политические изменения – верность главе клана отошла на второй план перед преданностью национальному правителю. Святилища поддерживали эти перемены как полностью согласующиеся с сутью их вероучения. Расширение сферы их влияния повлекло за собой расширение кругозора верующих, и с этой точки зрения национализация была полезна как для *дзиндзя*, так и для людей. Таким образом, государственный синто идеально подходил для того, чтобы стать политическим культом для страны.

Однако после того как синто утратил в 1945 году государственный статус, придворные синтоистские ритуалы, включая отправку императорских посланников в некоторые святилища, стали исключительно делом императорской семьи и составили то, что сегодня называется синто императорского двора, а святилища превратились в общественные религиозные учреждения, которыми руководят священники и представители прихожан. Многие *дзиндзя* процветают. Причина этого довольно проста. Последствия ликвидации государственного синто и отделения религии от государства оказались не такими серьезными, как многие думали. Хотя святилища с древнейших времен были тесно связаны с государственной властью, финансовая поддержка их деятельности всегда была делом прихожан.

Национализм. За пределами Японии существует широко распространенное представление о синто как синониме ультранационализма, милитаризма и культа императора. Это неудивительно, потому что синто действительно использовался милитаристами и властями предрержащими для укреп-

ления идеологического единomyслия и верности нации. Видимо, исторически такое развитие событий было неизбежным. Под угрозой подавления и даже поглощения со стороны буддизма и конфуцианства синто стал оплотом борьбы за сохранение и независимость национальной культуры.

С начала XVII века страх перед вторжением западных стран вылился в подавление христианства и неприятие иностранцев. В первой половине XIX века все шире распространяющаяся мощь империалистического Запада поставила под угрозу существовавшую с незапамятных времен независимость Японии. Перед опасностью вторжения извне и под гнетом серьезных внутренних проблем, порожденных феодализмом, многие государственные деятели стремились к восстановлению власти императора над всей страной. Вполне естественно, что в этой ситуации синто, тесно связанный с императорской династией и подвергавшийся давлению со стороны буддизма и конфуцианства, стал духовной основой борьбы за сохранение и независимость национальной культуры и за защиту страны от иноземного влияния.

В результате синто приобрел ультранационалистический характер, и, естественно, во время Второй мировой войны японцы черпали в нем духовную поддержку. Однако по сути своей синто – это религия, основанная на вере в то, что множество божеств могут сотрудничать, которая объединяет и гармонизирует различных kami. Дух терпимости и сотрудничества оставался долгое время незамеченным аспектом синто. Однако после окончания войны, в результате преодоления националистических тенденций прошлого, эта черта синто становится явной и приобретает все большее признание.

Почитание императора. Центральным направлением движения за построение современного государства в период Мэйдзи стало усиление культа императора как создателя государства. Святили-

ща сыграли в этом исключительно важную роль. Однако относительно немного святилищ посвящено прославлению конкретных императоров. Лишь 20 из 124 правителей Японии удостоились основания святилищ в свою честь. (Особо выделяется император Одзин, которого почитают как бога *Хатимана* в тысячах святилищ по всей стране.)

Из этих 20 императоров судьба семерых сложилась несчастливо, и поклонение им подразумевает утешение их духов за причиненные им обиды. Кроме того, почитания в отдельных святилищах удостоились 11 принцев, отдавших жизни в отважном и беззаветном служении трону. Существует несколько наиболее известных святилищ, посвященных отдельным императорам. Это *Касивара дзингу* в префектуре Нара и *Миядзаки дзингу* на о. Кюсю в честь императора Дзимму. *Хэйан дзингу* в Киото посвящен императору Камму, который основал столицу в Киото, и императору Комэй, последнему властителю, жившему в Киото до того, как столицу перенесли в Токио. В *Мэйдзи дзингу* почитают императора Мэйдзи и его супругу императрицу Сёкэн.

Несомненно, милитаристы и ультранационалисты сильно исказили суть синто. Однако нет никаких признаков того, что в результате особого акцента на почитание императора и соответствующего изменения богослужения простые верующие оказались под сильным влиянием конкретных святилищ, непосредственно связанных с императорской семьей. Сегодня многие известные святилища, занимающие особое положение в истории и мифологии страны, испытывают серьезные финансовые затруднения, в то время как другие процветают, несмотря на отсутствие поддержки со стороны государства. Если взять в качестве примера Великое святилище *Исэ*, которое имеет наиболее тесные связи с императорской династией, то следует отметить, что период его наибольшего процветания приходился на эпоху до реставрации

Мэйдзи, когда влияние императорского двора было незначительно. Таким образом очевидно, что влияние святилищ определяется не давлением правительства, а верой населения.

Хакко итиу. Тот, кто внимательно приглядится к жизни святилищ и поймет суть обрядов, которые исполняют верующие, молясь о мире и процветании в окружении прекрасной природы или радостной атмосферы праздника, несомненно поймет, насколько далек дух синтоистского богослужения от любых актов насилия. Среди выражений, которые нередко приводят как пример лозунга мировой экспансии, часто встречается «*хакко итиу*», что означает «восемь углов под одной крышей». Однако первоначально эти слова, приписываемые первому императору, означали установление мира и создание идеального государства. Понятия гармонии и примирения, которые являются сутью синто святилищ, точнее всего выражены в стихотворении императора Мэйдзи:

Если в этом веке, как я думаю,
Мир связан узами братства,
То почему свирепствуют ветра
И неистово бушуют волны?

Подлинные чувства верующих и истинная природа синто выражены в следующих трех основополагающих принципах, предложенных Ассоциацией синтоистских святилищ:

1) выражать благодарность за божественное благоволение и воздавать почести предкам, с чистой, искренней душой и светлым разумом участвовать в обрядах и праздниках;

2) служить обществу и людям, чтобы улучшить мир и добиться единства в нем;

3) объединить разум и душу с устремлениями императора и, любя своих ближних, молиться за процветание страны, за мирное сосуществование и совместное процветание народов всего мира.

Таким образом, сегодня, как и в прошлом, святилища стремятся исполнять свою миссию и быть политической совестью нации.

Искусство

В святилищах обычно нет изображений как объектов поклонения¹⁶. Как правило, для этих целей используются лишь символические предметы, которые хранятся во внутренней камере святилища. Никому и никогда не позволено видеть святыню¹⁷. Таким образом, по сравнению, например, с буддизмом и индуизмом в синто относительно мало произведений изобразительного искусства. Тем не менее он косвенным образом внес определенный вклад в развитие искусства, используя, в частности, фигуры животных как обереги, привлекая выдающихся художников и искусных ремесленников к строительству и украшению святилищ, разбивке садов, сохранению прекрасных природных ландшафтов. Более того, поощряя подношение искусно сделанных вещей в качестве даров ками, синто тем самым стимулировал совершенствование профессионального мастерства. Именно благодаря отдельным святилищам некоторые древнейшие присмы и навыки сохранились до наших дней.

Хотя не существует обширной литературы, которую можно определить как явно синтоистскую, тем не менее многие сюжеты и герои синтоистской мифологии часто встречаются в произведениях поэтов и писателей. То же можно сказать о

---

¹⁶ Это положение, вероятно, удивит многих, но в святилищах действительно, за редчайшим исключением, нет изображений. Наиболее древние два изображения (*дзиндзо*) можно увидеть в *Мацу дзиндзя* на окраине Киото. — *Ред.*

¹⁷ Этот запрет был нарушен в начале периода Мэйдзи, когда правительственные чиновники инспектировали святилища и храмы, чтобы классифицировать те или иные постройки. — *Ред.*

творчестве каллиграфов, художников и скульпторов. Кроме того, сохраняя представления *кагура*, покровительствуя *гагаку* и *бугаку*, театру *Ноо*, а также передавая из поколения в поколение образцы народного творчества, например деревенские *кагура*, святилища сыграли большую роль в развитии этих видов искусства.

Уникальный вклад синто внес в культовую архитектуру, которая нашла свое наивысшее воплощение в Великом святилище *Исэ*. Известный архитектор Бруно Таут в своей книге «Дома и люди Японии» пишет: «Комплекс *Исэ* является крупнейшим в Японии. Это уникальное сооружение, которому нет аналогов в мировой архитектуре. Здесь мы встречаем нечто совершенно отличное от большинства прекрасных соборов, мечетей, индийских и сиамских храмов или пагод и даже от храмов Китая. Парфенон на Акрополе до сегодняшнего дня является зримым воплощением прекрасного дара, который жители Афин преподнесли той, кого считали символом мудрости – богине Афине. Этот храм является величайшим и наиболее эстетически совершенным сооружением из камня, подобно тому как храмы *Исэ* – наиболее совершенные постройки из дерева».

Экономическая жизнь

Синто имеет отношение не только к религиозной стороне жизни, но и к мирской, повседневной. Торговля и промышленность, все, что необходимо для производства продуктов питания, одежды, жилья, для развития культуры, для того чтобы сделать жизнь более счастливой, непосредственно связано с ками. Коммерческая деятельность, угодная ками, оценивается положительно. Те, кто приносит благополучие себе, тем самым вносят вклад в процветание общества. Но этого недостаточно. Японцы наиболее счастливы тогда, когда делают счастливыми других. Если же коммерческая дея-

тельность не имеет отношения к ками, это плохо и может привести к неудачам.

Синто не свойственен поверхностный взгляд на материальную сторону жизни. Он не считает отсутствие материальных ценностей благом и не расценивает стремление иметь их как непереносимое зло. Напротив, синто считает такое желание естественным проявлением жизни, в которой присутствует поклонение ками. Соответственно, поскольку стремление обладать материальными ценностями имеет отношение к ками, оно полезно для общественного блага. Однако использование богатства в корыстных целях или же таким образом, что это причиняет вред другим, не согласуется с путем ками.

В эпоху, когда Япония была преимущественно аграрной страной, люди во время синтоистских праздников весной просили о хорошем урожае, а осенью благодарили за урожай. Они постоянно молили о защите от разрушительных сил природы — ураганов, ливней, засухи, вредителей, делали подношения ками первых плодов урожая и выражали благодарность за то, что оставлялось для личного пользования. Такой обычай и сегодня сохраняется в сельской местности. Этой традиции следуют и те, кто занимается охотой, рыболовным промыслом, ремеслами, ведет дела в торговле и промышленности. Все молятся, прося о помощи и выражая благодарность.

Обычай проводить ярмарки и устраивать рынки вблизи святилищ восходит к тем временам, когда люди, собираясь на праздники, приносили подношения ками, а потом обменивались товарами. Слово «рынок» (*итиба*) подразумевает «священное место». В средние века торговля и производство развивались под покровительством больших буддийских храмов и синтоистских святилищ, что не было напрямую связано с синто, но проистекало из правительственной политики защиты религии. Тем не менее это соответствовало духу взаимоотношений между святилищами и прихожанами — ремеслен-

никами, торговцами и покупателями. Сами праздники привлекали большое число людей и, соответственно, большие наличные деньги. Таким образом, рынки были и остаются обычным явлением для святилищ и приносят пользу местной общине. В то же время они иногда создают определенные неудобства, отвлекая людей от самого праздника.

История отношений с другими религиями

Когда в V–VI веках в Японию с материка пришли буддизм и конфуцианство, возник некоторый конфликт между синто и буддизмом. Позднее, в VIII веке, был достигнут компромисс, состоявший в учении о том, что Kami были рады получить буддийские сутры в качестве подношений и слушать их чтение во время богослужения. В результате буддийские храмы нередко строились рядом с синтоистскими святилищами под предлогом доставить удовольствие Kami, превратить их в приверженцев буддизма и, в конце концов, поднять до уровня Будды. (В начале XIX века было много таких храмов, примыкающих к святилищам.) Затем в IX веке некоторые Kami стали охранителями буддийских храмов. Например, Kami *Хиёси дзиндзя* в Сакамото, у подножия горы Хиэй, стало стражем монастыря *Тэндай* и *Энрякудзи*, и Kami *Нибуцу Химэ дзиндзя* в префектуре Вакаяма стало защитником монастыря *Сингон* в Конгобудзи, на горе Коя.

Возникла синкретическая вера, которую проповедовали буддисты. Согласно их концепции, Будды были главными божествами, а Kami – их японскими проявлениями. Например, согласно учению буддийского монастыря *Сингон*, богиня Солнца была воплощением космического Будды. Таким образом, в последующие века каждое крупное направление буддизма развивало свой вид синкретизма в соответствии с собственной доктриной. В XIII веке буддизм *Тэндай* развил *санно синто*, буддизм *Син-*

гон – *рёбу синто*¹⁸, а в XV веке буддизм *Нитирэн* выдвинул *хоккэ синто*.

Вот один пример того, как эта тенденция проявлялась в действительности. Речь идет о строительстве в XVII веке трех знаменитых святилищ: *Хатимана* (*Уса Хатимангу*, *Ивасимидзу Хатимангу* и *Цуругаока Хатимангу*) и *Тосёгу* в Никко, – которые основывались на *итидзицу синто*, ветви *санно синто*.

Однако синтоистское духовенство не могло спокойно смотреть на попытки иностранных религий поглотить исконную веру, поэтому в XIII–XIV веках им предпринимались ответные действия с целью вернуть синто лидирующее положение. Одна из таких попыток – *юицу*, или *Ёсида синто*, впервые проявилась в XIII веке, однако получила более полное развитие в XV веке, когда во главе этого движения стал Ёсида Канэтомо, провозгласивший лозунг: «Ками – первичны. Будда – вторичен».

Другой попыткой противостоять иностранному влиянию был *Исэ синто*, также известный как *Ватараи синто*. Вполне терпимый к буддизму *Исэ синто* подчеркивал чистоту и искренность как основные добродетели, сохраняя неизменными древние традиции, однако решительно отвергал идею о том, что буддийские божества первичны по отношению к ками. Эти два направления были предтечами «возрожденного синто», выдающимися проповедниками которого стали Мотоори Норинага (1730–1801) и Хирата Ацутанэ (1776–1843), выступавшие за «чистый» синто.

Именно «возрожденный синто» стал в итоге преобладающим и обеспечил духовную основу рес-

---

¹⁸ Термин «рёбу» используется в двух значениях. В первом он применялся в буддизме *Сингон* к двум сторонам вселенной, к названию и сущности. Позднее он был соединен со словом «синто» для обозначения концепции, согласно которой синтоистские ками были японскими воплощениями буддийских божеств (*хондзи судзяку*). – Ред.

таврации Мэйдзи в 1868 году. Однако попытка возродить «чистый» синто оказалась лишь частично успешной. В частности, большинство привнесённых буддийских элементов было исключено из синтоистских святилищ, однако оказалось невозможным устранить их все. За тысячу лет синкретизма отношения между двумя религиями переплелись слишком тесно. Воздействие буддизма на синтоистскую архитектуру было очень значительным. В некоторых случаях, как, например, в святилище *Тоёкава Инари*, попытки разделения религий провалились.

Современные отношения с другими религиями

Исторически на местном уровне всегда существовало сотрудничество между синтоистскими святилищами и другими религиозными учреждениями. Сотрудничество на национальном уровне появилось в послевоенный период. Сегодня Ассоциация синтоистских святилищ активно действует как одна из пяти организаций, входящих в Лигу религий Японии (*Нихон сюкё рэммэй*) наряду с Японской буддийской федерацией (*Дзэн ниппон буккёкай*), Федерацией синтоистских сект (*Нихон кёха синто рэммэй*), Комитетом по связям с христианскими церквями (*Кирусутокё рэнго кай*) и Союзом новых религиозных организаций Японии (*Син ниппон сюкё дантай рэнгокай*). Более того, Ассоциация синтоистских святилищ поощряет взаимодействие местных святилищ с Японским советом межконфессионального сотрудничества (*Нихон сюкё кёрёку кёгикай*).

Эта заинтересованность во взаимодействии с другими религиями может показаться странной. Однако поскольку одними из основных принципов синто являются гармония и сотрудничество, вполне естественно, что синто терпимо и дружелюбно относится к другим религиозным органи-

зациям и не препятствует контактам с ними своих прихожан. В условиях правительственного контроля межрелигиозное взаимодействие было затруднено. Сегодня эта тенденция синто четко проявляется в деятельности Ассоциации синтоистских святилищ, которая активно участвует в религиозной жизни на всех уровнях.

Двойное вероисповедание. С позиции синто так называемые двойные религиозные пристрастия прихожан воспринимаются как нечто вполне естественное. Нет никаких возражений со стороны святилищ против того, что их прихожане являются также приверженцами буддизма, христианства или иной религии. Более того, это считается нормальным. Синто рассматривает свои святилища как нечто совершенно отличное от учреждений других религий и не видит никаких оснований для конфликта с ними. Однако лидеры синто, несмотря на глубокую заинтересованность в межконфессиональном взаимодействии и сотрудничестве в достижении общих целей, озабочены неблагоприятными для них ограничениями, которые они вынуждены соблюдать наряду с другими религиями. Поэтому Ассоциация синтоистских святилищ ищет пути устранения этих препятствий.

Повседневная жизнь

Как и в большинстве стран, в Японии существует тесная взаимосвязь между многими распространенными обычаями и исконной верой. Служба в святилище во многом связана с празднованием событий повседневной жизни, больших и малых, личных и общественных. Поэтому совершенно естественно, что многие народные обычаи тесно связаны или проистекают из практики синто.

Во время Нового года люди украшают свои жилища традиционными синтоистскими символами, совершают богослужения в честь ками и посещают как крупные, общенациональные, так и местные святилища. Первоначально празднование

Нового года приходилось на конец зимы и начало весны. Затем отмечался праздник посадки риса, совершались молитвы о ниспослании хорошего урожая и благодарения за собранный урожай. Дважды в год, в середине и в конце, совершалось великое очищение. Некоторые из этих традиций позднее переняли буддисты, но первоначально они происходили из примитивных синтоистских обрядов.

Будучи, вероятно, скорее китайского, чем местного происхождения, праздники девочек (3 марта), мальчиков (5 мая) и звезд танабата (7 июля) в сознании японцев тесно связаны с синто.

После подготовки участка для строительства перед началом работ проводится церемония очищения площадки и умиротворения ками. Раньше это осуществлялось теми, кто непосредственно участвовал в строительстве, без посторонней помощи. Однако сейчас обычно приглашают синтоистского священника для совершения богослужения. Возведение каркаса нового здания отмечается установкой *гохэй* на центральной балке крыши, что означает присутствие ками. Рабочим и соседям раздают рисовые лепешки, сладости и *сакэ*. Эта «церемония установки шеста» проводится обычно без священника.

Обычай расплачиваться по счетам в июне и декабре ведет свое происхождение от обряда великого очищения. Более того, в деловом мире среди коммерсантов существует обычай хлопать в ладоши после заключения успешной сделки или после благополучного разрешения разногласий. Таким образом ками призываются в свидетели, что вопрос решен.

Из приведенных выше нескольких примеров видно, что существует тесная взаимосвязь между обычаями синто и повседневной жизнью людей.

V. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Передача веры

Синто всегда был настолько тесно связан с повседневной жизнью людей, что не существовало никакой необходимости формулировать его в виде определенной систематизированной доктрины. Сама вера в ками, участие в обрядах и соблюдение связанных с ним обычаев как отдельными людьми, так и обществом в целом считалось само собой разумеющимся. При передаче синтоистской веры из поколения в поколение не уделялось особого внимания философским и доктринальным аспектам этой религии. Заботились о сохранении истории отдельного святилища и обычаев, в том числе в письменном виде. Однако практически не было создано литературы, которая помогла бы верующим понять сущность ками и смысл обрядов и ритуалов.

Каким же образом вера передавалась из поколения в поколение, через века, на протяжении более двух тысячелетий? Синто не преподавали, его воспринимали. Упор делался на чувственное восприятие во время участия в обрядах и праздниках при регулярном посещении *дзиндзя*. Вера в ками передавалась от сердца к сердцу в повседневной жизни.

Непросто выразить смысл этой веры в виде какой-то стройной религиозной системы, доктрины или философии. Однако, несмотря на недостаточно разработанную систему вероучения, очевиден тот факт, что многие люди после духовных шатаний или безразличия, свойственных молодости, под влиянием атмосферы таинственности и экзотики синтоистских обрядов, а также ощущая свою неразрывную связь с прошлым, в конце концов при-

ходят в святилища, которые посещали многие поколения их предков, и они становятся для них духовным приютом. Сила синто заключается не в теологических доктринах, а в естественном влиянии на человека мистических обрядов и ритуалов, в его связи с историей и природой. Таким образом, вера в ками поддерживается в большей степени соблюдением исконных традиций, а не открытой пропагандой.

За исключением предвоенного и военного периодов, когда в школах преподавали синто в рамках изучения истории страны и воспитания нравственных принципов, этой религии никогда специально не обучали. В течение тех 70 лет, когда синто находился под контролем правительства, любая подобная деятельность со стороны самих святилищ была запрещена. Поэтому неудивительно, что многие люди, даже те, кто связан с ними в силу своих профессиональных обязанностей, не могут ясно и четко изложить сущность синто. Это, однако, не означает, что мирянин, который говорит, что ничего не знает о синто, утратил связь со святилищем и с синтоистской традицией. Многие прихожане даже сами не подозревают, насколько глубоко они вовлечены в деятельность святилищ. Когда человек входит в рощу, окружающую *дзиндзя*, или стоит перед *тории*, или присутствует при исполнении ритуала, он испытывает радостное, просветленное чувство. Так, например, в Великом святилище *Исэ* величественные криптомерии и кипарисы способствуют формированию в душе верующего невыразимого чувства благоговения и трепета. Когда молодые люди в куртках *ханпи*, с повязками на голове, движутся по улице с криками «*Вассёй, Вассёй*», неся на плечах *микоси*, они испытывают радостное возбуждение, которое трудно представить тому, кто не проникся духом этого обряда. Вера в ками не учат. Опыт приобщения к синто начинается с младенчества, когда мать впервые приносит ребенка в *дзиндзя*.

Такой способ передачи веры в повседневной жизни, от сердца к сердцу, через века, мог бы оказаться недостаточно надежным, если бы суть синто заключалась в индивидуальной вере каждого человека, в принятии или неприятии определенной доктрины или догматов. Однако исторически одной из главных задач синто всегда было соблюдение общинных ритуалов, в которых участвовали все местные жители во главе с местными или национальными лидерами. Поэтому вполне естественно, что чужаку трудно понять синто, несмотря на все попытки объяснить суть этой веры. В некоторых случаях, как, например, с Лафкадио Херном, можно понять синтоистский образ мышления, не проникнув при этом в сущность синто.

Священнослужители. Наиболее активную роль в религиозной пропаганде святилищ играли в средние века священнослужители. Они не были постоянными служителями, жили поблизости от крупных святилищ, находившихся иногда далеко от густонаселенной местности. Священники предоставляли приют паломникам, распространяли амулеты, читали молитвы, сопровождали верующих в святилища для поклонения ками. Таким образом, они были очень полезны в деле распространения веры. Однако когда правительство Мэйдзи насильственно отделило синто от буддизма и приказало «отделить» священников в *дзиндзя* от проповедников сектантского синто, эта система была официально упразднена.

Ассоциации. Ассоциации верующих представляют собой организации, занимающиеся распространением веры. Они создавались повсеместно в более позднее время. Их целью было распространение веры в тех или иных ками, а в некоторых случаях соблюдение определенных, порой уникальных, религиозных ритуалов. Кроме того, они собирали средства для организации паломничеств. Одни ассоциации создавались священнослужителями, другие были неформальными организациями верую-

щих и не имели непосредственной связи с определенным святилищем. После национализации правительством Мэйдзи святилищ некоторые из этих ассоциаций, в частности те, что почитали *Идзумо тайся*, гору Фудзи, гору Онтакэ, превратились в секты. Те, кто поклонялся святилищам *Исэ* и *Фусими Инари*, продолжали существовать самостоятельно. Впоследствии, когда путешествовать стало гораздо легче, а автобусные экскурсии получили широкое распространение, значение ассоциаций уменьшилось, однако в период своего расцвета они были эффективными инструментами пропаганды синто.

Первоначально святилища стремились к установлению максимально тесных связей с прихожанами для распространения веры в ками. Наиболее эффективным способом было привлечение их к проведению праздников. Однако после окончания Второй мировой войны, когда был ликвидирован правительственный контроль над деятельностью святилищ, связь *дзиндзя* с верующими ослабла, и пришлось изобретать новые способы их привлечения в святилища. Таким образом, какой бы ни была ситуация в прошлом, на первый план вышла необходимость проведения каких-то пропагандистских мероприятий. С этой целью начался выпуск литературы как для священников, так и для мирян. На местном и национальном уровнях проводилось чтение лекций, использовались возможности аудио- и видеотехники.

Более того, хотя святилища всегда были центрами общественной жизни на местах, что помогало привлекать в них прихожан, в последнее время эта сторона их жизни еще больше активизировалась. Например, помимо непосредственной организации мероприятий в святилищах для детей, молодежи и взрослых, собраний местных общественных организаций, некоторые *дзиндзя* построили новые помещения или используют уже имеющиеся для детских садов, яслей и детских площадок.

Это может показаться не слишком важным, однако если учесть, что подобная деятельность не допускалась, когда святилища были государственными учреждениями, то такие шаги впечатляют. Сегодня в дополнение к своей традиционной деятельности, связанной с исполнением обрядов и проведением праздников, *дзиндзя* участвуют в решении социальных проблем и таким образом укрепляют веру в ками, обходясь без непосредственной пропаганды религиозной доктрины. Речь идет, конечно, не о том, что не следует предпринимать дальнейших шагов по распространению учения синто, однако очевидно, что синто не зависит от проповедей и обучения в той степени, в какой это представляется необходимым для других религиозных конфессий.

Святилища и природа

Независимо от того, какому конкретному ками посвящено святилище, *дзиндзя* нельзя рассматривать в отрыве от окружающего ландшафта. Богослужение порождает глубокое чувство восприятия всего прекрасного, мистическое понимание природы. Такие ощущения играют важную роль в обращении разума и души человека к высшему, таинственному, божественному миру и приводят его жизнь в гармонию с ками. В любом районе страны святилища расположены в самых живописных местах.

Конечно, жизнь городов пагубно сказывается на красоте природы, всегда считавшейся одним из важнейших компонентов святилищ. Предотвратить это невозможно, и в центрах городов им приходится приспосабливаться к неизбежной скудости окружающей природы. Однако это не отменяет важнейшего принципа, согласно которому святилище в идеале должно располагаться там, где человек наиболее приближен к природе. Поэтому, чтобы правильно понимать смысл синтоистского богослужения, необходимо обратить особое внимание на

дзиндзя, расположенные в лесах и рощах, не затронутых урбанизацией.

Наиболее примечательными из таких святилищ являются *Тосёгу* в Никко и святилища в *Исэ*. В Никко строения имеют сложную конструкцию и изысканно украшены. Они находятся на склоне горы. В *Исэ* здания простые и без украшений, расположены на относительно ровной местности. Однако в обоих случаях красота зданий находится в полной гармонии с окружающим миром природы, особенно на фоне возвышающихся вокруг величественных криптомерий. На всех посетителей, как верующих, так и непосвященных, это производит глубокое впечатление.

Почитание деревьев очень широко распространено в синто. Стоит ли святилище в тихом месте посреди рощи в стороне от дороги или же в пределах шумного мегаполиса, в небольшом городке или в деревне, растущие рядом с ним деревья помогают ощутить присутствие ками. Значительное число *дзиндзя*, возможно большинство, по-прежнему расположены в небольших рощах, а некоторые – в лесу. В сельской местности верующие вспоминают о близости ками каждый раз, когда бросают взгляд на рощу, в которой приютился храм. Эта тесная связь между деревьями и святилищами прослеживается в старинном употреблении слова «лес» (*мори*) для обозначения святилища, и слова, переводимого как «жилище ками» (*каннаби*), – для окружающего леса.

На территории *дзиндзя* обычно растет, по крайней мере, одно дерево, которое считается особо почитаемым. Оно может быть огорожено или вокруг его ствола обвита *симэнава* с прикрепленными к ней короткими бумажными полосками. Считается, что эти деревья – жилища ками. В первобытные времена люди верили, что с их помощью можно постичь дух ками. Сегодня деревья рассматриваются лишь как проявление божественной сущности ками.

Другой тип священных деревьев – те, что имеют какую-то особую форму и, как считается, обладают уникальными свойствами, потому что kami выбрали их своим жилищем. Такие деревья могут находиться как на территории святилища, так и вне ее пределов. Часто можно встретить установленные перед ними небольшие *тории* или другие синтоистские символы. В некоторых редких случаях святилища состоят лишь из часовни, а объектом поклонения является отдельное дерево, роща или лес. Одно из таких святилищ – *Тёницу дзиндзя* в городе Сакураи (префектура Нара). Однако, пожалуй, наиболее важным проявлением этого всеобщего почитания деревьев можно назвать поклонение дереву *сакаки*, которое считается в синто священным и всегда используется в официальных ритуалах.

Священные горы. Величественные горы, подобно рощам и лесам, также играют важную роль в создании торжественной атмосферы вокруг святилищ. Нередко строения расположены на вершинах или склонах гор, далеко от населенной местности. Это свидетельствует о том, что *дзиндзя* не являются инструментами пропаганды и распространения веры, но в первую очередь – священными жилищами kami. Поклонение горам – одна из старейших традиций синто. В древние времена многие знаменитые горы Японии считались священными, однако сегодня большинство из них не являются особыми объектами поклонения.

Гора, которая считается обиталищем kami, называется «гора духов» (*рэйдзан*) или «гора тела бога» (*синтай-дзан*). В глубокой древности, разумеется, для поклонения горам не строили специальных святилищ. Однако со временем начали сооружаться молитвенные залы. В результате были построены многие *дзиндзя*, в которых «тело бога» хранится во внутренней камере.

В немногих случаях, когда гора находится в пределах хорошей видимости, строится лишь часов-

ня, необходимая для богослужения, пример – храм *Омива* в префектуре Нара, в котором нет основного святилища, но имеются другие постройки. Напротив входа в часовню, перед священной горой, на открытом месте висит бамбуковый занавес, перед которым помещены обычные атрибуты богослужения, включая стол для пожертвований. Поскольку сама гора считается священной, никто, за исключением служителей *дзиндзя*, не имеет права подниматься на нее. Сегодня горы уже не почитаются как воплощение ками, но считаются сакральными местами, где подобает поклоняться ками гор или предаваться благочестивым размышлениям.

Наиболее известная священная гора в Японии – это, разумеется, Фудзи, ее почитают во имя *Конохана-сакуяхимэ-но-микото*. На краю кратера расположено небольшое святилище, а в нескольких местах у подножия горы – большие, посвященные тому же ками. Главное *дзиндзя* находится в г. Фудзиномия, в префектуре Сидзуока.

Еще одна священная гора Нантай находится около Никко. Главное святилище – *Футарасан* – расположено в Никко, около *Тосёгу*, внутреннее святилище – на вершине горы, а дополнительное на берегу озера Тюдзэндзи. Во время ежегодного праздника в августе совершается восхождение на гору, в котором участвуют десятки тысяч верующих, большинство из них начинают путь от дополнительного святилища на берегу озера.

Феномен поклонения горам в Японии не ограничивается синто. Священные горы есть и в буддизме. Существует также особый вид синто-буддийской веры – *сюэндо*, где важна роль горных отшельников (*ямабуси*), однако рассмотрение этой темы выходит за рамки данной книги.

Другие природные объекты поклонения. Такие природные объекты, как, например, скалы и пещеры, также почитаются как обиталища ками. Так, пещера на острове Эносима около Камакуры является объектом поклонения в *Эносима дзиндзя*, в

котором почитают *Бэнтэн*. Самая большая и известная пещера в Японии находится в префектуре Миядзаки. Там святилище *Удо* расположено в самой пещере. Объектом поклонения является дух отца императора Дзимму, который, по преданию, родился в этой пещере.

В *Сува дзиндзя* (префектура Нагано) объектом поклонения является скала; в *Ицукусима дзиндзя* (префектура Хиросима) почитают остров Миядзима, на котором расположено святилище; святилище *Кумано дзиндзя* в префектуре Вакаяма посвящено водопаду Нати.

Мир, человек

Мир. В древнем синто представления о другом мире отражены в концепциях Равнины Высокого Неба (*Такама-га-хара*) – места обитания большинства высших ками, Страны счастливой вечной жизни (*Токоё-но-куни*) и мира мертвых, злых духов (*магацухи*) и нечестивости, то есть мира тьмы (*Ёми-но-куни*). Сегодня синто не предлагает верующим такие традиционные объяснения. В них много неопределенности. Более того, подобные метафизические концепции не имеют непосредственного отношения к людям, и рассуждения о духах иного мира считаются табу. Вместо развития теории невидимого мира были созданы святилища как священные места, которые посещаются ками и где человек может ощутить их присутствие.

Мир, в котором мы живем, развивается от хаоса к порядку, от столкновений и противоречий к гармонии и единству. Подобно тому как эволюционирует органическая жизнь, в обществе возникает правильный порядок в результате взаимопомощи и сотрудничества. Согласно синто, этот мир имеет потенциал неограниченного развития. Мир синто не является изолированным. Он включает все органические и неорганические объекты. Все существующее в природе – человек, животные, горы, реки, деревья и травы – появилось благодаря ками, и их

безграничное благоволение должно способствовать всеобщему процветанию.

Мир не противопоставлен и не враждебен человеку. Напротив, он наполнен благостью ками и развивается силой гармонии и сотрудничества. Синтоистская вера ничуть не пессимистична, напротив, оптимистична. Мир хорош по своей сути. То, что мешает человеческому счастью, должно быть исключено.

Человек есть порождение ками, и он тоже по сути своей добр. Однако не существует четкого разграничения между человеком и ками, в определенном смысле он может стать ками. Своей жизнью, которая священна, человек обязан ками и своим предкам. Они любят и защищают его. Таким образом, человек получает жизнь как от ками, так и от родителей, от предков через многие поколения. Человек в своем существовании зависит как от природы, так и от общества. Он – существо общественное и не может жить изолированно от других людей.

Человек обязан быть благодарным ками и своим предкам за жизнь, за их всеобъемлющую любовь к нему. Он также многим обязан своей семье, всем, кто его окружает, всей нации. Его жизнь наполнена благодеяниями, и он в свою очередь должен выполнять свои обязательства перед обществом и вносить вклад в его развитие. Каждый человек уникален, и эта уникальность дарована ему ками. Кроме того, существуют семейные традиции, а также определенные устои общества, в котором он живет. Все это вместе определяет сущность человека.

В синто нет места эгоизму. Это свойство противоречит духу синтоистской веры. Первостепенными являются интересы общества. Это, однако, не означает, что должны игнорироваться права личности и семьи. Напротив, опираясь на религиозные ритуалы, общество полностью поддерживает как отдельную личность, так и авторитет семьи.

Человек рождается с определенной целью. В своей жизни он должен выполнить некую миссию.

С одной стороны, он обязан воплотить надежды и идеалы своих предков, с другой – его святой долг – воспитывать своих детей с еще большей любовью и заботой, чтобы они тоже смогли осуществить надежды и идеалы духов предков. Предки и потомки связаны неразрывной нитью. Почтение к предкам является неременной обязанностью. Только таким образом человек сможет прожить жизнь, которая оправдывает его появление на свет.

Этика: добро и зло. Правила поведения отдельной личности и общества в целом первоначально передавались устно из поколения в поколение. Позднее они были зафиксированы в качестве норм.

В древности стабильность общества поддерживалась требованиями традиций и обычаев, которые были достаточно гибкими и могли отвечать потребностям каждой новой эпохи. Таким образом, нравственные оценки того, что является добром и злом, не были жестко закрепленной системой норм и заметно менялись в зависимости от каждой конкретной ситуации. Подход синто к пониманию истины учитывает тот факт, что представления о жизненных ценностях постоянно меняются. Например, ничто в синтоистской этике – будь то секс, богатство, убийство и т.д. – не рассматривается как безусловное зло.

При клановой системе организации общества, когда все члены общины были связаны кровным родством, в целом достигалось взаимопонимание, а общественный порядок поддерживался на основе относительно простых норм, которые соответствовали достаточно простой социальной структуре, существовавшей в то время. В рамках социальных ячеек, основанных на кровном родстве или единой территории, было относительно мало антиобщественных элементов. Духовное единство общества формировалось вокруг обрядов поклонения ками. Поведение людей в значительной степени определялось отношениями, установившимися в ходе исполнения религиозных ритуалов (*мацури*).

Однако с приходом в Японию континентальной культуры, в частности буддизма и конфуцианства, общественная жизнь стала более сложной и возникла необходимость в развитии правовой системы и выработке нравственных норм для создания государства. Более того, синто довольно тесно переплелся с конфуцианством, так что четкие различия между ними были утрачены. Таким образом, чисто синтоистские нормы поведения исчезли, однако нравственный подход, базирующийся на обрядах, связанных с ками, сохранился и остался практически неизменным до сегодняшнего дня.

В древнем синто понятия добра и зла, счастливой или несчастной судьбы, удачи или неудачи в жизни выражались в терминах, означающих наличие или отсутствие земных благ: *ёси* (хорошо) и *аси* (плохо). Душа человека добра. В синто нет понятия первородного греха. Человек по натуре своей хороший, как и мир, в котором он живет. Это – мир ками. Следовательно, зло не может происходить от человека или от этого мира. Оно приходит извне. Источником искушений и зла является мир тьмы. Причина зла – злые духи, *магацу-хи*. Зло, порождаемое ими, называется *мага*. Таким образом, моральное зло – это как бы временный недуг. Хотя душа человека добра, его плоть и чувства готовы поддаться искушению. Человек совершает зло, потому что он неспособен поступать так, как подобает.

В современном синто не существует четкого и неизменного морального кодекса. Добро и зло – понятия относительные. Оценка любого поступка с точки зрения нравственности зависит от обстоятельств, мотивов, целей, времени, места и т.д. В целом, однако, человек должен быть искренен в своем сердце, вести себя вежливо и достойно. Следует избавляться от злых намерений и эгоистичных желаний, агрессивности и ненависти, необходимо всегда стремиться к примирению, вырабатывать в себе чувства любви, сотрудничества и доброй воли.

Все, что мешает поддержанию порядка в жизни общества, приносит неприятности и мешает почитанию ками и их мирному существованию, является злом. Грех и зло, включая несчастья, осквернение и даже сумасшествие, – все вызвано злыми духами, которых следует изгнать. Следовательно, необходимо разграничить добро и зло. Это можно сделать в душе человека с помощью ками. Правильное суждение, которое соответствует духу ками, возможно, когда человек достигает состояния единства божественного и человеческого, когда он может обратиться к ками с просветленным разумом и чистой душой.

Спасение, смерть

Спасение. Мир ками не отделен от мира людей, и человеку незачем стремиться в какой-то божественный, потусторонний мир, чтобы обрести спасение. Его можно достичь, привнеся ками в мир людей, в повседневную жизнь, в дом, на работу, в сотрудничество с другими людьми. Человек ощущает присутствие ками в этом мире, и спасение достигается его гармоничным развитием. Эта концепция раскрывается в мифах о том, что ками спустились из священной небесной страны (*Такамага-хара*) в мир людей, который также является и прибежищем ками. Во время религиозных ритуалов ками и духи предков приглашаются в святилище с Равнины Высокого Неба, а злые духи (*магацухи*) изгоняются, поскольку они мешают сближению и общению человека с ними. Поэтому перед богослужением необходимо провести обряд очищения, который должен отогнать зло, проникшее в этот мир. Однако очищение не освобождает человека от ответственности за его прошлые поступки. Напротив, оно вновь напоминает ему о них. Возвращаясь к своей первоначальной природе, человек восстанавливает и свою способность творить добро. В то же время он ощущает свою обязан-

ность искупить свои прошлые дурные поступки и обретает способность сделать это.

Смерть. В синто жизнь – это благо, смерть – зло. Однако поскольку в течение многих веков похоронные обряды проводились почти исключительно буддийскими священниками, сегодня многие японцы не имеют представления о том, как синто относится к смерти, а также о том, что похороны могут проводиться в соответствии с синтоистскими обрядами. Синто рассматривает смерть как зло или проклятие. Однако неправильно было бы сказать, что причина, по которой святилища не совершают похоронные и поминальные обряды, состоит в том, что они хотят избежать осквернения. На самом деле, хотя синто рассматривает смерть как зло, оно не обязательно считает ее скверной. Например, слово *кэгарэ*, которое используется для обозначения смерти, также употребляется в смысле «загрязнение» или «несчастье».

Синтоистские священники не участвовали в похоронных службах. В древние времена похороны люди проводили сами по синтоистским канонам. В некоторых случаях либо на территории святилищ, либо рядом с ними имеются могилы. Это дает возможность предположить, что некоторые святилища первоначально строились у мест захоронений. Кроме того, во многих *дзиндзя* почитаются духи исторических личностей. Святилище *Тэммангу* посвящено духу великого ученого Сугавара Митидзанэ, *Тосёгу* – Токугава Иэясу, *Ноги дзиндзя* – генералу Ноги Марэсукэ, герою русско-японской войны, *Ниномия дзиндзя* – Ниномия Сонтоку, экономисту и мыслителю, *Ясукуни дзиндзя* и часть местных святилищ – тем, кто отдал жизнь за свою страну. Таким образом, синто, который должен одинаково относиться ко всем духам предков и почитать их как ками, под влиянием буддизма, занявшего ведущее место в обрядовой сфере похорон, почитает сегодня в основном лишь ограниченное число тех, кто служил государству и обществу.

В древние времена японцы верили, что мертвые продолжают жить как духи (*рэйкон*) и время от времени посещают этот мир, где получают знаки внимания (обряды) от своих потомков и в свою очередь благословляют их. В знак благодарности духам предков для мертвых сооружались великолепные гробницы, а после сбора урожая проводились праздники, и первые плоды преподносились духам в качестве даров. Это было неотъемлемой частью синтоистской веры и обязанностью всех людей. С проникновением китайской культуры и последующим распространением буддизма строительство больших гробниц и проведение пышных похорон были ограничены. Однако древние обычаи и верования не исчезли, поэтому буддизм приспособился к японским традициям и включил их в свои ритуалы. В силу этого забота о могилах, чтение сутр как магических заклинаний и подношение даров, как и вера в возрождение в Чистой Земле, стали составной частью японского буддизма.

Первоначально похоронный ритуал был относительно прост, поскольку тела мертвых не разрешалось помещать на территории святилищ и священники, как уже говорилось, не проводили похоронных обрядов. В последующие века буддизм еще больше утвердился в этой сфере, потому что в период сёгуната Токугава (1703–1868) в связи с запретом христианства всех людей были обязаны хоронить исключительно буддийские священники. И буддизм, который, в принципе, не имел к этому отношения, охватил сферу деятельности, связанную с похоронами и поминальными службами, а то, что изначально существовали и синтоистские обычаи, было предано забвению.

Есть две причины, по которым синтоистские священники не занимались похоронными и поминальными обрядами. Во-первых, святилища создавались для служения ками и не предназначались для других функций и обрядов. Во-вторых, сами священники посвящали себя исключительно служению

ками своего *дзиндзя*. Поэтому исполнение других религиозных обрядов, помимо почитания соответствующего ками, в принципе выходило за пределы полномочий священников. В эпоху Мэйдзи и позднее правительство запрещало священникам высших рангов совершать похоронные обряды, однако сегодня этого ограничения больше не существует, и службы часто проводятся священниками вне зависимости от их принадлежности к тому или иному *дзиндзя*. Однако похоронные службы совершаются в домах или в специальных похоронных залах. Они никогда не проводятся в храмах или на прилегающей к ним территории.

Универсальный характер синто

Синто – национальная религия. Она неразрывно вплетена в ткань японских традиций и обычаев и в национальное сознание. Синто невозможно отделить от жизни общества и страны. Ками могут почитаться только японцами и не имеют никакого отношения к каким-либо другим народам. Например, хотя иностранцы могут испытывать глубокое уважение к императору Мэйдзи, невозможно представить, чтобы они почитали его как ками в том смысле, в каком это делают японцы. Так что этот аспект веры в ками непригоден для распространения за пределами Японии.

Однако это не означает, что синто нет дела до благоденствия людей во всем мире или что не заслуживает уважения приверженцев других религий. Люди разных стран и национальностей обычно испытывают благодарность к духам земли и природы, к своим предкам, к обществу и государству, которые оказывают им помощь. Те, кто разделяет подобные чувства, не могут не понять дух синто и его истинный смысл, заключающийся в развитии лучших свойств человеческой личности. Таким образом, хотя синто и является национальной религией японцев, он имеет универсальный характер и может обогатить жизнь людей во всем мире.

Глоссарий

бугаку – древние танцы

гагаку – древняя придворная музыка

гохэй – ритуальный предмет, состоящий из бамбукового или деревянного шеста с прикрепленными особым образом сложенными полосками белой бумаги

гудзи – настоятель святилища

дзингу – святилище, имеющее отношение к императорскому культу

кагура – священные представления, мистерии

камидана – домашний синтоистский алтарь

котодама – душа слова или души, обитающие в словах; считалось, что в правильно произнесенных словах заключена духовная сила

кэгарэ – скверна, загрязнение

мацури – празднество

мико – девушки-служительницы в святилищах

микоси – священный паланкин, куда на время празднества поселяется божество

микудзи – полоска бумаги, на которой написано предсказание судьбы

мисоги – ритуальное омовение

моти – рисовые лепешки

наорай – трапеза с божествами

отабисё – специальное место, куда приносят во время празднества микоси

охарай – великое очищение

норито – синтоистское молитвословие

рэйсай – ежегодное специальное празднество в святилище

сайкай – очищение участвующих в синтоистских ритуалах

сакаки – клейсра японская, почитается в синто как священное дерево

симэнава – веревка из рисовой соломы

синсэн – подношение священной пищи

синтай – священный объект поклонения в святилище

тайма – амулет из *Исэ дзингу*, полоска бумаги с начертанным на ней названием святилища

тамагуси – вид подношения божествам, обычно ветка сакаки

тори – ворота перед святилищем

тэмидзуя – павильон для омовения рук и рта перед входом в святилище

фуда – амулет, обычно деревянные дощечки, полоски бумаги с определенной надписью

ябусамэ – всадники – стрелки из лука

Э.В. Молодякова

***Синто в современной
Японии***

Проблемы синто в первые послевоенные годы

Религиозная жизнь в послевоенной Японии обусловлена изменениями, произошедшими в социально-экономической и политической структуре общества. Первым и главным было отделение религии от государства, юридическое закрепление принципа свободы вероисповедания в Конституции 1947 года. Огромную роль сыграл процесс урбанизации, вызвавший к жизни иммиграционные потоки, которые рвали прежние социальные связи, нарушая при этом и сложившиеся конфессиональные общины.

Безусловно, на то, какое место и роль синто занял в послевоенном японском обществе, оказал большое влияние период после реставрации Мэйдзи (1868), создавшей условия для ускоренной модернизации страны вплоть до окончания Второй мировой войны, когда эта религия использовалась государством. Речь идет прежде всего о так называемом «государственном синто» (*кокка синто*), ставшем официальной идеологией Японии, духовным орудием возрождения власти императора, а затем – источником милитаристской и агрессивной политики. Новая идеология опиралась на древний принцип единства религиозного ритуала и управления государством (*сайсэй итти*), который был восстановлен сразу после реставрации Мэйдзи. И это несмотря на то, что Конституция 1889 года гарантировала защиту религии от вмешательства государства. Идея государственного синто впервые была высказана в документе, подготовленном в 1871 году Министерством религиозного образования, в котором выдвигался тезис –

«святилищам – государственное вероисповедание». «Соединение этого тезиса со структурой государства, – по мнению специалиста по синто К. Сакамото, – есть ядро процесса формирования государственного синто»¹.

В государственном синто главной была именно идеологическая сторона. Возрождение этой религии, долгие годы пребывавшей на «заднем плане» ввиду безраздельного господства буддизма, преследовало не только собственно религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания. Ритуалам синто был придан характер государственных актов, это привело к выхолащиванию религиозной составляющей. Государственный синто стал культом поклонения божественным предкам императора, что способствовало подъему национализма. Признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило синто над всеми религиями. Он получил эксклюзивные права на главную роль в национальных ритуалах. В правительственном аппарате появился Департамент по делам синтоистских святилищ, аналог которого существовал в древности. Была установлена их иерархия. Святилищам, принадлежащим к высшей категории, было даже запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Моральное воспитание в школах (государственный синто был обязательным предметом, предписанным императорским рескриптом о воспитании 1890 года) сводилось к усвоению религиозных догматов. Произошло полное подчинение религии государству.

Из синто взяли лишь необходимую в то время правящей элите составляющую – возвеличивание императорской династии. В Конституции 1889 года было записано: «Японской империей должна уп-

---

¹ Сакамото К. Кокка синто кэйсэй катэй-но кэнкю (Исследование процесса формирования государственного синто). Токио, 1994. С. 20.

равлять и над ней должна царствовать непрерывная во веки веков линия императоров... Император есть лицо священное и неприкосновенное»². Один из создателей новой Японии Х. Ито даже полагал, что и буддизм, и синто утратили свою власть как религии и не могут служить духовной опорой нации. Эта роль отводилась только императору. Он писал: «Император ведет свое происхождение от неба; его происхождение священо и божественно; он поставлен выше всех своих подданных. Он должен быть чтим и неприкосновенен»³.

Подобные взгляды разделяло подавляющее большинство политиков того времени. В духовной жизни общества значимость культа императора, который по-прежнему оставался первосвященником синто, можно сравнить с ролью христианства в странах Запада. Некоторые специалисты не без основания расценивали культ богини Солнца *Аматэрасу*, «прародительницы императорской династии», как своего рода христианизацию синто, то есть превращение его в монотеистическую религию⁴. Однако усвоение западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, шло без принятия самого христианства. Оно не нужно было модернизовавшемуся японскому обществу, которое имело свою духовную основу – государственный синто.

Превращение синто в инструмент государственной политики шло вразрез с адаптивным религиозным сознанием японцев. Выделение одной религии нарушало баланс между синто и буддизмом, поскольку японцы воспринимали обе религии, так сказать, на паритетной основе. Впрочем, разрушить древнюю традицию сосуществования религий так и не удалось. С помощью государственного синто

---

² Японцы о Японии. СПб., 1904. С. 530.

³ Там же. С. 34.

⁴ Бунгэй синдзю. 1995. № 6. С. 38.

новая элита страны утверждала свою власть, восстанавливала императорское правление и добивалась национальной стабильности.

Отношения между религией и государством кардинальным образом изменились сразу же после подписания 2 сентября 1945 года акта о безоговорочной капитуляции Японии. В силу того, что государственный синто, который, как уже говорилось, был теснейшим образом связан с милитаристской идеологией, национальная религия напрямую ассоциировалась с существовавшим в предвоенные и военные годы тоталитарным режимом и проводимой им политикой. Именно эта причина вкупе с другими факторами весьма негативно повлияла на положение синто в контексте религиозной жизни в послевоенной Японии. Проблемы синто были обусловлены гораздо более тесной, если не сказать теснейшей, по сравнению с другими религиями связью с жизнью народа, его менталитетом, культурой, политикой.

Штаб оккупационных войск (ШОВ) срочно принял ряд документов, которые касались прежде всего синто. Они были направлены на то, чтобы раз и навсегда ликвидировать государственный синто. Уже 4 октября 1945 года была принята Директива ШОВ «Об отмене ограничений на политические, гражданские и религиозные свободы». В соответствии с ней терял силу Закон о религиозных организациях 1939 года, который давал возможность государству толковать принцип свободы вероисповедания по своему усмотрению и полностью подчинить ее своему контролю. Следующей Директивой «Об отмене государственного покровительства, увековечения, управления и распространения государственного синто» от 15 декабря 1945 года население полностью освобождалось от необходимости исповедовать поддерживаемую государством религию. Всем официальным лицам, находящимся при исполнении служебных обязанностей, запрещалось участие в проводимых в свя-

тилищах церемониях, оказание им любой финансовой поддержки из общественных фондов, но разрешалась частная финансовая помощь любым *дзиндзя*. Значительное число святилищ было расположено в исторических местах, парках, заповедных зонах, поэтому запрет на их финансовую поддержку не распространялся на помощь соответствующим территориям.

В учреждениях, школах, институтах и других общественных местах были убраны все синтоистские символы, в частности алтари (*камидана*). Министерство просвещения запретило посещение учащимися святилищ и храмов (в школах в программу обучения входят так называемые учебные путешествия – *кёйку рёко*) в таких исторических местах, как Исэ, Киото, Камакура, Никко. В результате подрастающее поколение утрачивало возможность познакомиться с величайшими образцами архитектуры, произведениями различных видов искусств – сокровищами национальной культуры, к которым государство относится с большой бережностью. В главе 1-й принятого уже в 1950 году Закона об охране культурных ценностей (*бункадзай хого хо*) записано: «Целью данного закона является сохранение и использование культурных ценностей таким образом, чтобы культура японского народа имела возможность развиваться дальше и ее вклад содействовал бы взаимопониманию культур мира»⁵. В большом списке всего того, что подпадает под определение «культурных ценностей», отдельно выделены религиозные верования и праздники. Многие памятники синтоистского культа не только признаны важной культурной ценностью, но и получили ранг «национальных сокровищ». Очевидно, в этой связи правительство в 1951 году сняло вышеуказанный запрет и постановило: «В целях ознакомления с национальными

---

⁵ Роппо дзэнсё (Полный свод законов). Токио, 1998. С. 1996.

культурными сокровищами и ради удовлетворения других культурных потребностей общественным школам разрешается проводить посездки в синтоистские святилища и буддийские храмы, если они не принуждают и не требуют участия учащихся в церемониях»⁶.

Полностью было прекращено изучение синтоистских доктрин и мифологии, что составляло основное содержание предмета «моральное воспитание». Предписывалось переписывать учебники по истории страны, а мифы разрешалось изучать только как памятники литературы, без увязки с историей императорской династии. Таким образом, сфера образования была полностью очищена от упоминания или использования синтоистских доктрин в любой форме и любыми средствами. Были закрыты все государственные учебные заведения, в которых специально изучали синто и готовили священнослужителей. Так, был упразднен университет *Когаккан* в Исэ, но сохранен частный университет *Кокугакуин* в Токио.

Однако государство в целом рассматривало синто как традиционно присущую японцам религиозную практику, которая, возможно, поможет привить молодому поколению чувство патриотизма и содействовать осознанию своего места в современном мире. Очевидно неслучайно бывшие премьер-министры С. Есида и Х. Икэда в конце 50-х годов возглавили Комитет за восстановление университета *Когаккан*. С. Есида в частности говорил: «Я полагаю, что в нашей стране, где так мало знают о демократии, необходимо воскресить синто и превратить его в духовную опору людей... Необходимо восстановить университет, где изучался бы синто, который воспитывает любовь к своей родной стране и помогает демократии и укреплению морали»⁷.

---

⁶ Creemers Wilhelmus H.M. Shrine Shinto after World War II. Leiden, 1968. P. 82.

⁷ Ibidem. P. 189.

Правительство, несмотря на серьезнейшее противодействие в обществе, помогало синто занимать свою нишу не только как религиозной конфессии, но и как национальной духовной традиции.

Было проведено разграничение между государственным синто, который рассматривался как официальная политика правительства и определялся как «нерелигиозный национальный культ», и тринадцатью синтоистскими сектами (о них ниже). После отделения от государства и очищения от милитаристской и ультранационалистической риторики *дзиндзя синто*, то есть синто святилищ, получал такую же защиту, как и любая другая религия, а с октября 1945 года – статус религиозного юридического лица. *Дзиндзя синто* стал рассматриваться как традиционная религиозная практика, осуществлявшаяся на протяжении всей истории страны и имеющая непосредственное отношение к жизни людей. Но оставались проблемы собственности святилищ, определения положения главного святилища императорского культа *Исэ дзингу* и *Ясукуни дзиндзя*, в котором поминались павшие на войне. Важно было определить отношение к императору и проводимым при его непосредственном участии синтоистским ритуалам.

Потеря религиозными организациями материальной базы весьма чувствительно сказалась на их положении. Это касалось всех конфессий, но у синто были и свои специфические проблемы. После реставрации Мэйдзи многие святилища безвозмездно получили от государства значительные земельные пожалования в дополнение к тем обширным территориям, которыми они владели не одно столетие. В ходе послевоенной земельной реформы при решении вопроса о земельных владениях святилищ в первую очередь объектом купли-продажи становились старые земли, а затем уже полученные в мэйдзийский период. Земля продавалась всем желающим за половину стоимости по оценке послевоенного времени.

Святылища приобретали территории, занимаемые их зданиями и подсобными помещениями, необходимыми для проведения религиозных мероприятий, для устройства садов и парков, а также заповедные зоны, в которых они располагались (прежде всего леса, охрана которых была их заботой). Наиболее удачно проблему собственности на землю решили святылища, связанные с императорским культом, и ряд других известнейших и значимых в стране. А вот *Ясукуни дзиндзя* и его филиалы – *гококу дзиндзя* (святылища – защитники государства), признанные проповедниками милитаризма, первоначально были лишены этого права и получили в собственность участки, на которых находились их здания, только после заключения Сан-Францисского мирного договора в 1951 году.

Юридически отношения между религией и государством закрепила Конституция 1947 года. Ее основные положения в этой сфере в первую очередь напрямую относятся к синто. В статье 20 Конституции говорится: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна религиозная организация не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности». Частично затрагивала проблему религии и статья 89: «Никакие государственные денежные средства или иное имущество не могут ассигновываться или предназначаться для использования, выгоды или содержания какого-либо религиозного учреждения или ассоциации, или для каких-либо благотворительных, просветительских или филантропических учреждений, не находящихся под контролем публичных властей»⁸.

---

⁸ Современная Япония. М., 1973. С. 759, 760, 770.

Святыице Ицукусима на о. Миядзима

Тосёгу – храмовый комплекс в Никко

Танец демонов

Придорожное святилище

Святыліце Ідзумо

Ряд тории к святилищу Фусуми Инари (Киото)

Колесница на празнике гион в Киото

Колесница на празнике гион в Киото

Изображение карпов – символ праздника мальчиков

Тории, вѣдущие к святилищу Ясукуни

Прихожане перед святилицем

Обряд моления

Шестие прихожан местного святилища

Праздник детей семи, пяти и трех лет (Сити-20-сан)

Первое посещение святылища

Таким образом, Конституция 1947 года установила барьер между общественной (политической) и частной (религиозной) жизнью, что не могло не сказаться на отношении японцев к своей национальной вере. Большинство из них признает ее делом сугубо личным, интимным, а потому зачастую считает вопросы о своей принадлежности к той или иной конфессии неэтичными, бестактными. Отринув теократические принципы довоенной системы, новый Основной закон дал простор развитию индивидуализма как базы построения нового общества. Конституция 1947 года и особенно ее статьи, касающиеся религии, стимулировали поиски духовного обновления.

Немаловажным фактором для решения проблем синто в послевоенные годы стало определение статуса императора. Принципиальный подход был найден: император признавался «символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»⁹. Однако на протяжении всего послевоенного периода не раз «всплывали» те или иные аспекты проблемы. Как известно, в новогоднем обращении к нации 1 января 1946 года, которое известно как «Декларация человека» (*Нингэн сэнгэн*), император Хирохито (посмертное имя Сёва) фактически публично отказался от своего божественного происхождения. Другими словами, сменил статус «живого бога» на положение обычного человека. «Связи между мной и моим народом, — заявил император, — всегда основывались на взаимном доверии и взаимной любви. Эти отношения не зависят лишь от легенд или мифов. Они не основываются на ложной концепции, что император является божеством и что японцы — высшая раса, предназначенная повелевать миром»¹⁰.

---

⁹ Там же. С. 756.

¹⁰ Isamu Kanaji. Hirohito. Japan's Compassionate Emperor. Tokyo, 1989. P. 11.

Однако с теологической точки зрения, как в личной беседе разъяснил автору этих строк известный религиовед М. Сонода, понятие *нингэн сэнгэн* означает отказ не от древней традиции *акицу-миками*, а от *арахитогами* – новой абсолютистской интерпретации мэйдзийских времен, передающей понятие «живого бога»¹¹. По мнению синтоистских лидеров, отречение императора рассматривалось как явление внешнее, не затрагивающее основ синто, поскольку не последовало серьезных перемен в мистических обрядах императорского двора и *дзиндзя синто*. «Одна из достопримечательных особенностей синто как религии состоит в том, что формы синтоистской веры не ограничены доктринами и священными писаниями, а воспроизводятся посредством традиционного ритуала, и потому ущерб, нанесенный этой переменой (то есть отречением императора. – Э.М.) не столь значителен, пока нет серьезных изменений в отправлении религиозных обрядов»¹².

Отречение от «божественного происхождения» очевидно было вызвано тем, что император и правящая элита в тяжелейших условиях оккупации и краха милитаристской идеологии сочли необходимым сохранить преемственность японской государственности. Стержнем такой преемственности явились сохранение института императорской власти и определение нового статуса императора. Управление делами императорского дома (*кикантё*) занимается и религиозным ритуалом императорского двора (*сётэнсёку*). Этот ритуал потерял государственное значение и стал частным делом императора, который юридически утратил функции верховного исполнителя общенационального религи-

---

¹¹ См. подр.: Молодякова Э.В. Историческая преемственность: император Сёва. – Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003. С. 34–54.

¹² Цит. по: Picken D.B.S. Shinto: Japan' Spiritual Roots. Tokyo, 1980. P. 40.

озного обряда, на чем и основывался его религиозный авторитет как первосвященника синто. Ранее во многих случаях обрядность императорского двора возводилась в ранг национальных праздников.

Закон об императорском доме 1947 года (*косицу тэмпан*) продолжил линию на отделение религиозной деятельности трона от общественных дел и исключил возможность возвращения к прошлому. В частности, статья 1 этого закона только определяла, что «императорский трон наследуется потомком по мужской линии императорского рода»¹³. А статья 10 аналогичного закона 1889 года говорила также о священных императорских регалиях, которые позже стали предметом серьезных дискуссий. «По смерти императора наследник должен занять престол и получить все божественные сокровища императорских предков»¹⁴. Проблема права владения этими регалиями (без их конкретного упоминания) была отнесена к компетенции Закона об Управлении делами императорского дома 1947 года (*косицу кэйдзайхо*). Статья 7 этого закона гласит: «Объекты большой исторической значимости, завещанные вместе с тронном, передаются по наследству, как и сам трон»¹⁵. Однако эти законы в отличие от принятых в мэйдзийский период не были четко прописаны. В них, например, ничего не говорилось о важнейших синтоистских обрядах, совершаемых при вступлении императора на трон, что вызвало при коронации Акихито в 1989 году дискуссии об их характере. Но, тем не менее, весь комплекс проблем, связанных с императорским домом, был законодательно урегулирован, и таким образом отношения императора с синто утратили легитимную основу.

Закон о религиозных юридических лицах 1951 года (*сюкё ходзинхо*) предоставлял всем религиозным организациям право владеть святилищами, храма-

---

¹³ Роппо дзэнсё. С. 62.

¹⁴ Японцы о Японии. С. 526.

¹⁵ Роппо дзэнсё. С. 64.

ми, церквями со всем их имуществом, заниматься хозяйственной деятельностью. Органам государственной власти, всем без исключений, запрещалось вмешиваться в дела отправления служб и другие религиозные действия (глава 1, статья 1). Закон определял понятие «религиозная организация». Таковыми могли быть различные школы или секты (*хокацу сюкё дантай*), связанные с ними святилища, храмы, церкви и разные миссионерские группы (глава 1, статья 2), которые выступали как первичные организации. Для того, чтобы стать религиозными юридическими лицами, им надлежало подать заявление для получения лицензии в соответствующие инстанции – в управление культуры Министерства просвещения (в настоящее время Министерство просвещения и науки) на имя министра или в префектуральные управления на имя губернаторов¹⁶.

Закон 1951 года предусматривал роспуск религиозных юридических лиц: по желанию той или иной организации; при слиянии нескольких организаций, в случае лишения лицензии; банкротства; при ликвидации по решению суда секты, к которой принадлежит юридическое лицо. Однако сама процедура роспуска была нечетко прописана, что даст возможность ее широкого толкования.

Достаточно либеральный характер закона объясняется тем, что, во-первых, он отражал конфуцианское понимание отношения между государством и религией, которые никогда не являлись соперниками в борьбе за власть, как это было на Западе; во-вторых, этот закон принимался в период демократизации страны, когда без разбора воспринимались западные ценности, и свободу трактовали как абсолютное отсутствие государственного вмешательства и контроля. Практически до разоблачения в 1995 году секты *Аум синрикё* этот закон не вызывал нареканий в обществе, хотя оно очень внимательно следит за взаимоотношениями рели-

---

¹⁶ Роппо дзэнсё. С. 1986.

гии и государства, чутко реагируя на попытки нарушения соответствующих статей Конституции.

Обретя статус религиозных юридических лиц, основная масса святилищ 23 января 1946 года приняла решение о создании Ассоциации синтоистских святилищ (*Дзиндзя хонтё*). В заявлении по этому поводу отмечалось: «Мы надеемся внести свой вклад в строительство новой Японии, сотрудничая в деле осуществления подлинной миссии святилищ»¹⁷. Ассоциация является центральным координирующим и контактным органом для подавляющего большинства святилищ и действует в масштабе всей страны через префектуральные организации, которые занимаются делами святилищ на местах. Президент *Дзиндзя хонтё* обладает полномочиями назначать служащих в святилища, присваивать им соответствующие ранги¹⁸, а также направлять посланников (*тёкуси*) в специально обозначенные святилища. *Исэ дзингу* и святилища группы *тёкуси* посещает сам президент Ассоциации, а прочие – главы префектуральных отделений.

В принципе Ассоциация синтоистских святилищ приняла сложившуюся в мэйдзийский период концепцию синто, согласно которой он рассматривался как система национальных вероучений и практик, которая распространяется по всей стране через единую иерархическую организацию святилищ во главе с *Исэ дзингу*. Это святилище, как и прежде, признано «головным». Следует заметить, что среди *дзиндзя* никогда не существовало вертикального подчинения. Каждое из них появлялось в результате «возникших» взаимоотношений между

---

¹⁷ Цит. по: Creemers Wilhelmus H.M. Shrine Shinto after World War II. P. 76.

¹⁸ Всего их пять: высший священнослужитель – *сайсю* (в настоящее время только в *Исэ дзингу*), по традиции его получает принцесса из императорской фамилии; главный – *гудзи*, его помощник – *гон гудзи*; просто священнослужитель – *нэги* и его помощник – *гон нэги*.

жителями определенного локального общества и почитаемыми там *ками*. Отдавая «головнос» место *Исэ дзингу*, Ассоциация не нарушила традиции, так как не предусматривалась зависимость других святилищ от него, а лишь подчеркивалось значение этого святилища в истории страны и его связь с императорским культом. Одновременно произошли серьезные перемены в понимании значимости *Исэ дзингу*. Ранее на него возлагалась ответственность за проведение «национальных ритуалов». Теперь «истинное значение почитания святилища состоит в том, чтобы уяснить традиционную веру, с помощью которой, следуя великому пути синто, очищаются человеческие отношения, воздается благодарность за покровительство *ками*, передается сила предков, укрепляются чистый, полный веры дух и характер японцев и таким образом вносится вклад в благополучие и процветание человечества»¹⁹.

В настоящее время большинство святилищ вполне самостоятельны, зарегистрированы как религиозные юридические лица и являются либо индивидуальными, либо групповыми членами *Дзиндзя хонтё*. Не вошедшие в Ассоциацию святилища (например, *Ясукуни дзиндзя* в Токио или *Инари дзиндзя* в Киото) признаны самостоятельными религиозными организациями. На сегодняшний день около 80 тысяч святилищ являются членами *Дзиндзя хонтё*. Сразу после создания Ассоциация присоединилась к Религиозной лиге Японии (*Нихон сюкё рэммэй*), которая объединяет различные конфессии. В состав руководящего органа Ассоциации входят представители *дзиндзя синто* и синтоистских сект. Первоначально штаб-квартира организации располагалась в районе Сибуя в Токио, неподалеку от университета *Кокугакуин*, с которым она, естественно, теснейшим образом связана, а с 1988 года переместилась в специально построенное здание по соседству с *Мэйдзи дзингу* в районе Ёёги.

---

¹⁹ Цит. по: Creemers Wilhelmus H.M. Shrine Shinto after World War II. P. 76.

С самого начала *Дзиндзя хонтё* содействовала поиску адаптированных к ситуации в стране путей распространения синтоистского вероучения и получения поддержки населения. Безусловно, каждое из святилищ независимо, но Ассоциация дает им возможность отстоять и упрочить свое место в религиозной жизни страны. В принципиально новой обстановке, когда страна безвозвратно встала на путь демократизации, Ассоциация в документе 1956 года «Основные черты жизни, протекающей в почитании *ками*» (*Кэйсин сэйкацу корё*) сформулировала символ веры, своего рода кредо адептов синто. В принципе были сохранены основные постулаты, без чего невозможно существование любой религии.

Прежде всего признавалось чрезвычайно важным «быть благодарными за благословение *ками* и благодеяния предков, быть прилежными в соблюдении синтоистских ритуалов, отправляя их искренне, жизнерадостно, с чистым сердцем». Кроме того, каждому верующему надлежало быть полезным людям, не думая получить за это вознаграждение, стремиться к тому, чтобы донести до всех волю *ками*. Эти постулаты, в которых отражалась традиционно тесная связь синто с жизнью японцев, должны были помочь определить место *дзиндзя синто* в современном обществе. В этом основополагающем документе говорилось о роли императора, но сделано это было очень аккуратно: «Объединиться нам всем в гармонии с волей императора, молясь о том, чтобы процветала страна и все могли жить в мире и благополучии»²⁰. От такого подхода к роли императора протягивалась ниточка к определению отношения к нему в последующие годы уже без упоминания синто.

Синтоистские секты имеют достаточно давнюю историю. Они появились во второй половине

---

²⁰ Japanese Religion. A Survey by the Agency for Cultural Affairs. Tokyo, 1981. P. 33.

XIX века, когда репрессиям подвергались все, кто был не согласен с догмами официальной идеологии, с положениями государственного синто. Некоторые стали почитать божества, которые, по сути, не имели никакого отношения к истории страны. Особенно жестоко преследовалась секта *Тэнри*, основательница которой сочинила свой миф творения. Секта *Конко* почитала божество, которое не упоминается в исторических хрониках, но признается божеством, включающим небеса и землю, то есть является абсолютным. Основатель секты *Куродзуми* полагал, что богиня Солнца – это не что иное, как проявление этико-космического принципа искренности, которому когда-то учила китайская классика. Основательница секты *Оомото* Нао Дэгути призывала к «исправлению мира», построению идеального общества на земле. Из-за постоянного преследования секты были вынуждены приспособлять свои постулаты к официальной идеологии, и тем не менее в предвоенные годы некоторые из них были запрещены.

В 1996 году отмечалась столетняя годовщина учреждения Ассоциации синтоистских сект (*Кёха синто рэнгокай*, сокращенно *Кёхарэн*), в которую первоначально вошли 13 сект. В настоящее время в нее входят 12 сект, поскольку *Тэнри-кё* покинула ее в 1970 году. В настоящее время все секты имеют возможность продолжать свою деятельность, наиболее активны секты *Оомото*, *Тэнри*, *Конко*. Особого упоминания заслуживает многогранная деятельность *Оомото-кё* и ее нынешнего лидера Фуками Тосю. Являясь поистине харизматической личностью, он стремится к тому, чтобы все адепты синто и его исследователи преодолели сектантские и национальные границы ради лучшего понимания этой религии. С этой целью по его инициативе в 1994 году было основано Международное общество изучения синто (*Кокусай синто гаккай*), представительство которого было открыто и в Москве.

Проблема статуса *Исэ дзингу* и ритуалы императорского двора

Особый статус Великого святилища *Исэ* традиционно определялся его тесной связью с императорским домом и хранением в нем одной из императорских регалий – зеркала. Несмотря на законодательное урегулирование всего комплекса проблем, связанных с императорским домом, определенные круги, используя дискуссию о том, кому принадлежат эти регалии, не раз поднимали вопрос о сохранении за *Исэ дзингу* особого положения, точнее говоря, о восстановлении его государственного статуса. В соответствии со статьей 10 закона 1889 года император получал регалии вместе с тронном, и они принадлежали ему как правителю страны. При церемонии наследования трона вручались только меч и яшмовые подвески, но считалось, что одновременно император вступает в обладание и зеркалом, находящимся в *Исэ дзингу*. Оно никогда не покидало этого святилища²¹. (В дворцовом храме имелся его дубликат.) Таким образом, священные регалии переходили из рук в руки лишь во время коронации и теснейшим образом были связаны с вступающим на трон императором, но даже он не мог распоряжаться ими по своему усмотрению. Они принадлежали трону, то есть правителю, несущему определенные общественные обязанности.

Сторонники сохранения особого статуса *Исэ дзингу* исходили из того, что никогда не делалось различия между регалиями, находящимися во двор-

---

²¹ Асидзу Удзухико. *Дзингу то кокка* (Святилища и государство). Токио, 1959. С. 14.

це и в святилище, и потому за ним должно быть сохранено привилегированное положение. Как уже говорилось, после войны право императора проводить церемонии и его роль в синто утратили легитимную основу. Императорские регалии были отнесены к объектам большой исторической ценности, которые передаются по наследству вместе с тронном. Имея ярко выраженную сакральную, религиозную суть, императорские регалии, согласно статье 20 Конституции 1947 года, не могли рассматриваться как общественная собственность, а поскольку они были связаны с императором как главой японского общества, то не могли считаться и частной собственностью.

Используя разное толкование Закона об экономической основе императорского дома и Закона об императорском доме, в частности о владении священными регалиями, сторонники особого статуса *Исэ дзингу* навязывали обществу затяжные дискуссии. Более того, поднимали вопрос о том, кто является владельцем священного зеркала – император или святилище. Конец спорам был положен официальным заявлением правительства в октябре 1960 года. В нем говорилось, что вопрос о священном зеркале решен в статье 7 Закона об Управлении делами императорского дома, и *Исэ дзингу* не может претендовать на право владения им.

Вопрос об императорских регалиях является, пожалуй, наиболее ярким примером двойственного характера синто и всего, что с ним связано в настоящее время. С одной стороны, видна очевидная религиозная функция, с другой – связь с императором, то есть общественная. В дворцовом храме император совершает церемонии как частное лицо, но они находятся в ведении Управления делами императорского дома, то есть в руках официальных лиц, и, соответственно, получают государственную поддержку. Главное же святилище, где хранится сама важная регалия, – религиозное юридическое лицо, частная организация, следователь-

но, не имеет такой поддержки. Возникает правомерный вопрос, может ли быть частной организацией святилище, где находится императорская регалия? На него, похоже, нет однозначного ответа. Признать особый статус *Исэ дзингу* ввиду его исторической связи с религиозными чувствами японцев – не очень веский аргумент, более того, ведущий к конфликту с принципом свободы вероисповедания. Пойти на это, учитывая его особые отношения с императорским домом, значит придать ему в условиях существующего законодательства статус частного святилища императорского двора, что сделает *Исэ дзингу* недоступным для посещения обычными людьми. Это сузит его базу поддержки населением, сократит частную финансовую помощь, которая так необходима для проведения традиционной церемонии переноса на новое место построек основного святилища раз в двадцать лет (*сикинэн сэngu*). Финансовые соображения были одной из главных причин, почему *Исэ дзингу* не попал под юрисдикцию Закона об Управлении делами императорского дома.

Суть проблемы особого статуса святилища *Исэ* во многом все-таки связана с необходимостью оказания ему государственной поддержки. Если рассматривать его как религиозную организацию, то это противоречит статье 89 Конституции 1947 года. В случае признания его объектом, подпадающим под понятие «важная культурная ценность», финансовая поддержка со стороны государства вполне конституционна. Но в таком случае снизится значимость проводимых в нем религиозных ритуалов, а это уже напрямую сопряжено с проблемой отношения к императору. В истории страны это святилище действительно занимает исключительное место, и простого решения обозначенной проблемы нет.

Впервые перестройка святилищ, находящихся на территории *Исэ дзингу* – Внутреннего святилища *Найку* и Внешнего святилища *Гэку*, – состоялась

соответственно в 690 и 692 годах. Регулярная перестройка святилищ не осуществлялась лишь в XV–XVI веках. После 1585 года перестройка *Найку* и *Гэку* осуществляется одновременно. После войны церемония *сикинэн сэngu* проводилась трижды. Первая послевоенная, 59-я по общему счету, пришлась на 1947 год, но была перенесена на 1953-й из-за оккупации и вообще тяжелого экономического положения в стране. Это была первая реконструкция в истории страны, которая проводилась без всякой государственной поддержки, что оказалось чрезвычайно сложным делом. Затем церемония состоялась в 1973 и 1993 годах. Цикл обрядов *сикинэн сэngu* рассчитан на 8 лет и заканчивается в октябре. Он включает обряды сбора и доставки строительных материалов, обряды, связанные со строительством и ритуальным очищением построек, обряд переноса объекта поклонения *синтай* в новое святилище, обряд первого поднесения даров божеству. Некоторые ритуалы являются тайными.

На фоне укрепления демократических принципов в условиях бурного экономического роста уже с конца 50-х годов наблюдаются тенденции к оживлению националистических настроений. Однако в совершенно новых условиях послевоенного мира речь шла о так называемом здоровом национализме, который, по сути, отражал вполне закономерную гордость японцев за успехи своей страны, поднявшейся в прямом смысле из пепла. Постепенно в систему школьного обучения возвращается преподавание морали, но, разумеется, с новым содержанием, адекватным ситуации в стране.

Ни политические деятели, ни правительственные чиновники никогда ни словом не говорили о синто, но его «духовное влияние» сказывалось, в частности, в программе формирования «Желательного образа человека»²², которая стала теоретиче-

---

²² Китайсарэру нингэндзо (Желательный образ человека). Токио, 1967.

ской и философской основой идеологического воспитания подрастающего поколения. В этом документе с учетом социально-экономической ситуации в стране и мире четко определены черты «идеального японца» как личности, члена семьи и общества и гражданина.

В данном контексте интересно определение «идеального японца» как гражданина. Прежде всего каждый должен проникнуться чувством «истинного патриотизма», то есть, живя в своей стране, содействовать счастью всего человечества. Любить свою страну – значит возвышать ее духовные ценности, а «человек, безразличный к своему народу, – враг своей страны».

В отдельный параграф было выделено уважение государственных символов и, соответственно, императора, который «является символом государства и единства народа». Любовь и уважение к императору рассматривались как синонимы любви и уважения к государству²³. «Император как первосвященник национальной религии при отправлении обрядов выступает как частное лицо. Но и после его отречения от “божественного” происхождения сохраняется база для его почитания как хранителя традиционной духовной культуры, что позволяет конституционному монарху Японии сохранять в неявном виде важное место в системе национальной символики»²⁴.

В других странах монархи также являются главами церквей, но только в Японии император сам отправляет религиозные ритуалы. Более того, его участие в исполнении этих ритуалов как бы лишено личностного момента. Он испрашивает благоволения kami не для себя лично, а для всего наро-

---

²³ Подр. см.: Молодякова Э.В. Моральное воспитание в японской школе. – Японский опыт для российских реформ. М., 1999. Выпуск 4. С. 53–60.

²⁴ Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. М., 1990. С. 124–25.

да. Поскольку синто в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев, то можно говорить о том, что в определенной степени он является ядром национальной культуры. В этой связи проф. Я. Охара достаточно удачно определяет место императора в культурной иерархии: «Императорская семья самыми разнообразными путями была непосредственно вовлечена в японскую культуру, во главе которой находился императорский ритуал. И в этом смысле она была центром японской культуры, и даже не обладая действительной политической властью, она обеспечивала единство нации. И в этом ее позитивное значение»²⁵.

Постепенно намечается тенденция возрождения государственного характера ритуала императорского двора. Основой для этого было сохранение так называемого синто императорского двора (*косуцу синто*) или религиозных церемоний императорского двора (*косуцу сайси*), которые включали около тридцати ежегодных ритуалов. Они, естественно, были объявлены частным делом императора и совершались им сначала только в дворцовых святилищах.

Но практически сразу после окончания оккупации страны в 1952 году предпринимаются попытки вывести религиозную деятельность императора за рамки дворца и придать некоторым синтоистским обрядам характер государственных актов. В июле того же года император посещает *Исэ дзингу* и «сообщает», как это следовало по синтоистскому канону, *Аматэрасу* о важнейшем государственном решении – подписании Сан-Францисского мирного договора. Затем состоявшейся в том же году церемонии совершеннолетия и введения в сан наследного принца Акихито, проводившейся также по синтоистскому обряду, фактически был придан официальный статус. То же повторилось при его

---

²⁵ Shinto – Its Universality. Tokyo, 1966. P. 107.

бракосочетании в 1959 году, когда обряд оповещения *ками* императорской фамилии об этом событии (*касикодокоро омаэ-но ги*) рассматривался как важное государственное дело.

С середины 50-х годов возрождается традиция направления специального посланника императора в святилище *Касивара* по случаю отмененного и еще не восстановленного в то время Дня основания империи (*кигэнсэцу*), который отмечался 11 февраля – в день вступления на престол легендарного императора Дзимму. Во время ежегодных паломничеств императорской четы в *Исэ дзингу*, начиная с 1974 года, возобновляется ритуал перемещения священных регалий – во время путешествия меч и яшмовые подвески сопровождают императора (*кэндзи кодза*).

Наиболее ярко эта тенденция обозначилась во время проведения первой церемонии престолонаследия (*сэнсо*) Акихито. Спустя три часа после смерти императора Сёва ему были вручены священные регалии «хризантемового» трона, а также императорская и государственная печати. Эта религиозная синтоистская церемония решением правительства проводилась как государственный акт. Также была проведена и вторая церемония – первый прием императором высокопоставленных чиновников и должностных лиц и провозглашение им занятия трона, то есть церемония восшествия на престол (*сокуи-но готёкэн-но ги*, или *сокуи-но рэй*). Она состоялась 12 ноября 1990 года после 22-месячного траура двора в соответствии с древним ритуалом. Строго говоря, такое отношение к коронационным церемониям как к государственным актам вступало в противоречие с Конституцией. Тем не менее правительство, учитывая необратимость демократических преобразований в стране, позволило себе такое отступление от Основного закона.

Однако в церемонию престолонаследия были введены некоторые новшества в духе времени. В частности, премьер-министру во время коронации

было разрешено находиться в Сосновом зале, а ранее до окончания речи императора он стоял у подножия 18-ступенчатой лестницы, ведущей в него. В зале на троне *Такамикура* (сооружение высотой в 6 метров, напоминающее синтоистское святилище) восседал облаченный в старинные оранжевого цвета одежды хэйанского периода император, а на установленном с правой стороны позади троне *Митёдай* – императрица. В трехминутной речи император заявил о желании вместе с народом соблюдать Конституцию, в которой провозглашается отказ Японии от войны на вечные времена, а император признан символом нации²⁶.

В ночь с 22 на 23 ноября 1990 года был совершен обряд великого праздника вкушения риса нового урожая (*дайdzёсай*), который повторяется при каждой интронизации. *Дайdzёсай* – несмотря на внешнюю простоту – самый торжественный и таинственный ритуал, поскольку это акт духовного общения императора с божественной прародительницей *Аматэрасу*, божествами небес и земли, который проводится в полном уединении. *Дайdzёсай* совершили в соответствии с существующей с древности четко разработанной схемой, подробное описание которой приведено в книге «Энгисики» (седьмой свиток)²⁷. В данном случае достаточно передать основное содержание.

Дайdzёсай начинается с вкушения риса нового урожая, который собирают в первую осень после вступления на трон нового императора. Рис вкушают сначала император, затем члены императорской фамилии, придворные, представители из тех районов, где рис выращивается специально для этой церемонии. Выделяются два района, называемые *юки* и *суки*, где культивируются два вида прино-

---

²⁶ Цит. по: Сила-Новицкая. Т.Г. Культ императора в Японии. С. 172.

²⁷ Eng-Shiki. Procedures of the Engi Era. Tokyo, 1972. Books VI–X.

симого в дар риса. Обычно выбирались места к западу и востоку от столицы. Прежде эти земли определялись гаданием на черепашьем панцире, при нагревании покрывавшемся трещинами, по которым и определяли направление. В 1990 году для *юки* выбрали участок земли в префектуре Акита в Восточной Японии, а для *суки* – в префектуре Оита в Западной Японии.

В соответствии с синтоистской традицией церемония проводилась в течение нескольких ночей. Гаданием определялись императорские посланники, которые объявляли во всех провинциях о предстоящем празднестве и приносили жертвоприношения богам неба и земли. После совершения обряда очищения император тоже делает им подношение. В течение месяца соблюдается частичное воздержание и три дня – полное. Затем священнослужители совершают все необходимые обряды на территории *юки* и *суки*. Выращенный здесь рис не жнут, а вырывают с корнем и подсушивают в специально построенном священном амбаре. Из первых снопов берут рис для подношения императору, из части остальных готовят темное и светлое сакэ, которое используется в ритуальной трапезе.

Рис доставляется в столицу в специальных корзинах, покрытых кусками материи и украшенных ветками священного дерева *сакаки*. Здесь для него уже готово временное хранилище. На специально выбранном участке на территории дворца возводятся необходимые для свершения церемонии строения, в частности *Юкидэн* и *Сукидэн*, то есть павильоны для подношения риса из соответствующих районов. Основное торжество происходит в зале *Дайдзёгу*. Сначала в зал входит император, ступая по ткани, которую перед ним разматывают из рулона и затем скатывают. Сам ритуал подношения риса проводится по очереди в обоих павильонах, но по одному сценарию. Во время нынешней церемонии *дайдзёсай* Акихито совершил обряд очищения в ванне, по форме напоминающей лодку, в

одном из специально построенных зданий – *Кай-рюдэн*. Затем, облачившись в белоснежные одеяния, отправился по крытой галерее в *Юкидэн*. Его сопровождали придворные, которые несли священные регалии. Главным в этой церемонии является общение императора с божествами и своими божественными предками в полном уединении. Делая им подношения, он благодарит их за все проявленные милости и просит их благодати в будущем для всего народа. После окончания церемонии все временные сооружения в столице и на местах сжигаются.

Поскольку средства на проведение этого ритуала выделялись Управлением делами императорского двора, то он обретал характер общественного акта. Отношение к этому событию в обществе было неоднозначным, но, думается, будет показательным высказывание К. Сибукава, долгие годы работавшего корреспондентом журнала «Дзиндзя симпо», затем в Ассоциации синтоистских святилищ. Он писал: «Узнав о церемонии *дайdzёсай* по телевидению и из других источников, народ получил определенные знания об особенностях своей страны, дотоле ему неведомые... Современные школьники... смогли почувствовать “божественную” Японию, о которой до сих пор ничего не могли почерпнуть из школьных учебников. Это и есть Япония»²⁸.

Вполне вероятно, что такое отношение к историческому прошлому позволило бывшему премьер-министру Ё. Мори уже в 2000 году назвать Японию «страной *ками* во главе с императором» (*тэн-но-но тусин тоситэ ками-но куни*), а также использовать термин «*кокутай*» (государственный организм), которым в предвоенные годы определялась сущность японской государственности. В предвыборной платформе Либерально-демократической партии, опубликованной накануне выборов в палату представителей парламента в том же году,

---

²⁸ Синто-но како, гэндзай, мирай. Токио, 1998. С. 42.

подчеркивалась свобода вероисповедания. В ней также отмечалось, что верования японцев восходят к тем древнейшим временам, когда считали, что «ками обитали в горах, реках, траве и на деревьях» и что «религиозное благоговение и поклонение всегда были обусловлены сверхъестественными силами».

Однако при проведении похорон императора Сёва правительство, дабы не вызывать нежелательную реакцию в обществе, формально разграничило проведение синтоистских обрядов (всего 34) и гражданской панихиды.

Синтоистский аспект послевоенных государственных праздников

Правящие круги Японии на всех этапах социально-экономического развития страны проводили и проводят целенаправленную политику по отношению к праздникам. Это делается не только для сохранения национальных традиций, но в значительной степени с целью поддержания в народе интереса к идее вечности и незыблемости императорской власти, уникальности японской нации и для восприятия народом отечественной истории и культуры с националистических позиций, что не всегда имеет лишь негативный смысл. Благодаря своей популярности праздники являются одной из наиболее доходчивых и доступных форм внедрения соответствующей идеологии, а потому теснейшим образом связаны с процессом воспитания и обучения. До войны все государственные торжества были посвящены императору, его предкам, его божественному происхождению, что, естественно, имело прямую связь с синто²⁹.

В ходе демократических преобразований правительство в конце 1947 года решило отменить все

---

²⁹ День празднования Нового года (*Гэнсисай*) – 3 января, День устройства императорского новогоднего банкета (*Синнэн энкай*) – 5 января, День основания империи (*Кигэнсэцу*) – 11 февраля, День смерти легендарного императора Дзимму (*Дзимму тэнносай*) – 3 апреля, Дни весеннего и осеннего равнодействия (*Сюнки и Сюки корэйсай*) – в марте и сентябре, День рождения здравствующего императора (*Тэнтёсэцу*) – 29 апреля, День приношения риса нового урожая (*Каннамэсай*) – 17 октября, День рождения императора Мэйдзи (*Мэйдзи сэцу*) – 3 ноября, День рождения императора Тайсё (*Тайсё тэнносай*) – 25 декабря.

праздники, которые имели ярко выраженную синтоистскую окраску. Эта проблема затрагивала глубинные верования, воззрения и обычаи народа, поэтому комитеты по делам культуры обеих палат парламента предостерегали от опрометчивого решения данного вопроса. Вполне понятна была заинтересованность синтоистских кругов. В соответствии с Законом о национальных праздниках от 20 июля 1948 года (*Кокумин-но сюкудзицу-ни кансуру хорицу*) нерабочими днями были определены: 1 января – День нового года (*Гандзицу*), 15 января – День совершеннолетия (*Сэйдзин-но хи*), 22 марта и 22 сентября – Дни весеннего и осеннего равноденствия (*Сюмбун* и *Сюбун-но хи*), 29 апреля – День рождения здравствующего императора (*Тэнно тандзёби*), 3 мая – День Конституции (*Кэмпо кинэнхи*), 5 мая – День детей (*Кодомо-но хи*), 3 ноября – День культуры (*Бунка-но хи*), 23 ноября – День труда (*Кинро канся-но хи*). На основе поправок к Закону о национальных праздниках в 1965 году был введен День почитания престарелых (*Кэйро-но хи*) – 15 сентября, в 1966 году – День основания государства (*Кэнкоку кинэн-но хи*) – 11 февраля и День физкультуры (*Тайику-но хи*) – 10 октября, в 1988 году введен День отдыха (*Кюдзицу-но хи*) – 4 мая, а после смерти императора Сёва 29 апреля стало Днем зелени (*Мидори-но хи*). День рождения ныне здравствующего императора Акихито приходится на 23 декабря. С 2003 года изменены даты празднования Дня совершеннолетия – перенесли на 2-й понедельник января, Дня почитания престарелых – на 3-й понедельник сентября и Дня физкультуры – на 2-й понедельник октября, а также введен новый праздник – День моря (*Уми-но хи*), отмечаемый в 3-й понедельник июля.

Как видно из приведенных выше данных, в первые послевоенные годы правящие круги были вынуждены ликвидировать праздники, имеющие

непосредственное отношение к императорской династии и государственному синто. Из этой группы был оставлен лишь День рождения здравствующего императора, что было связано с его статусом, закрепленным в Конституции. И вряд ли простым совпадением является учреждение Дня культуры в день рождения императора Мэйдзи, который открывает цикл праздников дней рождений всех последующих императоров. На этом празднике император вручает выдающимся деятелям культуры «орден культуры», существующий с 1937 года. Так же правительство поступило и с днем рождения императора Сёва, который японцы привыкли считать нерабочим днем на протяжении более чем шестидесяти лет.

На протяжении 50–60-х годов в стране развернулась кампания по возрождению довоенного праздника *кигэнсэцу*, в основе которого лежали ритуалы государственного синто, связанные с культом японской государственности. Его история достаточно полно освещалась на страницах отечественных изданий³⁰. Здесь же стоит обратить внимание на то, что во время этого праздника, как и до войны, исполняются гимны «*кими га ё*» и «*кигэнсэцу*», прославляющие императора и воспевающие доблести японской нации. Постепенно церемония празднования вводится в школах, для чего Министерством просвещения была разработана специальная инструкция, предписывающая разъяснять детям значение этого праздника. Считалось весьма желательным вывешивать в школах флаг «*хино маару*» и исполнять гимн «*кими га ё*», хотя они получили официальный статус государственных символов лишь в 1999 году. В настоящее время проведению этого праздника придается характер государственного ритуала.

---

³⁰ Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. М., 1990. С. 201–203; Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора Японии. С. 129–132.

В ряде других государственных праздников можно проследить влияние или сохранение обрядов национальной религии. В новогодних торжествах много синтоистской атрибутики и обрядности, то же прослеживается и в Дне совершеннолетия. До войны в день нынешнего праздника благодарения труда проводился один из важнейших синтоистских ритуалов – *ниинамэсай*. Дни весеннего и осеннего равноденствия связаны с почитанием предков императора, но в эти дни все поминают своих предков. Из вышесказанного видно, что и по сей день в календаре государственных праздников сохраняется достаточно сильное влияние синто.

Религиозные и политические аспекты проблемы *Ясукуни дзиндзя*

На протяжении всех послевоенных десятилетий достаточно частная, на первый взгляд, религиозная проблема, связанная со святилищем *Ясукуни*, периодически оказывается в центре внимания внутри Японии и в сопредельных странах. Она вызывает не только поляризацию мнений в японском обществе, но и становится причиной дипломатических конфликтов с соседними государствами, в основном с КНР и Республикой Корея. В основе всего комплекса внутри- и внешнеполитических аспектов этой проблемы лежат отношения между государством, властью, идеологией, политикой и религией.

В мэйдзийский период, когда император был признан духовным ядром новой идеологии, произошло определенное изменение синтоистской обрядности, введены некоторые новые понятия, разработаны новые ритуалы. Именно тогда появилась идея создания специального святилища, где бы исполнялись обряды для умиротворения душ воинов, павших в междоусобных войнах за императора. Сначала оно называлось *Сокоңся*, как и обряд вызова душ умерших. Первое здание для него было построено в 1868 году в Киото, но с переносом столицы в Токио сюда же переместили и святилище. На холме Кудан, недалеко от императорского дворца, для него было воздвигнуто грандиозное здание. В нем стали почитать души уже всех людей, отдавших жизнь за императора. Списки погибших стали объектом поклонения (*синтай*) в этом святилище. В то время в них числилось 3585 душ воинов. После переноса в Токио *Сокоңся* получило статус национального святилища, а с 1879 года

стало называться *Ясукуни*, что означает «мирная страна», или «мирно управляемая страна», получив ранг особого императорского святилища. Знаковый статус *Ясукуни дзиндзя* подчеркивался тем, что оно находилось не в ведении Министерства внутренних дел, как другие святилища, а в ведении Министерства армии и военно-морского флота, которое назначало в него священнослужителей, а также Министерства императорского двора, что свидетельствовало о его теснейшей связи с императором.

Согласно концепции *кокутай* (государственный организм), которая представляет собой специфическую японскую государственную общность, объединяющую императора, народ и собственно острова в естественное единое целое³¹, император олицетворял собой государство, и верность ему считалась основным принципом в решении вопроса, кого обожествлять в святилище *Ясукуни*. Классический пример – один из героев реставрации Мэйдзи Сайго Такамори не почитается здесь потому, что в 1877 году возглавил знаменитое Сацумское восстание самураев, которое было направлено против нового правительства страны. Таким образом, в случае с *Ясукуни дзиндзя* чрезвычайно важную роль играла идеология.

В основе обрядности *Ясукуни дзиндзя* лежал древний праздник усмирения в святилищах душ умерших (*митама о иваидо-ни сидзумуру мацури*, сокращенно *митама сидзумэ* или *тинконсай* в китайском прочтении иероглифов), который был призван поддерживать эти души в стабильном состоянии. Согласно синто, душа, дух (*тама*), присуща всей природе, поскольку она рождена, а не сотворена божественной парой богов *Идзанами – Идзанаги*. *Тама* – концентрация духовной энергии – является источником жизни, покинув тело, она

---

³¹ Подр. см.: Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. М., 1999.

продолжает существовать, поэтому ее надо успокаивать, воздавать почести, умиротворять, почитать. Живущие почитают и утешают души умерших предков и различных божеств – *ками*, тем самым они как бы восполняют запас жизненной энергии друг друга. *Митама мацури* унаследовал элементы культа *горё*, то есть поклонения душам людей, погибших трагически или при необычных обстоятельствах. Основа церемонии – успокоение душ этих людей, дабы отвлечь бедствия, которые они могут наслать. С этим же понятием связана церемония *ирэйсай*, посвященная умиротворению душ погибших насильственной смертью, которая проводится в *Ясукуни дзиндзя* и в его филиалах. Согласно древним памятникам, вера в возмездие со стороны разгневанных духов переросла в учение о том, что разного рода политические потрясения, болезнь, смерть в первую очередь угрожают императорам. Таким образом, сразу закладывалась связь святилища *Ясукуни* с императорским домом.

Древние японцы были убеждены, что души умерших покидают тело, но остаются вблизи их прежних жилищ. Духи, продолжающие свое существование, не связаны с конкретным телом (в отличие от христианской концепции воскресения). Более того, считалось, что со временем они утрачивают свою индивидуальность и сливаются с главным духом предков, который обитает по соседству в лесу или на горе. Эта вера, очевидно, появилась в результате соединения поклонения предкам и анимизма.

Во время *митама мацури* совершается чисто религиозный обряд успокоения душ умерших. Это относится не только к ушедшим близким, но и ко всем, в том числе погибшим на войне или отдавшим свою жизнь на общее благо людей. «Поэтому для японцев, – пишет М. Сонода, – так же органично проведение *мацури* в память погибших на войне, как и в честь почитания *ками*. Думаю, что

потребность в успокоении душ своих павших героев... это важная составляющая часть религиозных чувств японцев. Если пренебрегать такими чувствами, то можно поставить под угрозу само будущее Японии. Успокоение душ погибших солдат очень важно сейчас, когда прошло пятьдесят лет после окончания войны. Когда мы станем думать обо всех, кто отдал жизни за нас – не только на войне, но и в различных других случаях, то мы преисполнимся благодарностью ко всем окружающим. Это полностью отличается от проведения обрядов просто ради утверждения ультранационализма»³². В этих словах и скрыт как раз основной смысл проблемы *Ясукуни дзиндзя* – как трактовать эту церемонию: как чисто религиозную или как государственный акт со всеми вытекающими последствиями, то есть привносить в нее идеологические и политические соображения.

Особенность святилища *Ясукуни* состоит в отсутствии на его территории каких-либо захоронений, останков или реликвий, нет даже могилы неизвестного солдата. Здесь никогда не проводились церемонии похорон. Останки солдат, погибших в основном во время Второй мировой войны, были переданы семьям, которые почтили их соответствующими похоронными службами в буддийских храмах (в Японии похороны в подавляющем большинстве проводятся по буддийским канонам), а прах захоронили на местных кладбищах. Дань памяти погибшим воинам отдается так же, как и всем умершим. Таким образом, к погибшим на поле брани относятся так же, как и ко всем остальным почившим. Но, очевидно, на подсознательном уровне у многих японцев сохраняется вера в то, что святилище *Ясукуни* является своего рода «священной горой», где обитают души погибших воинов. Сейчас здесь почитается около 2,5 миллионов душ воинов.

---

³² Сонода Минору. Мир синто. М., 2001. С. 95–96.

По установившейся с довоенных лет традиции, душа каждого погибшего на войне или военной службе называется *эйрэй*. Теперь павший воин принадлежит государству, то есть соединяется с ним в единое целое. С этого момента его имя заносится в списки *ками Ясукуни дзиндзя*. Оставшиеся в живых родственники больше не имеют возможности «заботиться» о нем. Погибший отныне «не принадлежит семье», как все другие предки, а «принадлежит» государству, поэтому только святилище *Ясукуни* имеет право отправлять поминальную службу по нему. Несмотря на ряд протестов здравствующих родственников против включения погибших близких в списки *ками* или требования исключения из них, все остается по-прежнему по сей день³³.

Основная масса «обожествленных» появилась после окончания Второй мировой войны. После подписания Сан-Францисского мирного договора в 1952 году сразу же началась кампания по освобождению из тюрем всех, кто был осужден по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТ). Одновременно началось движение за выплату государственных пенсий семьям тех, кто был приговорен к смерти по приговору МВТ или умер в тюрьме. По японским законам такие пенсии не выплачивались тем, кто был приговорен судом к трем и более годам заключения. Парламент принял закон, согласно которому признанные виновными по приговору МВТ не считаются преступниками с точки зрения японских законов, а наоборот, признаются жертвами войны. Все без исключения политические партии поддерживали этот закон, который был частью проводимой пенсионной реформы.

В 1959 году начался процесс «обожествления» в *Ясукуни дзиндзя* признанных МВТ виновными в

---

³³ Hardacre H. *Shinto and the State 1868–1988*. Princeton University Press. 1989. P. 148.

военных преступлениях. Военные преступники класса «В» и «С» (согласно английскому алфавиту) причислялись к списку душ воинов, почитаемых в святилище. Немаловажную роль в этом процессе сыграло Бюро помощи репатриантам прежнего Министерства здравоохранения и социального обеспечения, где получили работу многие бывшие военные, заняв в нем руководящие посты. Таким образом, правительство косвенно помогало святилищу обретать новых «обоожествленных». Например, предоставляло всю необходимую для этого информацию о погибших: имя, год и место рождения, звание, к какой части принадлежал, где и когда погиб, отказывая в таких просьбах другим религиозным организациям. К концу 50-х годов все находившиеся в заключении военные преступники были помилованы в соответствии с процедурой, одобренной союзными державами.

Именно сотрудники Бюро помощи репатриантам предоставили в 1966 году для почитания в *Ясукуни дзиндзя* список имен главных военных преступников класса «А», семсоро из которых были казнены через повешение, еще семсоро умерли в тюрьме. Однако тогдашний настоятель святилища Цукуба Фудзимаро, представитель ветви Ямасина императорской семьи, этого не сделал. По мнению главного редактора газеты «Асахи» Вакамия Ёсибуми, это было связано с тем, что в то время парламент обсуждал законопроект о возвращении *Ясукуни дзиндзя* статуса государственного святилища (в общей сложности вносился пять раз), и было бы неразумным предпринимать столь сомнительные действия по причислению главных военных преступников к почитаемым в этом святилище³⁴. В 1978 году, когда пресмником почившего настоятеля стал бывший флотский офицер, не признающий решения МВТ, Мацудайра Нагаёси, четырнадцать главных военных преступников были

---

³⁴ Japan Echo. 2005. Vol. 32. № 5. P. 24.

включены в списки *Ясукуни дзиндзя*. При этом святилище определило их как «мучеников эры Сёва»³⁵.

История кампании за восстановление государственного статуса *Ясукуни дзиндзя* подробно освещена в отечественной литературе³⁶. Напомним лишь, что впервые с подобной инициативой выступили Японская ассоциация семей погибших на войне (*Нихон идзоку кай*), часть правого крыла правящей Либерально-демократической партии, местные отделения Лиги ветеранов войны (*Гою рэм-мэй*), Ассоциация синтоистских святилищ и ряд правых организаций. Наиболее проницательные и дальновидные политики считали подобные действия весьма сомнительными, как, например, один из трех премьеров-долгожителей на политическом Олимпе Сато Эйсаку, хотя среди его друзей были некоторые военные преступники класса «А» (Кая Окинори, Судзуки Тэйити). Он полагал, что следует разделять дружеские отношения и проблему превращения *Ясукуни* в государственное святилище³⁷. Требование восстановить государственный статус *Ясукуни дзиндзя* в послевоенные годы не раз подкреплялось ссылками на то, что в других странах имеются различные мемориалы, где отдается дань памяти погибшим во время различных войн.

После окончания оккупации и обретения полной независимости предполагалось рассматривать святилище *Ясукуни* как мемориал погибших в войне, где высокие иностранные гости воздавали бы им почести. После отказа в 1953 году бывшего в то время вице-президентом США Р. Никсона посетить святилище в таком качестве правительство в 1959 году установило неподалеку от него (в Тидо-ригафути, район Тиёда) монумент неизвестным

---

³⁵ Мураками Сигэеси. Сюкё-но Сёваси (История религии в эпоху Сёва). Токио, 1985. С. 43.

³⁶ См., например: Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии; Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. М., 1990.

жертвам войны (*мумэй сэнсися бё*). Это вызвало резкий протест со стороны священнослужителей *Ясукуни дзиндзя* и их сторонников. В 1986 году бывший в то время премьер-министром Я. Накасонэ уподобил *Ясукуни дзиндзя* могиле Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище в США, где представители любой конфессии могут проводить поминальные службы, что абсолютно невозможно в случае *Ясукуни дзиндзя*, которое принадлежит только синтоистской конфессии. Более того, данное святилище принципиально отличается от других мемориалов тем, что, как уже говорилось, ни в нем, ни на его территории не имеется никаких захоронений. Об этом мало кто знает за рубежом. Министр иностранных дел Японии Асо Таро рассказывает о том, что его однажды спросили: «Где в *Ясукуни* покоятся останки военных преступников класса “А”, которые были повешены?» Спросивший был чрезвычайно удивлен, услышав, что они похоронены в буддийском храме Коа Канон в г. Атами префектуры Сидзуока. Надпись на монументе, возведенном в пределах храма, выполнена бывшим премьером Ёсида Сигэру³⁸.

Святилище *Ясукуни* как религиозное учреждение, несомненно, представляет собой часть исторической памяти народа. Это память в том числе и солдат, которые были против войны, но шли в бой по приказу государства. Есть свидетельства того, что солдаты перед боем обычно говорили друг другу: «Встретимся в *Ясукуни*». Вполне можно принять точку зрения Того Кадзухико, внука военного преступника класса «А», бывшего министром иностранных дел в кабинете Тодзио, начавшего войну, и в кабинете Судзуки, при котором она закончилась, Того Сигэнори. Он говорит: «Следует уважать национальную память о том, что многие солдаты умирали с уверенностью, что воссоединятся

---

³⁷ Тюо корон. 2005, август. С. 36.

³⁸ Japan Echo. 2006, October. Vol. 33. № 5. P.

в *Ясукуни дзиндзя*. Это важное национальное наследие. Тем, кто бережно хранит память об отцах, мужьях и других родственниках, будет трудно принять любое другое место скорби, кроме святилища *Ясукуни*»³⁹.

В настоящее время не существует никакой проблемы с проведением торжественной мемориальной церемонии, которая совершается ежегодно 15 августа, когда отмечается годовщина окончания Второй мировой войны, или с почитанием погибших на войне в обычных синтоистских святилищах, почитанием военных преступников класса «А» в буддийском храме Содзидзи в г. Иокогаме. Проблема почитания военных преступников наряду с другими павшими воинами вызывает острейшие споры лишь в связи с *Ясукуни дзиндзя* ввиду его особого исторического положения. Высказывается идея создания филиала святилища, где поминались бы только военные преступники класса «А», которая передается понятием «*бунрэй*». Предполагается, что это будет отдельное святилище наподобие *Того дзиндзя*, посвященного памяти заслуженного адмирала, героя войны с Россией 1904–1905 годов. Но это невозможно сделать, во-первых, исходя из традиционного отношения японцев к предкам и миру духов, во-вторых, поскольку в этом святилище сохранится почитание военных преступников класса «В» и «С». Альтернативой такому предложению является идея удаления из списков *Ясукуни* имен главных военных преступников, что передается понятием «*бунси*». Ярый противник такого предложения нынешний настоятель святилища Намбу Тосиаки, объясняя невозможность данного подхода, приводит следующее образное сравнение: можно долить в чайник чашку воды, но после уже нельзя вылить из него ту же чашку⁴⁰. Кроме того, в силу исторической тради-

---

³⁹ Far East Economic Review. 2006. June. <http://www.feer.com/2006/0606/free/p005.html>.

ции, особенностей мировосприятия и мироощущения люди, приходя в это святилище, все равно будут отдавать дань памяти всем погибшим, не озабочиваясь их делением. В этом смысле можно принять объяснение бывшего премьер-министра Д. Коидзуми о том, что осенью 2006 года во время большого осеннего праздника *Ясукуни дзиндзя* он посетил его «как и все граждане».

Проблему святилища *Ясукуни* усложняет находящийся в его ведении военный мемориальный музей *Юсёкан*. Он был перестроен в 2002 году и представляет собой весьма впечатляющее сооружение. В нем представлена довоснная и военная история Японии так, как она интерпретируется руководителями *Ясукуни дзиндзя*. Это стало возможным в соответствии с послевоенным законодательством, которое не допускает вмешательства правительства в дела управления религиозными организациями. Однако это не национальный военный музей, в концепции которого была бы представлена вся полнота истории. По мнению Того Кадзухико, «*Ясукуни дзиндзя* – это не место, где должен быть представлен лишь односторонний взгляд на историю страны. Святилище *Ясукуни*, возможно, сыграло ползную роль, сохраняя традиции и взгляды предвоенной Японии. Однако сегодня, спустя 60 лет, когда существует разнообразие взглядов на войну, пришло время для *Ясукуни* вернуться к его главной функции – скорбеть в соответствии с синтоистской традицией по тем, кто отдал жизнь за свою страну. Функции *Юсёкан* должны быть отделены от *Ясукуни дзиндзя*, а в случае необходимости перенесены в другое место»⁴¹.

В последние годы среди парламентариев обсуждается проблема создания нового национального мемориала, где воздавались бы почести «всем

---

⁴⁰ Japan Echo. 2006. April. Vol. 33. № 2. P.13.

⁴¹ См.: Far East Economic Review. 2006, июнь. Интернет-адрес на с. 188.

погибшим в войнах, в которые Япония была вовлечена с эпохи Мэйдзи (1868–1912)». Предполагается, что его сооружение должно субсидировать правительство. Новый открытый для представителей всех конфессий мемориал, очевидно, снял бы многие противоречия в отношениях с соседними странами и полностью отвечал бы принципам японской конституции⁴². Иначе говоря, речь идет о сооружении нейтрального нерелигиозного национального мемориала павшим в войне.

Однако подобная идея пока не встречает особой поддержки в обществе. Еще в середине 80-х годов прошлого века была создана дискуссионная группа для обсуждения проблемы нового мемориала, но никаких результатов ее работа не дала. Подобная деятельность оживилась, когда недавно в парламенте появилась «специальная группа по сооружению мемориального объекта», в которую вошли видные деятели от Либерально-демократической партии и поддержавшие их представители Демократической партии и партии Новая Комэйто.

Такой мемориал мог бы посещать император, который не появлялся в *Ясукуни дзиндзя* после обожествления в нем военных преступников. Со стороны Управления делами императорского двора делались неопределенные намеки на то, что император Сёва перестал посещать святилище, поскольку ему было неприятно почитание там главных военных преступников. Совсем недавно были обнаружены записи и дневники бывшего главного управляющего Управления делами императорского двора Томита Томохико, в которых подтверждается, что причиной отказа от посещения *Ясукуни дзиндзя* являлось неудовольствие императора фактом почитания там главных военных преступников. «Вот почему я перестал посещать святилище. Это я делаю по велению сердца»⁴³. Однако, несмотря на преклонный возраст, император Сёва

⁴² Асахи симбун. 10.11.2005.

⁴³ См.: Japan Echo. 2005. Vol. 32. № 5. P. 25–26.

всегда присутствовал 15 августа на общенациональных поминальных службах по погибшим в войне.

Проблема «обожествления» военных преступников в *Ясукуни дзиндзя* в настоящее время приобрела особую остроту в отношениях Японии с соседними странами, которым японские войска принесли огромные страдания во время Второй мировой войны. Сегодня проблема святилища *Ясукуни* во многом политическая, ставшая своего рода разменной картой в большой дипломатической игре. Формальным поводом для претензий соседних стран к Японии служит «обожествление» в святилище военных преступников, что якобы означает реабилитацию военных преступлений. В самом японском обществе существует мнение о том, что *Ясукуни дзиндзя* навязывает свое видение и толкование истории страны, о чем свидетельствует, в частности, музей *Юсукан*.

Постоянно муссируемая проблема *Ясукуни дзиндзя* касается не только и не столько значимости святилища как такового и проводимых в нем религиозных обрядов. Она связана не только с государственным синто, с тем, как толковать проводимые в нем церемонии – как чисто религиозные или имеющие характер государственных актов, но и с тем, как относиться к национальной истории, к тому, как интерпретируются те или иные события в стране и за рубежом. Речь идет прежде всего о различных оценках событий Второй мировой войны Японией, Китаем и Южной Кореей, об ответственности Японии, в частности тех политиков и военных, которые вовлекли страну в войну. Проблема ответственности за развязывание войны до сих пор тесно увязывается с вопросом о том, насколько справедлив был Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Поскольку он проводился победителями, то у многих японцев оставалось ощущение, что это не только юридическая процедура, но и политическая акция. Но, безусловно, нельзя отрицать, что Япония причинила

огромный ущерб и страдания соседним азиатским странам в результате своей агрессии и колониального правления. Не случайно бывший премьер-министр Д. Коидзуми подтвердил, что Япония официально признала решения МВТ. Другими словами, проблема святилища *Ясукуни* представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных внутри- и внешнеполитических вопросов – идеологии, восприятия истории, международных отношений.

Действительно, все послевоенные годы в стране не утихают дискуссии по проблемам национальной истории, ее интерпретации. Япония в условиях высоких темпов экономического роста стремительно приближалась к уровню высоко развитых в то время стран. Кроме того, только что был успешно пересмотрен в сторону обретения большего партнерства японо-американский договор о безопасности (1960). В этой связи вполне естественно усиление интереса к осмыслению собственной истории (тем более, что в 1968 году широко было отпраздновано столетие реставрации Мэйдзи), традиционных духовных ценностей, к проблемам этнической психологии, вопросам культурной самобытности. В настоящее время отечественная история стала одной из важнейших форм национального самосознания и национальной самоидентификации, а потому проблемы ее толкования и восприятия представляют сугубо практический интерес. Вопрос о преподавании отечественной истории в средней школе, разработка учебников постоянно находятся в центре внимания политиков и общества⁴⁴.

Как уже говорилось, предпринимались неоднократные попытки провести через парламент законопроект о передаче святилища *Ясукуни* в ведение государства, то есть по сути вернуть ему довоен-

---

⁴⁴ Подр. см.: Молодяков В.Э. Восприятие национальной истории в современной Японии. Японский опыт для российских реформ. 2004. Вып. 2. С. 72–80.

ный статус главного синтоистского храма. Пожалуй, ни одно событие, связанное с приданием синтоистским ритуалам государственного значения, не вызывало такого общественного возмущения в стране и за рубежом, как официальные визиты правительственных чиновников во время *митама мацурри* в святилище *Ясукуни*. Думается, здесь привнесено много политических моментов, не имеющих отношения к самой религиозной церемонии. В значительной степени это связано с тем, что обрядность *Ясукуни дзиндзя* исходно напрямую соотносилась с государственным синто. Достаточно вспомнить историю его возникновения и довоенный статус, а также то, что он был важнейшим инструментом воспитания воинственного духа и лояльности по отношению к императору, прославлял тех, кто погиб в боях за него. После войны религиозные лидеры святилища утверждали, что их главная цель — не восхваление погибших, а просто дань памяти им. Вполне справедливо отмечает М. Сонода: «Очень важно то, что, устремляясь в бой, они верили, что их смерть послужит основой создания лучшего будущего в родной стране, не испытывая при этом никакой ненависти к противнику»⁴⁵.

Посещения святилища первыми лицами государства имеют давнюю историю. Еще в октябре 1945 года бывший тогда премьером К. Сидэхара почтил в *Ясукуни дзиндзя* память всех погибших в ходе Второй мировой войны. Это повлекло за собой жесткий запрет ШОВ участвовать в поминальных службах святилища членам правительства. Уже упоминавшийся С. Ёсида трижды посещал *Ясукуни дзиндзя* как официальное лицо, его преемники Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато, К. Танака поступали так же соответственно два, пять, одиннадцать и пять раз. И это не вызывало никаких проблем. Во время премьерства Т. Мики (1974–1976) в правительстве впервые обозначились разногласия по поводу

---

⁴⁵ Сонода Минору. Мир синто. С. 89–90.

того, в каком качестве, официальном или частном, высшие должностные лица могут посещать *Ясукуни дзиндзя*. С 1975 года, начиная с Мики, премьер-министры совершали паломничества как частные лица, то же делали и депутаты парламента. Нарушил установленный порядок в 1985 году Я. Накасонэ, который расписался в книге посетителей как глава правительства⁴⁶. Речь идет, разумеется, об официальном посещении церемонии поминовения погибших воинов (*косики сампай*) 15 августа. С 1978 года, после объявления о почитании здесь главных военных преступников, и по 1984 год премьеры 20 раз посещали святилище, но только с 1985 года китайское правительство стало делать из этого серьезную дипломатическую проблему.

Я. Накасонэ совершил *косики сампай* в сороковую годовщину поражения Японии во Второй мировой войне, несмотря на то что комитет по законодательству палаты представителей парламента еще в 1980 году признал участие министров кабинета как официальных лиц в церемониях святилища *Ясукуни* неконституционным. Затем специальная комиссия при генеральном секретаре кабинета министров, изучавшая проблему *Ясукуни дзиндзя*, пришла к выводу, что посещение членами правительства этого святилища не противоречит Основному закону страны, если при этом не соблюдаются синтоистские ритуалы, а выражаются лишь «общечеловеческие чувства».

Объясняя свое решение, Я. Накасонэ заявил: «Посещение состоялось в соответствии с пожеланиями японского народа почтить память погибших на войне. Этот акт подтверждает стремление к миру и недопущению повторения войны»⁴⁷. Одновременно он заявил, что «ходил туда не для того, чтобы почтить дух Тодзио (премьер-министр военного времени. – Э.М.). Мой младший брат погиб на вой-

---

⁴⁶ Иомиури симбун. Утренний выпуск. 29.07.2001.

⁴⁷ Нихон кэйдзай симбун. 28.10.1985.

нс, и его дух пребывает сейчас в *Ясукуни*. Я ходил к нему»⁴⁸.

Официальное посещение церемонии в *Ясукуни дзиндзя* Я. Накасонэ было продуманным и осознанным поступком. Он никогда не скрывал, а точнее, всегда акцентировал свою приверженность традиционным духовным ценностям, к истории страны, которая так или иначе связана с синто, поскольку эта религия – ядро всей национальной культуры японцев. Однако при этом Накасонэ воздержался от соблюдения синтоистского обряда *хайрэй*, включающего два поклона, хлопок в ладоши, еще один поклон и подношение нескольких монет. Он просто поклонился и бросил в специальный ящик монеты, которые считаются подношением святилищу, а не божествам.

Это был период активного оживления националистических настроений, нашедших отражение в кампании по переоценке событий недавнего исторического прошлого, по пересмотру преподавания отечественной истории в школах. Все это вызывало бурные протесты со стороны Китая, но пока проблема *Ясукуни* и «обоженных» в нем военных преступников не возникала. Вспомним, что Япония прочно заняла место среди индустриальных демократий мира, стала полноправным членом западного сообщества и пошла по пути увеличения своей роли в международных делах, которая была бы адекватна ее экономическому потенциалу. Новый внешнеполитический курс связывался с именем Я. Накасонэ.

Посещая в 1985 году церемонию в святилище *Ясукуни* согласно своим убеждениям, он не ожидал бурной реакции протеста, особенно среди азиатских стран, бывших в свое время жертвами японской агрессии. Особенно жестко выступил Китай, впервые заявив, что «пристально следит за про-

---

⁴⁸ Цит. по: Japan Echo. 2006. April. Vol. 33. № 2. P. 11.

блемой Ясукуни⁴⁹ и что визит Накасонэ причинил боль азиатским соседям Японии». В то время Япония как раз встала на путь «возвращения в Азию», то есть вновь подтвердила, что это одно из важнейших направлений ее внешнеполитической активности. Не желая обострять отношения с соседними странами, в последующие годы Накасонэ и другие премьеры воздерживались от посещения служб в *Ясукуни дзиндзя (косики сампай)*. Прагматик Я. Накасонэ так объяснил свою позицию: «Международные отношения – это не улица с односторонним движением. Настроения азиатских народов требуют особого внимания. Если мы не сможем добиться консенсуса в международных делах, то, в конце концов, нанесем ущерб интересам собственной страны. Если Япония окажется изолированной от остальной Азии, порадует ли это духов тех солдат, которые считали, что умирают во имя интересов Азии?»⁵⁰.

Другими словами, возобладали политические соображения, а сама суть религиозной церемонии *митама сидзумэ* отошла на второй план.

В середине 90-х годов Китай представил свою позицию протеста против посещений японскими премьерами святилища *Ясукуни* как выражение чувств китайского народа. Стоит заметить, что и внутри Японии существует оппозиция политике правительства в отношении визитов главы государства в *Ясукуни дзиндзя*, которая смыкается в своих требованиях с официальной точкой зрения Китая. В целом можно признать, что это своего рода политическая спекуляция, поскольку не имеет под собою юридической опоры, за исключением лишь вопроса о том, не являются ли визиты в *Ясукуни дзиндзя* нарушением ст. 20 Конституции, запрещающей выделение какой-либо религии.

---

⁴⁹ Асахи симбун. 07.09.1985.

⁵⁰ Цит. по: Japan Echo. 2006. April. Vol. 33. № 2. P. 13.

В последнее время Китай настойчиво разыгрывает карту *Ясукуни дзиндзя* в отношениях с Японией, накаляя обстановку, что привело к резкому ухудшению двусторонних политических отношений на фоне расширяющихся экономических связей. Такому положению вещей в немалой степени способствует постоянно растущее геополитическое соперничество двух государств, дискуссии о событиях Второй мировой войны. В японском обществе, с одной стороны, бытует мнение о том, что спор вокруг святилища *Ясукуни* может быть решен исключительно за счет изменения позиции Китая, что он цинично использует вопрос о главных военных преступниках как «историческую карту» с целью оказать дипломатическое давление на Японию. С другой стороны, высказывается мнение о том, что Японии следовало бы сделать первый шаг на пути уступок, поскольку с исторической точки зрения виновата все-таки она, и это бы повысило ее престиж.

Остроту в отношении с сопредельными странами добавили ежегодные, начиная с 2001 года, посещения святилища *Ясукуни* Д. Коидзуми, который занимал высший пост в стране пять лет, став третьим политическим долгожителем. Следует заметить, что визиты Коидзуми в святилище по времени совпадали в основном с так называемыми большими весенними и осенними праздниками *рэйсай*, которые проводятся ежегодно в определенный день, воздерживаясь от присутствия в святилище 15 августа. Осенью 2005 года после посещения им *Ясукуни дзиндзя* во время праздника *рэйсай* развернулась ожесточенная кампания, особенно со стороны Китая, которая привела даже к нарушению согласованной повестки встреч лидеров двух стран.

Создавалось впечатление, что своими посещениями Коидзуми в определенной степени провоцировал Китай, осложняя тем самым дипломатию Японии в Азии. В зарубежных, в основном азиат-

ских средствах массовой информации, периодически появляются сообщения о том, что Япония недостаточно извинилась перед народами региона, хотя японские лидеры делают это достаточно регулярно, а также дается претенциозная трактовка посещений *Ясукуни дзиндзя* высшими лицами государства как «попытка возвеличить японский милитаризм прошлого».

В ответ на подобные нападки, как бы подводя итог, японское правительство высказало свою официальную позицию относительно посещения премьер-министром Д. Коидзуми святилища *Ясукуни* в 2005 году. В частности, премьер-министр ясно заявил, что цель его визитов – выразить глубокое уважение и благодарность множеству людей, погибших на войне, что он делает это не ради главных военных преступников и что Япония признала решения Международного трибунала по Дальнему Востоку. Он подчеркнул, что «Япония своей агрессией и колониальным правлением нанесла огромный ущерб и причинила страдания народам многих стран, особенно в Азии». Премьер-министр неоднократно заявлял, что Япония должна честно воспринимать эти факты истории в духе смирения, с чувством глубокого раскаяния и искреннего сожаления. Он подтверждал готовность Японии «вносить свой вклад во всеобщий мир и процветание, высоко ценя отношения доверия с другими странами»⁵¹. Д. Коидзуми подтвердил эту позицию международному сообществу в выступлении на Азиатско-Африканском саммите в апреле 2005 года и повторил ее в августе в заявлении по поводу 60-й годовщины окончания Второй мировой войны.

---

⁵¹ Принципиальная позиция правительства Японии относительно посещения премьер-министром Коидзуми Дзюинтиро святилища Ясукуни. Документ МИД Японии. 2005, октябрь. Заявление премьер-министра Коидзуми Дзюинтиро. Документ МИД Японии. 2005, 17 августа.

В японском обществе существует достаточно большой разброс мнений относительно визитов главы государства в *Ясукуни дзиндзя*. Сторонники посещений исходят из того, что для любой нации вполне естественно отдавать должное и хранить память о тех, кто отдал жизнь за свою страну. При этом, естественно, такое почитание выражается способами, которые различаются в соответствии с историей, культурой и традициями каждой страны. Это исключительно внутреннее дело, в которое не могут вмешиваться другие страны. Приведем несколько примеров.

По мнению главного редактора газеты «Иомиури» Ватанабэ Цунэо, японские премьер-министры не должны прекращать свои посещения *Ясукуни дзиндзя* лишь потому, что против этого выступает Китай или Южная Корея. Действительно, «японцы совершали преступления, убивая жителей других стран, — пишет он, — однако миллионы японцев также были убиты. Большинство из тех, чьи духи сейчас почитаются в святилище, были жертвами. Мы должны делать различие между убийцами и жертвами. Нам также следует обратить внимание на степень ответственности тех, кто совершал преступления. Мы должны разобраться с собственным прошлым, с учетом позиции Китая и Южной Кореи»⁵². Он полагает, что Японии надлежит подправить свои отношения с соседними странами, что потребует от нее честного изучения своей истории, признания факта ведения агрессивных войн и доведения этого до сведения всего населения. И тогда, по его мнению, и Китай, и Республика Корея прекратят свою постоянную критику в адрес Японии. Такая позиция представляется достаточно сбалансированной, в ней учтены внутри- и внешнеполитические аспекты.

Президент Международного университета в г. Аките Такахара Канако настаивает лишь на внешнеполитическом аспекте. Он полагает, что про-

---

⁵² Japan Echo. 2006. Vol. 33. № 2. P. 11.

должение таких посещений необходимо, дабы не создавать превратного мнения, что Япония поддастся давлению китайской стороны и ее можно принудить к компромиссу, наращивая затем вмешательство во внутренние дела страны. Он характеризует двусторонние отношения как дипломатическое противостояние, к которому привлечено внимание международного сообщества, и уступка Китаю ослабит положение Японии⁵³.

Противники таких посещений настаивают на том, что японские лидеры должны считаться с чувствами людей в других странах и избегать действий, которые могут оскорбить соседей Японии и подорвать дружеские отношения. Но главным признается определение отношения к войнам, которые вела Япония в 30–40-е годы прошлого столетия. В частности, эксперт по проблемам *Ясукуни дзиндзя* из Токийского университета Такахаси Тэцую призывает прежде всего избавиться от негативного наследия милитаристского прошлого. Это, по его мнению, гораздо важнее отношений с Китаем и Южной Кореей.

При разности подходов сторонники и противники посещений премьер-министрами *Ясукуни дзиндзя* сходятся в том, что японцы должны самостоятельно, без посторонней подсказки решить эту проблему как в плане религиозном, так и политическом. Ни в коей мере нельзя забывать о том, что в Японии, несмотря на грандиозные катаклизмы, произошедшие в последние сто с лишним лет, никогда не прерывалась связь веков, всегда сохранялась традиция, не происходило искоренения религиозного сознания, которое превращает духовную жизнь общества в пустыню и разрушает традиционную культуру.

История Японии так или иначе связана с синто, поскольку он – ядро всей культуры, в которой на протяжении веков утверждались и сохранялись свои особенности несмотря на широкое заимство-

---

⁵³ The Japan Times. 26.07.2005.

вание континентальной культуры. Национальная религия даст возможность каждому японцу осознать свою самоидентификацию, поскольку синто укоренился у них в подсознании. Синто (с его пантеизмом и отсутствием воинственности), создавший адаптивное религиозное сознание японцев, может дать «информацию к размышлению», как формировать религиозное сознание в направлении веротерпимости. Не менее ценен опыт синто по преодолению использования его как инструмента государственной политики. Возможно, осознание современными поколениями японцев того, что представляет собой национальная религия, поможет понять, чем является святилище *Ясукуни*, и не создавать особой проблемы вокруг него. Другими словами, вполне возможно разрешение внутривнутриполитического аспекта вопроса.

Также очевидно и то, что проблема *Ясукуни дзиндзя* требует политического решения. Шаги, предпринятые бывшим премьер-министром С. Абэ, свидетельствуют о намерениях японской стороны снять остроту проблемы и искать пути выхода из сложившегося тупика в отношениях с сопредельными странами. В начале января 2007 года он совершил паломничество в одно из важнейших святилищ, связанных с императорским культом – *Мэйдзи дзингу*⁵⁴. Оно посвящено императору Мэйдзи и его супруге. По словам С. Абэ, он часто посещает это святилище, поскольку оно расположено неподалеку от его резиденции. Очевидно, своим шагом он даст понять консерваторам, что чтит национальную религию (это святилище в бытность премьер-министром посещал Мори Ёсио, отличавшийся своими высказываниями о Японии «как стране *ками*»), но в то же время ищет альтернативу святилищу *Ясукуни*. Нынешний премьер-министр Фукуда Ясуо дал четко понять, что воздержится от посещения этого святилища и намерен урегулировать внешнеполитический аспект проблемы.

---

⁵⁴ The Japan Times. 07.01.2007.

Современная жизнь святилищ

После войны при решении проблемы организации религиозной жизни в стране наиболее чувствительный удар был нанесен синтоистской общине из-за государственного синто. Традиционно община строилась по территориальному принципу. Все живущие в пределах городского квартала, поселка, деревни, то есть локального общества (*тиики сякай* или *комьюнити*, от community), автоматически приписывались к числу прихожан местного святилища, и оно, таким образом, становилось организующим центром жизни в их пределах.

Однако при этом святилище никогда не занимало доминирующего положения в организации жилого пространства. (Вспомним, как ставили церкви в русских городах и деревнях.) Обычно оно располагалось за рядами домов поселков и деревень, которые тянулись вдоль дороги, нередко пряталось в роще, а дальше шли бесконечные холмы, столь свойственные японскому пейзажу, где и «обитали» *ками*. Таким образом, святилище было центром не в силу своего местоположения, а в силу значимости в жизни людей, как центр их общения с божествами.

Проводимые на базе святилищ празднества служили средством социализации жителей каждого локального общества. По мнению директора университета *Когаккан* К. Сакураи, «при формировании *комьюнити* требуются сакральное присутствие и исполнение ритуалов, что гарантирует гармонию и порядок. В Японии в большинстве случаев эту роль выполняют синтоистские святилища»⁵⁵. Он

---

⁵⁵ Shinto – Its Universality. P. 71.

же полагает, что в современном обществе компании позаимствовали принцип организации локального общества по типу община-общество. Община – это традиционный тип коллектива, основанный на родстве и связях всех его членов между собой. Общество же базируется на принципе коллективного договора, регулирующего совместное существование. Оно возникает из любого сочетания индивидуумов, которые для обеспечения своего существования создают искусственные «связи», составляющие основу социальных норм⁵⁶.

Приверженность японцев компании столь велика, что даже появился термин «человек компании». В настоящее время компании возводят святилища в зданиях штаб-квартир, чаще всего на крыше, на территории предприятий. Они используют и старые святилища, находящиеся теперь на их территории и соответственно имеющие своего местного бога-покровителя *удзигами*, или возводят новые взамен разрушенных, но посвященные прежним божествам. Главное состоит в том, что «и на низшем уровне (в локальном обществе, или компании), и на национальном всегда есть один из мириад *ками*, которому поклоняются как высшему божеству данной общности»⁵⁷.

В настоящее время во многих районах Токио можно увидеть немалое число таких «восстановленных» святилищ на пристроенных к домам площадках или террасах, к которым ведет отдельный вход. Нередко здесь же имеется надпись о том, что на месте возведенного современного здания располагалось святилище, которое было разрушено во время войны или которое попало под реконструкцию данной территории.

Жизнь любого локального общества, функционирующего в определенных границах (территори-

---

⁵⁶ Подр. см.: Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Японское общество. С. 141–144.

⁵⁷ Shinto – Its Universality. P. 74.

альных, психологических, социальных), хотя подчас и размытых, определяется повторением и переплетением устойчивых ассоциаций, институтов, стереотипов. Именно они создают рамку для местной жизни, где люди, даже будучи не знакомы друг с другом, взаимосвязаны через социальные, экономические и политические отношения. Локальные общества существовали испокон веку, задолго до появления этого термина. В сельской местности они были представлены деревней, которая, по определению проф. М. Кида, является «субстратом японской культуры»⁵⁸. Организующим началом здесь служили пятидворки (*тонаригуми*). В городских кварталах все решения принимались на общем собрании жителей (*тёнайкай*). Именно эти объединения поддерживали святилища и отвечали за их деятельность.

После войны они были распущены как антидемократические, но достаточно быстро опять возродились, ибо отвечали духу и чувству причастности каждого японца к определенной общности. Соседские объединения, несмотря на запрет оккупационной администрации, продолжали функционировать в 86% городов и деревень. А после его снятия они были восстановлены практически повсюду⁵⁹. Однако им запрещалось поддерживать святилища невзирая на то, что традиционно духовным стержнем каждой общности было местное *дзиндзя*, посвященное *удзигами*. Оно было как бы символом единства людей, проживающих на определенной территории, укрепляя в них чувство принадлежности к своему локальному обществу. Уже сам праздничный календарь святилища, отражающий события социальной значимости для данного обще-

---

⁵⁸ Кида Минору. Нихон бунка-но контэй-ни химо му моно (Что скрыто в японской культуре). Токио, 1956. С. 5.

⁵⁹ Curtis G.L. Election Campaigning Japanese Style. New York, 1971. P. 100.

ства, свидетельствует об объединительной роли синто. Стоит обратить внимание на то, что синтоистские ритуалы проводятся для всех членов общины.

Переселение огромных масс населения из сельских районов в города разрушало территориальный принцип организации синтоистской общины. Покидая родные места, люди утрачивали прежние связи с местным святилищем, оказывались вырванными из привычных социальных отношений. Связь между прихожанами и *дзиндзя* до войны осуществлялась через так называемых выборщиков от прихожан (*удзико содай*), которые представляли локальное общество и были ответственны за ведение дел в святилище, через них осуществлялись жертвоприношения, с их помощью проводились различные праздничные церемонии. Официально эта система была отменена после войны. Однако как и в случае с *тёнайкай*, она оказалась живучей и фактически возродилась в форме Совета связи с прихожанами (*содайкай*). Это исключительно добровольное объединение. Обычно в него входят авторитетные, влиятельные представители локального общества и во многих случаях и представитель святилища.

Как рассказал автору в личной беседе священнослужитель *Нэндзу дзиндзя* (район Бункё, Токио), общение с адептами осуществляется как раз через *содайкай*, который собирается раз в месяц. На заседаниях обсуждаются различные текущие вопросы. А вот для проведения больших праздников подключается много желающих. По большей части этим и ограничивается активность основной массы прихожан. По словам моего собеседника, в настоящее время святилище, конечно, не является центром духовной жизни локального общества.

Однако очень многое зависит от личностей священнослужителей, их умения и желания работать не только с прихожанами, но и с бизнесменами, привлекать к освещению жизни святилища средства массовой информации. В этом плане заслу-

живает внимания деятельность настоятеля Уэсугу в святилище *Сува* в Нагасаки, который в 80-е годы буквально возродил его к жизни. Оно известно по всей стране благодаря проводимому здесь 7–9 октября грандиозному *Окунти мацури*, который является одним из самых пышных в стране наряду с *Гион* в Киото. Праздник посвящен путешествию и посещению божествами древнего святилища *Идзумо тайся*. Полагают, что он появился в XVI веке для того, чтобы отвлечь жителей о. Кюсю от быстро распространявшегося здесь христианства. Улицы города украшают многоцветными полотнищами, гирляндами красочных бумажных цветов, фонарями. Повсюду возводится большое число сценических площадок для выступлений жонглеров, танцоров, музыкантов. Кульминация праздника – исполнение танца огромного дракона. Усилиями настоятеля был создан фонд возрождения и поддержки *Сува дзиндзя*, информация о нем начала периодически появляться в новостях на местном телевидении, а не только во время Нового года и *Окунти мацури*. В местной газете даже появилась еженедельная колонка «Дневник *Сува*».

В результате этой работы жители Нагасаки узнали о многих старинных праздниках и обрядах, которые проводятся в святилище. При этом священнослужители старались сделать их привлекательными для разных возрастных групп. Например, во время праздника девочек устраиваются целые представления, в которых принимают участие девушки, облаченные в прекрасные кимоно, предоставленные им святилищем. Сценарий проведения этого представления подготовлен самим настоятелем, он же проводит репетиции, во время которых рассказывает об истории и традициях *мацури*. Во время Дня совершеннолетия в *Сува дзиндзя* для всех желающих молодых людей, которые не только ничего не знают о религиозной церемонии, но даже не умеют сидеть на *татами*, со-

вершается полный ритуал с чтением молитвословий *норито*, представлением *кагура*⁶⁰.

Значение святилищ в современном обществе во многом поддерживается тем, что они выступают центрами сохранения национальных культурных традиций, в первую очередь разнообразных *мацури*, которые, как известно, – подлинный кладезь традиционных видов искусств. Мне довелось присутствовать на осеннем празднике запуска ракет *рюсэйсай*, который проводило *Кусанаги дзиндзя* в г. Сидзуоке. Он насчитывает трехсотлетнюю историю, и в настоящее время при сохранении определенной религиозной обрядности (шествие со священными паланкинами *микоси*, в том числе и небольшими детскими) превратился в веселое народное представление. В 1984 году *мацури* был признан «префектурной духовной культурной ценностью». Поскольку проведение подобного *мацури* – дело сложное и дорогостоящее, то в его организации помимо святилища принимают участие представители местной администрации, члены специального общества по охране традиций праздника. Как правило, это люди старшего и среднего возраста, но активно работающие с молодежью.

Вся подготовка проводится в основном на территории святилища. Спонсорами выступают различные акционерные компании, местные отделения банков, гостиницы, гольф-клуб и др. Несмотря на то, что религиозная сторона этого праздника как бы отошла на второй план, *Кусанаги дзиндзя* придаст его проведению большое значение, поскольку не только сам праздник, но и весь комплекс подготовки активно вовлекает его в жизнь локального общества, привлекает новых адептов.

Нередко во многих населенных пунктах по соседству со святилищами традиционно располагались самые разнообразные базары-ярмарки (*ути*), которые часто приурочивались к проведению того

---

⁶⁰ Nelson J.K. A Year in the Life of a Shinto Shrine. Univ. of Washington Press, 1996. P. 77–84, 212–216.

или иного *мацури*. Эта традиция жива и по сей день. Можно назвать крупнейшую предновогоднюю ярмарку в Одавара или существующие уже не одно столетие базары птиц (*тори-но ити*) при святилище *Оотори дзиндзя*, которых много в районе Канто, но главное святилище располагается в районе Дайто в Токио. Своим названием эти *дзиндзя* обязаны легенде о том, что одно из синтоистских божеств вылетело из святилища в виде птицы. Ярмарки проводятся в день птицы по лунному календарю. Год, когда на ноябрь выпадает три «птичьих» дня, считается неблагоприятным, и потому в святилище стекается масса народа, чтобы попросить защиты. В такие годы *Оотори дзиндзя* в Токио посещает до миллиона человек.

Средством привлечения прихожан в святилища является продажа в них разного рода амулетов и талисманов (*омамори, омикудзи, офуда, эма*), предсказывающих судьбу или защищающих от бед и несчастий. В туристических проспектах, еженедельниках, рекламных роликах, железнодорожных расписаниях сообщаются адреса наиболее популярных святилищ, где они продаются. Издан также специальный «Словарь святилищ и храмов, в которых можно попросить об удаче» (*Фуку о ёбу дзися дзитэн*). В нем в соответствующих разделах указаны святилища, где можно заручиться содействием *ками* в учении (*гокаку*), обеспечении безопасности на транспорте (*коцу андзэн*), в успехах в бизнесе, здоровье, счастье в семейной жизни. Обращение к *ками* в этих случаях (*миидзу*) может происходить в виде молений, пробы прошедшей обряд очищения ритуальной пищи, поднесенной божествам. Суть данного ритуала состоит в том, что люди зывают к священной благодати *ками* (*синтоку*), которую они «распространяют» на разные аспекты жизнедеятельности. Например, в многочисленных *Тэндзин дзиндзя* родители и учащиеся молятся об успешной учебе. В *Идзумо тайся* молодые пары просят помощи в укреплении брачных уз.

Достаточно серьезным подспорьем в доходах святилищ является проведение обряда очищения автомобилей, тысячи владельцев которых в новогодние дни посещают *дзиндзя*. В современной Японии даже появился специальный термин для этой церемонии *май-ка* (от *англ.* – *tu car*). Такие же церемонии очищения проводят автобусные или авиационные компании при введении в эксплуатацию новых транспортных средств.

Не меньшей популярностью пользуется церемония очищения земли (*дзитинсай*), которая проводится при начале строительства частных или общественных зданий, предприятий. Она имеет два варианта – синтоистский и буддийский, но в настоящее время ее проводят в основном синтоистские священники. На месте строительства устанавливается временное святилище, украшенное ветками священного дерева *сакаки*, обнесенное соломенной веревкой *симэнава*, и проводятся соответствующие церемонии успокоения *ками* земли и других местных божеств с тем, чтобы очистить место строительства, защитить его от вредных влияний и обеспечить владельцам покровительство. С проведением такой церемонии связан инцидент, имевший место в 1965 году в г. Цу (преф. Миэ). Мэр города при строительстве муниципального гимнастического зала пригласил для проведения *дзитинсай* синтоистского священнослужителя. Противники проведения подобной церемонии усмотрели в этом участие местных органов в религиозной деятельности, что запрещено Конституцией, а в оплате услуг священнослужителя – финансовую поддержку, что также противоречит ее статье 89. Однако Верховный суд не увидел в этом никаких нарушений, поскольку посчитал подобную церемонию настолько рутинной, что большинство людей просто и не подозревали о ее первоначальном происхождении⁶¹.

⁶¹ Hardacre H. Shinto and the State 1868–1988. P. 149–150.

Дополнением к *дзитинсай* служит обряд покрытия кровли, который завершает постройку здания (*мунзагэ*). В этом ритуале участвуют строители и владелец строящегося дома. Священные амулеты из соответствующего святилища с обозначением имени хозяина и датой строительства закладываются в основание постройки, а женская маска с круглым улыбающимся лицом и плоским носом, которая символизирует обретение удачи, кладется на крыше. Делаются подношения фруктов, риса, соли, и проводится символическое очищение, затем два раза хлопают в ладоши. Во дворе рассыпается песок, принесенный с территории святилища, а сакэ разбрызгивают в «несчастливом» северо-восточном углу дома. Нередко по телевидению можно наблюдать, как для успешного запуска ракет на их установки наклеивают специальные талисманы.

Что это? Пережитки прошлого, примитивные верования или просто обычаи? Очевидно, что это — уже не чисто религиозное действие, а скорее празднично-общественное. Всё вместе создает как бы единое тканое полотно духовной жизни. Синто, чтобы сохраниться, уходит от сугубо религиозного аспекта, отодвигая догматику на второй план. Иначе говоря, он живет в современном обществе не только в литургической практике, но и в повседневной жизни — в обрядах и праздниках. Это прекрасно понимают священнослужители, перенося акцент в своей деятельности на культурно-просветительскую работу. В частности, почетный профессор университета *Когаккан* бывший настоятель *Ясака дзиндзя* Ц. Маюми уделял серьезное внимание изданию историко-религиозной документации о своем древнейшем святилище, а также адаптации священных книг, например «*Кодзики*», для детей. Этот литературно-религиозный памятник был издан в форме популярных *манга*. В настоящее время святилища проводят целенаправленную деятельность по пропаганде истории страны, каждого святилища, культурной традиции. Поэтому неудивитель-

но, что основными организаторами подавляющего большинства *мацури* выступают святилища. Именно с их проведением в значительной степени связано послевоенное возрождение синто, увеличение числа его адептов. Кстати сказать, Директива ШОВ США о ликвидации государственного синто сыграла в известной степени роль бумеранга, вызвав у населения интерес к синто в целом.

При всей модернизации жизни современного японца она неразрывно связана с религиозными обрядами, которые отчасти утратили свой религиозный смысл. Так, до сих пор у многих людей с ними связаны примечательные события жизни – от рождения до смерти. Многие делается по традиции, без непосредственной связи с верой отдельного человека или семьи. Например, для большинства японцев Новый год начинается с посещения святилища *хацумодэ*. Молодые люди, которые считают себя неверующими, очень охотно принимают участие в этой церемонии, поскольку для них главное – не догма или обряд, а чувство, то есть то, что составляет религиозное сознание в широком смысле слова.

Религия как догмат может исчезнуть, но религиозное чувство, как правило, переживает разнообразные религиозные формы и течения. В Японии, несмотря на грандиозные катаклизмы, происшедшие за последние сто с лишним лет, никогда не прерывалась связь веков, здесь всегда сохранялась традиция. По авторитетному свидетельству Ц. Маюми, синто для японцев как воздух, о котором не думают⁶². Без него японец не японец, а Япония не Япония. Многие современные японцы дома перед синтоистским алтарем *камидана* или на улице перед святилищем автоматически хлопают в ладоши и замирают в поклоне, не задумываясь о религиозном смысле этого ритуала. Это свидетельство того, что синто глубоко запрятан в подсознании.

---

⁶² Кёто симбун. 17.01.1994.

Может быть, не случайно образ синтоистского святилища с его лаконичностью, простотой, чистотой открыл выдающемуся историку нашего времени А. Тойнби «единство, которое запрягано в корнях любой религии».

Знаменитые святилища, равно как и буддийские храмы, являющиеся сокровищницами национальной культуры, пополняют свои доходы за счет огромного числа туристов, неизменно их посещающих. Они издают весьма подробные путеводители с описанием истории возникновения религии, мифологии, специфики святилищ. Многие для получения дополнительных средств сдают часть помещений для проведения выставок традиционных видов искусств, чайных церемоний, занятий *икэбана* и каллиграфией, а часть прилегающей территории – под автостоянки. В последнее время большой популярностью пользуется постройка при святилищах своего рода гостиниц (*дзиндзя кайкан*), в которых предлагается весь набор услуг для проведения брачной церемонии по синтоистскому обряду. Например, такой комплекс в 1997 году был построен при *Ясака дзиндзя*. По словам настоятеля, во многом это было сделано из-за нехватки денежных средств на реставрационные работы, несмотря на то что святилище получает бюджетные ассигнования как национальное сокровище общенационального значения, да и спонсоры не обходят его своим вниманием. Не в последнюю очередь спонсорская благотворительность связана с возможностью дополнительной рекламы (святилища по традиции широко оповещают о подобных благодеяниях).

Можно много еще рассказывать о современной жизни святилищ, но главное состоит в том, что они демонстрируют высокую адаптивную способность, присущую всей традиционной культуре.

Национальная религия японцев

Синто

Отв. за выпуск А.А. Румынский
Редактор Е.А. Белова
Обложка Л.П. Митич

Подписано в печать 07.11.07. Формат 84x100/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 7 + 1 ил. цв. вкладка
Тираж 1000 экз. Заказ № 4887

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел.: 186-93-78, 620-36-95, 620-36-94, 540-25-48

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Синто – путь богов – исконная религия японцев, важнейшая и неотъемлемая часть истории и культуры народа. Именно на основе синто на протяжении веков складывались мировосприятие и мироощущение японцев. Несомненно, синто больше, чем религиозная вера. Это комплекс идей, отношений и норм поведения, которые более чем за два тысячелетия стали основой существования японцев.

Эта религия мало известна по сравнению с другими вероучениями мира, хотя в Японии она существует с незапамятных времен. До сих пор синто в значительной степени является *terra incognita*, несмотря на то, что всегда привлекал внимание иностранцев своими экзотическими обрядами, церемониями, праздниками, мистической атмосферой и своеобразной символикой своих святилищ